

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

А. Н. ПОПОВ

**УБИЙСТВО,
СОВЕРШЕННОЕ
ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ
(п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ)**

**Санкт-Петербург
2002**

ББК 67.408

Попов А. Н. Убийство, совершенное преступной группой (п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. 148 с.

Рецензенты

Н. И. МАЦНЕВ — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета СПбГУ;

Т. А. НИКОЛАЕВА — начальник отдела по надзору за следствием в органах прокуратуры Санкт-Петербурга, ст. советник юстиции.

Данное монографическое исследование посвящено проблемам квалификации убийств, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой (в том числе бандой), участниками преступного сообщества как объединения организованных групп. Автор вносит аргументированные предложения по совершенствованию уголовного закона, предусматривающего ответственность за преступления рассматриваемого вида.

Предназначается специалистам в области уголовного права.

© Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время большинство ученых считает, что преступление, совершенное группой лиц, представляет более значительную общественную опасность, чем преступление, совершенное одним лицом. Данный теоретический постулат находит отражение и в действующем законодательстве. Однако так было не всегда.

Относительно того, во всяком ли случае групповое совершение преступления следует признавать квалифицирующим обстоятельством, известный профессор уголовного права С. В. Познышев писал: “На этот вопрос надо ответить отрицательно. В самом деле, значение соучастия всегда, так сказать, индивидуальное. Для одного преступника тот факт, что он совершил преступление в соучастии с другими и, может быть, под их давлением, может иметь значение обстоятельства даже указующего на необходимость более мягкого и менее интенсивного карательного воздействия; для другого преступника и в других случаях значение этого факта может быть обратное. Вот почему законодатель поступит правильно, если не будет видеть в соучастии или в какой-либо форме последнего безусловно квалифицирующего обстоятельства”¹.

Дореволюционное уголовное законодательство России не содержало такогоотягчающего признака убийства, как совершение его группой лиц. Однако ст. 388 Уголовного Уложения 1903 г. специально предусматривала ответственность за участие в сообществе, образованном для совершения убийства, наряду с ответственностью за приготовление к убийству.

Такой подход российского законодателя обуславливался тем, что ст. 388 Уложения, предусматривавшая ответственность за участие в сообществе, образованном для совершения убийства, применялась в строго ограниченных случаях.

Авторы комментария к проекту Уложения объясняли это следующим образом: “Статья 388 должна быть применяема, во 1-х, в тех случаях, когда сговорившиеся помимо их воли не привели свой замысел в исполнение; во 2-х, в случаях совершившегося убийства, но только к тем из согласившихся принимать в нем участие, которые почему-либо не выполнили ни одного из

¹ *Познышев С. В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 402.

действий, делающих их соучастниками в тесном смысле, а только обещали свое содействие, будет, конечно, они не употребили всех зависящих от них мер для предотвращения задуманного, так как в этом последнем случае они не подлежат никакому наказанию”².

Другими словами, данной статьей Уложения предусматривалась ответственность за приготовление к преступлению и за неудавшееся соучастие в убийстве. Вопросы удавшегося соучастия, в том числе и в групповом убийстве, по Уложению 1903 г. решались на основе норм Общей части.

Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. также не содержали такого квалифицирующего признака, как совершение убийства группой лиц.

Впервые данное отягчающее убийство обстоятельство было предусмотрено Законом Российской Федерации от 18 февраля 1993 г. № 4510-1. В п. “н” ст. 102 УК РСФСР устанавливалась повышенная уголовная ответственность за убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц.

Необходимо отметить, что повышенную ответственность влекло лишь совершение убийства группой лиц по предварительному сговору. Между тем в ст. 17¹ УК РСФСР давалось определение всех трех видов групп, возможных при совершении преступления. В связи с этим возникал вопрос: как квалифицировать убийство, если оно совершено группой лиц без предварительного сговора или организованной группой, поскольку в ст. 102 УК РСФСР данные виды групп не назывались.

По нашему мнению, убийство, совершенное группой лиц без предварительного сговора, при отсутствии иных отягчающих ответственность обстоятельств надлежало квалифицировать по ст. 103 УК РСФСР, т. е. как “простое” убийство. В этом случае совершение убийства группой лиц никак не влияло на квалификацию содеянного. Не влияло оно и на назначение наказания, поскольку не было предусмотрено в перечне обстоятельств, отягчающих ответственность. Убийство же, совершенное организованной группой, на наш взгляд, требовало квалификации по ст. 17¹ и п. “н” ст. 102 УК РСФСР. Квалификация убийства, совершенного организованной группой, только по ст. 102 УК РСФСР исключалась, поскольку данная статья не предусматри-

² Уголовное Уложение. Проект Редакционной комиссии и объяснения к нему. Т. VI. Спб., 1895. С. 91.

вала ответственности за убийство, совершенное организованной группой лиц³.

Установление повышенной уголовной ответственности только за убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, не было удачным шагом законодателя. Видимо, поэтому УК РФ 1996 г. предусмотрел повышенную ответственность уже за все виды группового убийства. Правда, почему-то в одном пункте и одной части ст. 105 УК РФ. Тем самым закон фактически уравнивал разные по степени общественной опасности преступления. Ведь несомненно, что убийство, совершенное организованной группой, специализирующейся на совершении заказных убийств, гораздо более общественно опасно, чем убийство, совершенное, например, собутыльниками на бытовой почве в процессе пьяной ссоры. Требуется целый комплекс мер, в том числе и законодательных, чтобы должным образом противостоять наиболее опасным видам преступлений, совершаемых организованными группами. На наш взгляд, законодатель поступил бы более правильно, если бы дифференцировал уголовную ответственность в зависимости от вида группы, в составе которой совершено убийство. Данному вопросу мы уделим внимание в ходе нашего дальнейшего исследования.

Пункт “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает ответственность за убийство, совершенное преступной группой. В ст. 105 УК РФ выделяется три вида убийства преступной группой: 1) убийство, совершенное группой лиц без предварительного сговора; 2) убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору; 3) убийство, совершенное организованной группой.

Каждое из указанных видов убийств является частным случаем совершения преступления в соучастии. Прежде чем обратиться к анализу состава преступления, предусмотренного п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо определить точное значение терминов, относящихся к институту соучастия.

Понятие “соучастие” в теории уголовного права употребляется и в широком и узком смысле. Соучастие может быть простым и сложным. В уголовно-правовой литературе встречаются и такие понятия, как “преступная группа”, “групповое преступление”, “групповая преступность”, которые подразумевают лю-

³ Попов А. Н. Умышленное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц // Юридическая практика. СПб., 1996. С. 101—113.

бую общность лиц, имеющих отношение к одному и тому же преступлению.

Понятие соучастия в широком смысле включает в себя все формы совместной преступной деятельности виновных, в том числе и совершение преступления группой лиц.

Соучастие в узком смысле предполагает совершение преступления с юридическим распределением ролей, например непосредственное совершение преступления одним лицом при подстрекательстве со стороны другого. В этом случае имеются и исполнитель и подстрекатель. Такое соучастие в науке уголовного права получило название “сложное соучастие”. Если преступление совершается только лицами, непосредственно выполняющими объективную сторону преступления, то речь идет о соисполнительстве, это “простое соучастие”. Соучастие в групповом преступлении в узком понимании ограничивается ролями организатора, подстрекателя или пособника группового преступления. Соисполнительство охватывается понятием “совершение преступления группой лиц”.

Поэтому в ходе дальнейшего исследования состава преступления, предусмотренного п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, мы будем исходить из того, что:

1) соисполнители — это лица, совместно выполняющие объективную сторону преступления;

2) соучастники — это лица, которые непосредственно не выполняют объективной стороны преступления, но иным образом участвуют в его совершении — или как подстрекатели, или как пособники, или как организаторы;

3) групповое преступление — это совершение преступления двумя или более соисполнителями;

4) соучастие в групповом преступлении — выполнение при совершении группового преступления любых ролей, кроме исполнителя (соисполнителя) преступления.

1. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Представляется целесообразным начать рассмотрение п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ с такогоотягчающего обстоятельства, как совершение убийства группой лиц по предварительному сговору. Во-первых, потому, что убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, необходимо отличать и от убий-

ства, совершенного группой лиц, и от убийства, совершенного организованной группой, и от соучастия в убийстве. Во-вторых, потому, что на практике чаще всего возникают сложности именно при квалификации содеянного как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц. В-третьих, потому, что данный квалифицирующий признак не имеет однозначного толкования в доктрине уголовного права.

По нашему мнению, для квалификации содеянного как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, в деянии виновных лиц необходимо установить следующие обязательные признаки:

- 1) убийство совершено двумя или более лицами;
- 2) убийство совершено по предварительному сговору;
- 3) убийство совершено соисполнителями.

Каждый из названных признаков имеет свои особенности и нуждается в самостоятельном толковании.

1.1. Совершение убийства двумя или более лицами

Убийства, совершенные по предварительному сговору группой лиц, могут образовывать четыре ситуации, требующие уголовно-правовой оценки с точки зрения субъектного состава участников преступной группы:

1) убийство совершено группой, полностью состоящей из субъектов уголовного права, т. е. лиц, достигших возраста уголовной ответственности и являющихся вменяемыми;

2) убийство совершено группой лиц, которые не могут быть субъектами уголовного права в силу каких-либо причин, например малолетними беспризорниками, не достигшими возраста уголовной ответственности, или невменяемыми в психиатрическом стационаре;

3) убийство совершено смешанной группой, состоящей как из лиц, которые не могут быть субъектами уголовного права, так и из лиц — субъектов уголовного права;

4) убийство совершено группой лиц, которые не могут быть субъектами уголовного права, но под руководством или по подстрекательству со стороны субъекта преступления — вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности за убийство.

Представляется, что первая и вторая ситуации не сложны для квалификации. В первой ситуации содеянное должно быть ква-

лифицировано, при наличии всех иных необходимых признаков, как совершенное группой лиц. Во второй ситуации нет состава преступления, поскольку нет субъектов уголовной ответственности. Поэтому рассмотрим только третью и четвертую ситуации.

Наиболее активные дискуссии в настоящее время порождает проблема квалификации действий лица, совершившего убийство совместно с лицами, которые не могут быть субъектами уголовного права, например малолетними беспризорниками. Убийство, совершенное малолетними лицами — не редкость для современной России. По нашим сведениям, в год совершается свыше тысячи таких убийств. В некоторых случаях непосредственное участие в убийстве наряду с малолетними лицами принимает и тот, кто является субъектом уголовного права, либо преступление совершается субъектом преступления совместно с неменяемым лицом. Вот в подобных-то случаях и возникает вопрос, как квалифицировать действия субъекта преступления, потому что только он может нести уголовную ответственность за преступление, совершенное несколькими лицами.

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к понятию соучастия. Оно раскрывается в ст. 32 УК РФ: “Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления”. Из определения видно, что соучастие образуют действия двух или более лиц. Убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, — частный случай соучастия. Следовательно, для привлечения виновных к ответственности по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ также необходимо установить, что преступление совершено минимум двумя лицами. Однако в законе ничего не сказано о признаках лиц, участвующих в совершении преступления. Если бы в ст. 32 УК РФ определялось, что соучастие — это умышленное совместное участие двух или более субъектов преступления в совершении умышленного преступления, то никаких бы вопросов не возникало. В законе же речь идет о лицах. Поэтому можно констатировать, что определение соучастия, содержащееся в законе, не дает ответа на поставленный вопрос.

Теоретически возможны следующие варианты квалификации действий лица, непосредственно совершившего убийство совместно с лицом (или лицами), которое не может быть признано субъектом уголовного права:

- 1) по ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. как “простое” убийство;
- 2) по ст. 33 и п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как соучастие в убийстве, совершенном группой лиц;
- 3) по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное группой лиц.

В доктрине уголовного права нет единства мнений. Подавляющее большинство ученых исходит из того, что квалификация содеянного с вменением квалифицирующего признака “совершение преступления группой лиц” возможна только в том случае, когда имеется как минимум два субъекта — соисполнителя преступления. Если же из всех лиц, непосредственно участвовавших в совершении преступления (выполнявших объективную сторону убийства), только один является его субъектом, то содеянное не может быть квалифицировано как совершенное группой лиц.

Данный подход чрезвычайно распространен в современной правовой литературе. Так, В. С. Комиссаров подчеркивает, что для привлечения к ответственности за соучастие в совершении преступления необходимо установить не только наличие двух и более лиц, но и вменяемость, и достижение возраста уголовной ответственности для каждого из соучастников вне зависимости от того, какую роль он выполнял в соучастии⁴.

Аналогичной позиции придерживается Ю. А. Красиков, утверждающий, что наличие двух или более лиц предполагает, что все соучастники достигли возраста, установленного законом, позволяющего привлечь лицо к уголовной ответственности, и что все соучастники были вменяемы во время совершения преступления⁵.

Однако в науке уголовного права существуют и другие мнения по рассматриваемой проблеме.

Например, А. А. Пионтковский отмечал: “Нельзя говорить о соучастии в тех случаях, когда исполнителем выступает душевнобольной или несовершеннолетний, который в силу своего возраста не может быть субъектом преступления, или лицо, заблуждающееся относительно характера совершаемых им деяний. Подстрекатель или пособник душевнобольного или мало-

⁴ Курс уголовного права: Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. М., 2002. С. 392.

⁵ Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2-х т. / Отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. Т. 1: Общая часть. М., 1998. С. 228.

летнего, совершившего общественно опасное деяние, а также лица, действовавшего в заблуждении, отвечает не за подстрекательство или пособничество в преступлении, а за само преступление вследствие того, что исполнитель является лишь орудием совершения этого деяния в руках других”⁶.

Как мы видим, А. А. Пионтковский подчеркивал, что не может быть соучастия в преступлении, если его единственным непосредственным исполнителем выступает лицо, которое не может быть субъектом уголовного права. Однако в отношении иных возможных ситуаций при совершении преступления, например при соисполнительстве в преступлении, А. А. Пионтковский ничего подобного не утверждал, видимо, поддерживая позицию Пленума Верховного суда СССР, отраженную в целом ряде постановлений.

Многие ученые считают, что для квалификации содеянного как преступления, совершенного группой лиц, не обязательно, чтобы все участники были субъектами преступления. Достаточно установить совместность действий нескольких лиц при совершении конкретного преступления, независимо от того обстоятельства, что к уголовной ответственности может быть привлечен только один из них.

Например, А. Рагор и А. Есаков пишут: “Поскольку при определении соучастия в ст. 32 УК не указаны такие признаки соучастников, как вменяемость и достижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность, текст закона, строго говоря, допускает возможность под упомянутыми в нем лицами понимать, в частности, и фактических участников, не способных нести уголовную ответственность. Поэтому совершение всякого умышленного преступления лицом, способным нести уголовную ответственность, совместно с одним или несколькими лицами, не обладающими признаками субъекта преступления, следует квалифицировать как преступление, совершенное группой лиц, если это обстоятельство предусмотрено в соответствующей части УК как квалифицирующий признак. Необходимым условием такой квалификации должно быть установленное судом личное участие как минимум двух лиц (включая лицо, способное нести уголовную ответственность) в полном или хотя бы частичном выполнении объективной стороны преступления.

⁶ Курс советского уголовного права / Под общ. ред. А. А. Пионтковского. Часть общая. Т. 2: Преступление. М., 1970. С. 456.

Если же годный субъект не являлся исполнителем преступления (т. е. когда вся объективная сторона преступления выполнена лицами, не подлежащими уголовной ответственности), то его действия образуют посредственное исполнительство (ч. 2 ст. 33 УК), а преступление не является групповым⁷.

В основе подхода названных авторов лежит посылка: “если не запрещено — значит, разрешено”. Иначе говоря, поскольку ст. 32 УК не указывает на то, что лица, совместно участвующие в совершении преступления, должны обладать всеми признаками субъекта преступления, то и в случае, когда иные лица являются субъектами уголовного права и не подлежат уголовной ответственности, субъект преступления должен признаваться действующим в составе группы лиц.

Аналогичную позицию занимает Т. В. Кондрашова. Она, отмечая необходимость привлечения виновного к ответственности за преступление, совершенное группой лиц, в случаях, когда иные лица не подлежат уголовной ответственности в силу каких-либо причин, пишет: “Как нам представляется, общественная опасность убийства в данном случае возрастает не от того, что кто-то из участников обладает признаками субъекта, а кто-то нет, а в результате объединения усилий этих лиц в достижении преступной цели. Кроме того, в судебной практике имеется значительное количество случаев, когда перед судом предстает лишь один субъект, обвиняемый в групповом совершении преступления, поскольку остальные соучастники не установлены или неизвестно их местонахождение. Так как их личность чаще всего неизвестна (в приговоре они именуется «неустановленными личностями»), то невозможно решить вопрос о том, являются ли они, обладают ли они всеми признаками субъекта преступления. Но ни у практиков, ни у теоретиков не возникали (во всяком случае, не зафиксированы на страницах юридической печати) сомнения по вопросу о возможности привлечения установленного лица к уголовной ответственности именно за групповое преступление. Поэтому, на наш взгляд, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ должен быть вменен виновному, совершившему преступление в группе лиц или в группе лиц по предварительному сговору, даже если остальные участники группы в силу обстоятельств, указанных в законе, не подлежат уголовной ответ-

⁷ *Рарог А., Есаков А.* Понимание Верховным судом РФ “группы лиц” соответствует принципу справедливости // *Российская юстиция.* 2002. № 1. С. 52.

ственности. При этом не имеет значения, был ли этот виновный осведомлен о том, что остальные члены группы не подлежат ответственности, или не был осведомлен об этом. Но подобное решение вопроса противоречит ст. 35 УК РФ, в которой разъясняется с позиций соучастия, какие преступления следует считать совершенными группой лиц или группой лиц, действующей по предварительному сговору. Поэтому логичным будет внесение изменений в п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, который следует изложить в следующей редакции: «совершенное групповым способом»⁸.

Р. Р. Галиакбаров утверждает, что в случае, когда к ответственности привлекается субъект, действовавший совместно с иными лицами, которые не могут быть субъектами уголовного права, мы имеем дело с самостоятельным уголовно-правовым явлением, которое не подпадает под признаки соучастия в преступлении. В частности, он выделяет следующие признаки данного феномена: “Во-первых, для него характерно стечение в одном преступлении нескольких физических лиц. Во-вторых, юридическими признаками субъекта преступления обладает лишь один из них. В-третьих, надлежащий субъект сам выполняет преступление своими усилиями. В-четвертых, и это важно, он сознательно дополнительно использует в процессе совершения преступления усилия лиц, не подлежащих уголовной ответственности”⁹.

Р. Р. Галиакбаров предлагает во всех подобных случаях квалифицировать содеянное как групповое преступление. Правда, он подчеркивает, что юридическая природа группы в этих случаях не имеет никакого отношения к соучастию в преступлении¹⁰.

Д. Савельев разрешение проблемы видит в изменении действующего законодательства. По его мнению, пробелом УК РФ является отсутствие в нем норм, предусматривающих ответственность за совершение группового преступления вне соучастия. Д. Савельев считает, что помимо соучастия совместная

⁸ Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 95.

⁹ Галиакбаров Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40.

¹⁰ Там же.

преступная деятельность возможна в виде умышленного или неосторожного сопричинения. Он предлагает легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления вне соучастия, изменив редакцию ст. 32¹ УК РФ. Однако подобный подход будет противоречить, как считает Д. Савельев, действующему законодательству, поэтому в УК необходимо внести и иные коррективы. В частности, ч. 6 ст. 34 УК РФ следует дополнить текстом: “Лицо при умышленном сопричинении подлежит уголовной ответственности как исполнитель преступления, совершенного группой лиц”¹¹.

Высказывается и отличная от вышеприведенных точка зрения. Так, Л. И. Романова, раскрывая признаки соучастия, рассуждает следующим образом: “При соучастии подчас возникает ряд вопросов, которые необходимо рассмотреть особо. Например, может ли быть соучастником в совершении преступления лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, которое выполнило одну из главных ролей, без деятельности которого вообще невозможно было бы достичь желаемого результата? Или, как должен решаться вопрос об ответственности других участников совершенного преступления, если они, предположим: а) знали об этом, б) заблуждались в оценке возраста лица, действующего с ними совместно?”

Рассматривая первую ситуацию, следует отметить, что в данном случае взрослый участник (либо участники), умышленно использующий для достижения своих преступных целей малолетнего, будет нести ответственность как непосредственный исполнитель. При этом не исключается привлечение его к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий по ст. 151 УК РФ. Представляется, что во втором приведенном примере, когда совершалось групповое преступление по предварительному сговору с привлечением подростка, во «взрослости» которого никто из других участников, действующих совместно, не сомневался, они подлежат уголовной ответственности за соучастие в данном преступлении”¹².

Иначе говоря, Л. И. Романова предлагает действия лиц, совершивших групповое преступление совместно с лицами, не

¹¹ Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 50.

¹² Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. А. И. Коробеева. Т. 1: Преступление. Владивосток, 1999. С. 496.

подлежащими уголовной ответственности, квалифицировать как соучастие в групповом преступлении.

Таким образом, даже выборочный анализ мнений, существующих в науке уголовного права в настоящее время, позволяет выделить несколько подходов к оценке действий лица, совершившего преступление совместно с несубъектами уголовного права:

1) квалификация действий субъекта преступления должна осуществляться без учета того, что преступление совершалось совместно с иными лицами, поскольку они не являются субъектами уголовного права;

2) действующее законодательство позволяет в подобных случаях квалифицировать содеянное виновным как совершенное группой лиц;

3) рассматриваемая ситуация не подпадает под признаки соучастия, но действия виновного лица должны быть квалифицированы как преступление, совершенное группой лиц;

4) рассматриваемое явление относится к проблемам, не урегулированным уголовным правом, поэтому требуется изменение законодательства, чтобы содеянное могло получить надлежащую уголовно-правовую оценку;

5) действия субъекта преступления должны быть квалифицированы как соучастие в преступлении, совершенном группой лиц.

Рассматриваемая проблема имеет не только теоретическое значение. Она нередко встречается и в судебной практике. Более того, она получила разрешение в нескольких постановлениях Пленума Верховного суда РФ (РСФСР). Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об изнасиловании” от 22 апреля 1992 г. № 4 разъясняется: “Действия участника группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР [ч. 2 ст. 131 УК РФ] независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости, либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР [ст. 20, 87, 90 УК РФ], или по другим предусмотренным законом основаниям”¹³.

Аналогичное разъяснение дается в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР “О судебной практике по делам о грабеже и разбое” от 22 марта 1966 г. № 31 (в ред. Постановления

¹³ *Сборник* постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 459.

Пленума от 21 декабря 1993 г. № 11 с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума от 25 октября 1996 г. № 10). В частности, в п. 19 указанного Постановления отмечено, что действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенного по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч. 2 ст. 145 [п. “а” ч. 2 ст. 161 УК РФ], п. “а” ч. 2 ст. 146 [п. “а” ч. 2 ст. 162 УК РФ] УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК РСФСР [ст. 20, 87, 90 УК РФ] или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности¹⁴.

Следует обратить внимание на то, что в постановлении “О судебной практике по делам об изнасиловании” речь идет о группе лиц без предварительного сговора, потому что ст. 117 УК РСФСР, в связи с применением которой и принималось Постановление, в качестве квалифицирующего признака предусматривала совершение изнасилования только группой лиц. В то же время в постановлении “О судебной практике по делам о грабеже и разбое” разъяснения даются относительно группы лиц, совершающей преступление по предварительному сговору.

Следовательно, с точки зрения Пленума Верховного суда РФ, независимо от того, совершалось ли преступление по предварительному сговору или без такового, проблема должна решаться одинаково.

Однако указанные Постановления Пленума Верховного суда были приняты в период действия УК РСФСР. Поэтому вполне резонно возникает вопрос: применимы ли данные руководящие разъяснения Пленума Верховного суда к УК РФ?

К сожалению, данная проблема в постановлениях Пленума Верховного суда РФ, принятых после вступления в силу УК РФ, не решена.

Так, в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. № 1 в отношении квалификации группового убийства разъясняется: “При квалификации убийства по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организо-

¹⁴ Там же. С. 326.

ванной группой лиц”¹⁵. А в п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних” от 14 февраля 2000 г. № 7 отмечается: “Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (статья 20 УК РФ) или невменяемости (статья 21 УК РФ), не создает соучастия. Вместе с тем при совершении преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности по указанным выше основаниям, лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение этого преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения”¹⁶.

Исходя из содержания названных Постановлений, сделать вывод о позиции Пленума Верховного суда РФ относительно рассматриваемой нами проблемы невозможно. В одном случае дается ссылка на ст. 32 УК РФ, которая и требует толкования, в другом — фактически воспроизводится положение ч. 2 ст. 33 УК РФ о том, что исполнителем преступления признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК.

Обратимся к анализу опубликованной судебной практики Верховного суда РФ.

В Обзоре судебной практики Верховного суда РФ за четвертый квартал 2000 г. имеется следующее разъяснение Президиума Верховного суда РФ: “Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости”¹⁷.

Данная формулировка Президиума Верховного суда РФ позволяет предположить, что позиция высшей судебной инстанции осталась неизменной. Если это так, то, по нашему мнению, это

¹⁵ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1999. № 3.

¹⁶ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 2000. № 4.

¹⁷ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 2001. № 8.

правильное решение проблемы. Принятие нового Уголовного кодекса и уточнение определения соучастия, по сравнению со ст. 17 УК РСФСР, не изменило сущности соучастия. В ст. 17 УК РСФСР соучастие определялось следующим образом: “Соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления”. В ст. 32 УК РФ к данному определению было только добавлено, что соучастие возможно лишь в умышленном преступлении. Это уточнение никак не повлияло на понятие соучастия. Оно не внесло ничего принципиально нового, поскольку и по УК РСФСР фактически признавалась возможность соучастия только в умышленных преступлениях. Поэтому и подход Пленума Верховного суда к квалификации действий, совершенных субъектом совместно с лицами, которые не могут быть субъектами уголовного права, остался прежним. Есть все основания утверждать, что отсутствуют причины для кардинального пересмотра решения, выработанного доктриной и практикой уголовного права.

По нашему мнению, нельзя соглашаться с тем, что преступление не может признаваться совершенным группой лиц или группой лиц по предварительному сговору на том основании, что субъектом преступления является лишь одно лицо, а иные лица, принимавшие в нем участие, к таковым не относятся.

В обоснование данного подхода выскажем следующие аргументы.

1. Квалификации подлежат действия субъекта уголовного права, а не лиц, не подпадающих под уголовную ответственность в силу каких-либо законных оснований. Однако деяние субъекта преступления необходимо оценивать с учетом всех имеющихся обстоятельств дела, в том числе и того, что он действовал в составе группы лиц.

2. Рассуждения ученых, отрицающих возможность квалификации действий субъекта как совершенных в составе группы лиц в случае, когда только один из участников преступления является его субъектом, как правило, строятся по следующей логической цепочке. Невменяемые (малолетние и т. д.) не являются субъектами уголовного права, поэтому они не могут совершать преступления. Субъект преступления, действуя совместно с несубъектами, не совершает преступления в составе группы, поскольку иные лица преступления не совершают. Ведь нельзя совершить совместного преступления с тем, кто преступление не совершает.

На первый взгляд, все вроде бы правильно, однако в таких умозаключениях кроется логическая ошибка, так как происходит подмена тезисов, поэтому и вывод получается ложный. Дело в том, что несубъектов уголовного права нельзя признавать не действующими. Они причиняют общественно опасные последствия совместно с субъектом преступления. Весьма часто невменяемые или малолетние самостоятельно совершают не вообразимые, а реальные общественно опасные деяния, подпадающие под признаки убийства, изнасилования и других тяжких преступлений. Уголовный закон не признает подобные действия преступлениями, поскольку совершаются они лицами, не подлежащими уголовной ответственности, но закон не относится безразлично к общественно опасным действиям указанных лиц. Например, если невменяемые или малолетние кого-либо пытаются убить или изнасиловать, то с точки зрения УК у потерпевшего имеются все законные основания для необходимой обороны. Поэтому закон не может признать не существующим то, что реально имеет место, а именно причинение действиями несубъектов уголовного права реальных общественно опасных последствий, подпадающих под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ.

3. Субъект, совершающий убийство совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, тем не менее значительно увеличивает свои возможности для достижения преступного результата. Такие лица облегчают субъекту уголовного права совершение преступления, как если бы действовала группа, состоявшая только из одних субъектов, а может быть, и еще успешнее. Манипулировать, например, группой малолетних значительно проще, чем группой взрослых мужчин, а физически они могут оказать даже более развитыми, чем иные взрослые.

4. Иногда можно встретить утверждение, что в рассматриваемых случаях нет субъективной связи между действующими лицами, поэтому нет и оснований для признания того, что субъект преступления действовал в составе группы лиц. С данным суждением не следует соглашаться безоговорочно. Такая субъективная связь имеется, в противном случае участники преступления не могли бы объединить свои усилия при лишении потерпевшего жизни. Во всяком случае, субъект преступления не мог не осознавать, что он объединяет свои усилия для достижения преступного результата с усилиями иных лиц.

5. Важно обратить внимание и на то, что потерпевшему безразлично, какие лица причиняют ему смерть, являются они субъектами уголовного права или нет. Увеличение количества посягающих значительно уменьшает его возможности на сопротивление.

Таким образом, можно утверждать, что *имеются все объективные и субъективные основания для квалификации убийства, совершенного виновным совместно с лицами, которые по каким-либо признакам не были признаны субъектами уголовного права, по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.*

На наш взгляд, действующее законодательство не препятствует подобному решению вопроса. Поэтому вряд ли оправданно предложение Т. В. Кондрашовой изложить п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ в редакции: “совершенное групповым способом”. При таком подходе произойдет полная нивелировка общественной опасности преступлений, совершенных различными видами групп. Конечно, в настоящее время редакция п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ далека от совершенства, поскольку она не дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от общественной опасности вида группы, в составе которой было совершено преступление. Однако предлагаемое Т. В. Кондрашовой изменение еще хуже, так как в диспозиции закона различные виды групп не будут даже обозначены.

Мы не можем разделить и мнение Р. Р. Галиакбарова о том, что юридическая природа группы в случае совершения преступления субъектом совместно с несубъектами не имеет никакого отношения к соучастию в преступлении. Природа такой группы, конечно, имеет определенную специфику, однако не находится за рамками института соучастия, ибо соучастием охватываются все случаи совместного совершения преступления двумя или более лицами, в том числе и случаи совместного совершения преступления лицами, из которых только один может быть привлечен к уголовной ответственности. Субъект уголовного права в подобных случаях и субъективно и объективно объединяет свои усилия с усилиями иных лиц, т. е. действует в составе группы.

Поэтому вряд ли можно согласиться с предложением Д. Савельева законодательно закрепить понятие группы лиц, совершающей преступление вне соучастия. Умышленное групповое преступление вне соучастия невозможно. Это нонсенс. Одно из двух — или имеется соучастие, в рамках которого совершается

умышленное групповое преступление, или соучастия нет, а следовательно, нет и группы лиц. В то же время следует признать, что правила квалификации содеянного в подобных случаях должны быть установлены законодательно.

Не безупречна и точка зрения, высказанная Л. И. Романовой. Субъект не может выступать одновременно в двух ипостасях — и исполнителя и соучастника группового преступления. Предлагаемая же действия субъекта преступления квалифицировать как соучастие в групповом преступлении, автор тем самым признает, что если группа состояла из двух человек — субъекта и несубъекта преступления, то субъект, кроме того, что он выполняет объективную сторону преступления, еще и выступает в роли соучастника данного преступления. Если же группа состояла из трех и более человек, например двух субъектов преступления и малолетнего, то рекомендация о квалификации действий субъектов как соучастия в групповом преступлении выглядит бессмыслицей, поскольку имеются все основания для квалификации содеянного ими как преступления, совершенного группой лиц. Представляется, что автору необходимо уточнить свою позицию по рассматриваемой проблеме. Такая трактовка логична при оценке действий субъекта преступления в составе группы малолетних, совершивших убийство. Настоящая же рекомендация не может быть воспринята ни практикой, ни доктриной уголовного права.

Многие исследователи правильно обращают внимание на то, что совместное совершение преступления субъектом и несубъектом уголовного права необходимо отличать от ситуаций, когда субъект использовал для достижения преступного умысла лиц, не подлежащих уголовной ответственности. При совместном совершении преступления с иными лицами субъект выполняет объективную сторону состава преступления, при использовании других лиц — нет. Во втором случае субъект признается непосредственным единоличным исполнителем преступления, фактически выполненного иными лицами — несубъектами уголовного права в силу законных оснований. В такой ситуации действия виновного должны квалифицироваться еще и по соответствующей части ст. 150 УК РФ. Если субъект преступления сам является несовершеннолетним, то при условии достижения возраста уголовной ответственности — 14 лет — он может отвечать только за убийство.

Приведем пример из судебной практики.

Несовершеннолетние братья Наумовы и малолетний Марценкявичус, обнаружив стоявшие в лесу трактор и автомашину, совершили из них кражу продуктов, принадлежавших рабочим, и ключи от зажигания автомашины. Рабочие Осипов, Ермаков и Хитрин, обнаружив кражу, стали разыскивать виновных, которые в это время сидели в поле.

Увидев рабочих, Наумов подошел к Осипову и отдал похищенный ключ от зажигания автомашины. Осипов предложил Наумовым и Марценкявичусу следовать за ним. В ответ на это Наумов М. с целью убийства навел на Осипова двустольное охотничье ружье, взвел курки и дважды пытался выстрелить. Но в результате осечек выстрелов не произошло.

После этого Наумовы и Марцекавичус стали убежать. Полагая, что ружье у подростков не заряжено, Осипов и другие рабочие побежали за ними. В это время Наумов М. передал ружье малолетнему Марценкявичусу и приказал ему стрелять в преследовавших рабочих, Марцекавичус навел ружье на Осипова, нажал на спусковые крючки, но выстрела не произошло, так как не были взведены курки. Остановившись, Марцекавичус взвел курки и выстрелил в сторону бежавших в непосредственной близости друг от друга Ермакова и Хитрина. Хитрин не пострадал, а Ермаков был убит. Наумов М. крикнул Марценкявичусу, чтобы он стрелял и в другого рабочего, но Марценкявичус не стал этого делать.

Несмотря на кассационную жалобу осужденного Наумова М., в которой он просил пересмотреть его дело с учетом несовершеннолетнего возраста и того, что он не является непосредственным убийцей, он был осужден за убийство Ермакова и покушение на убийство Осипова¹⁸.

В приведенном примере несовершеннолетний Наумов М. подстрекал малолетнего Марценкявичуса к совершению убийства. Однако в силу того, что Марценкявичус не является субъектом уголовного права, он не может быть привлечен к уголовной ответственности. За убийство должен отвечать Наумов М., так как он умышленно использовал лицо, которое не может быть привлечено к уголовной ответственности, для совершения преступления.

Возможны ситуации, когда для совершения преступления один субъект использует другого субъекта, но помимо сознания и воли последнего. В подобных случаях тот, кто использовал других субъектов помимо их сознания и воли, так же как и при использовании несубъектов уголовного права, отвечает как единоличный исполнитель содеянного. Используемые же субъекты преступления в зависимости от обстоятельств дела могут подлежать ответственности за неосторожное преступление или

¹⁸ *Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР (1964—1972 гг.)*. М., 1974.

вообще не подлежат уголовной ответственности, если их вина не будет установлена.

Например, субъект уговорил близорукого произвести выстрел из ружья в кусты, поскольку там якобы находится зверь, фактически же тем самым он чужими руками убил ненавистного ему человека, вместе с которым оказался на охоте.

В этом случае произведший выстрел может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 109 УК РФ, т. е. за неосторожное причинение смерти, а другое лицо — за убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ как непосредственный исполнитель данного преступления.

1.2. Предварительный сговор на совершение убийства

Для квалификации содеянного как убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, как это явствует из определения отягчающего ответственность признака, необходимо установление предварительного сговора между соисполнителями на убийство потерпевшего. Достижение предварительного сговора на убийство потерпевшего означает, что виновные действуют с прямым конкретизированным умыслом, направленным на лишение потерпевшего жизни.

Сговор, на наш взгляд, можно определить как соглашение на объединение усилий с целью убийства потерпевшего. Предварительность сговора означает, что участвующие в преступлении лица договорились об убийстве потерпевшего до того момента, как они приступили к непосредственному лишению его жизни, т. е. на стадии приготовления, до начала стадии покушения. На стадии покушения возможно лишь присоединение к уже совершаемому преступлению.

На стадии приготовления к убийству виновные умышленно создают благоприятные условия для достижения преступного результата, подыскивают соучастников, орудия убийства, разрабатывают план совершения преступления, намечают мероприятия по сокрытию следов преступления и т. д. На стадии покушения производятся умышленные действия, непосредственно направленные на лишение потерпевшего жизни.

Поэтому, если один субъект уже начал выполнять объективную сторону преступления, т. е. лишать потерпевшего жизни, а второй присоединился к нему в этот момент, то убийство не может быть квалифицировано как совершенное по предвари-

тельному сговору. Однако, если будет установлено, что между соисполнителями была достигнута договоренность об убийстве потерпевшего ранее, то содеянное может быть квалифицировано и в этом случае как совершенное по предварительному сговору группой лиц.

Сам сговор на убийство может состояться как задолго до совершения преступления, так и непосредственно перед лишением потерпевшего жизни. С точки зрения закона безразлично, когда именно лица договорились о совершении убийства, главное, что это произошло до начала выполнения объективной стороны.

Закон не связывает заключение сговора на убийство с какой-либо формой соглашения. Сговор возможен в любой форме: словесно, письменно, в форме конклюдентных действий, взглядом и т. д. Единственное условие — должно быть установлено и доказано, что сговор на убийство у виновных имелся до того момента, как они приступили к процессу лишения потерпевшего жизни.

По нашему мнению, сговор на убийство может состояться и в процессе совершения иного преступления. Например, виновные начали избивание потерпевшего с целью его за что-либо “проучить”, т. е. с умыслом на избивание, а в процессе избивания приняли решение убить и нанесли потерпевшему смертельные ранения. Содеянное ими в этом случае также может быть квалифицировано как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, потому что сговор на убийство состоялся у виновных до совершения действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни. Иллюстрацией сказанного может служить дело Дударева и Овчаренко.

Дударев и Овчаренко на почве личных неприязненных отношений избili гражданина Бабакина, причинив вред его здоровью средней тяжести. После этого осужденные договорились между собой об убийстве потерпевшего, для чего пытались задушить его шнурком от ботинок, но так как не смогли достичь желаемого результата, положили ему на горло палку и одновременно встали на ее разные концы, причинив Бабакину не совместимые с жизнью телесные повреждения¹⁹.

В данном случае умысел на убийство возник у виновных в процессе избивания потерпевшего. Это обстоятельство двояко влияет на квалификацию их преступных действий. Содеянное

¹⁹ *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в мае 2000 г. № 1–038/ 2000 от 23.05.2000 г.

виновными, во-первых, должно квалифицироваться как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, во-вторых, не требует дополнительной квалификации по статье, предусматривающей ответственность за причинение вреда здоровью, поскольку первоначально задуманное переросло в более опасное преступление.

Однако по другому похожему делу Президиум Верховного суда РФ пришел к противоположному выводу.

Анохина предложила Р. и Г. избить потерпевшего. В процессе избияния потерпевшего у них возник умысел на убийство. С этой целью Р. и Г. вытащили потерпевшего на лестничную площадку, где продолжили избияние. В это время Анохина освещала спичками место преступления, а впоследствии принесла уксусную эссенцию, которую Р. и Г. влили в рот потерпевшему.

Смерть потерпевшего наступила от комбинированной травмы шеи и химического ожога гортани и дыхательных путей уксусной кислотой.

Органы следствия и суд квалифицировали действия Анохиной как соисполнительство в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц с особой жестокостью. Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об исключении обвинения Анохиной в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц, и переквалификации ее действий на соучастие в убийстве, совершенном с особой жестокостью.

Президиум Верховного суда РФ протест удовлетворил, указав следующее. Поскольку Анохина действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего, не совершала, а только наблюдала за обстановкой, принесла уксус, то она была лишь пособником убийства. Кроме того, в связи с тем, что сговор на убийство не был достигнут до его совершения, квалификация действий виновных лиц как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, не соответствует требованиям закона²⁰.

Как мы видим, по мнению Президиума Верховного суда РФ, по делу были допущены две ошибки. Действия Анохиной ошибочно признаны соисполнительством в убийстве, а действия Р. и Г. ошибочно признаны совершенными по предварительному сговору группой лиц. Признание того, что виновные совершили убийство без предварительного сговора, на наш взгляд, не может быть воспринято столь однозначно, как исключение признака соисполнительства в действиях Анохиной. Если по делу установлено и доказано, что умысел у виновных лиц на убийство потерпевшего возник в процессе его избияния, то почему в этом случае нет оснований для признания того, что убийство было совершено по предварительному сговору? По нашему мнению, содеянное виновными может быть квалифицировано

²⁰ Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 7.

как убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, поскольку момент возникновения умысла у виновных на убийство потерпевшего точно установлен материалами дела. После принятия решения об убийстве потерпевшего виновные вытащили его на лестничную площадку. С этого момента их действия были направлены на убийство потерпевшего. Иначе говоря, первоначально умысел виновных был направлен на избивание потерпевшего, но через некоторое время после избивания потерпевшего виновные решили его убить. С этого момента по взаимному соглашению они совершали действия, направленные не на избивание потерпевшего, а на его убийство. Следовательно, имеются все основания утверждать, что умысел на убийство потерпевшего возник у виновных до начала выполнения действий, составляющих объективную сторону убийства.

К сожалению, возможность перерастания умысла с избивания на убийство часто не учитывается при квалификации содеянного виновными, если они сначала избивали потерпевшего. Так, по нашему мнению, нельзя согласиться с решением, принятым Военной коллегией Верховного суда РФ по делу Сысоева и Федорова. Обстоятельства совершения ими преступления следующие.

Сысоев, Федоров, Станько и Никитин, будучи пьяными, встретили на улице города ранее не знакомого им гражданина Овсейкова в сопровождении трех женщин. Желая покуражиться, Сысоев, а затем и присоединившийся к нему Федоров беспричинно начали избивать Овсейкова руками и ногами по телу и голове. Когда потерпевший попытался спастись бегством, все четверо догнали его и продолжили избивание, нанося удары руками и ногами по телу и голове. Пользуясь беспомощным состоянием потерпевшего, Сысоев с помощью Федорова разрезал ножом шубу Овсейкова и нанес последнему удары в ягодицу и поясничную область. Всеми указанными лицами Овсейкову были причинены тяжкие телесные повреждения. Услышав шум автомобиля, они оставили потерпевшего и с места происшествия скрылись.

Через некоторое время Сысоев и Федоров возвратились к Овсейкову и с целью его убийства продолжили избивание руками и ногами.

Проявляя особую жестокость, Сысоев нанес несколько ударов ножом, а Федоров в это время удерживал потерпевшего в положении, удобном для нанесения ударов.

Преследуя общую цель — лишение жизни Овсейкова, Федоров по просьбе Сысоева принес два куска угля, которыми последний несколько раз ударил потерпевшего по голове, а затем Сысоев, с согласия Федорова, порезал лицо Овсейкова и нанес ему несколько ударов ножом по горлу.

От причиненных травм и ранений Овсейков через несколько часов в больнице скончался.

Действия Сысоева и Федорова, связанные с причинением смерти Овсейкову, органами следствия и судом были квалифицированы как убийство, совершенное из хулиганских побуждений, с особой жестокостью, по предварительному сговору группой лиц.

Военная коллегия Верховного суда РФ, рассмотрев дело, пришла к выводу, что в материалах дела не имеется достаточного подтверждения обвинения Сысоева и Федорова в убийстве по предварительному сговору группой лиц. Поэтому она исключила из обвинения квалифицирующий признак “по предварительному сговору группой лиц”²¹.

По нашему мнению, в данном случае имелись все основания для признания того, что убийство виновными было совершено по предварительному сговору группой лиц, поскольку умысел на убийство потерпевшего возник у Сысоева и Федорова до начала действий, непосредственно направленных на убийство потерпевшего. Они специально вернулись для того, чтобы совершить убийство потерпевшего, которого они до этого избили. Несмотря на утверждения виновных о том, что у них не было предварительной договоренности на убийство потерпевшего, совершенные ими действия говорят об обратном.

Из материалов дела четко просматривается нацеленность Сысоева и Федорова на убийство потерпевшего, в связи с чем они и согласовывали свои действия. Один удерживал потерпевшего в положении, удобном для нанесения ударов, а второй в это время наносил удары ножом. Умысел на убийство потерпевшего возник у виновных после избиения потерпевшего, но до начала действий, непосредственно направленных на лишение его жизни.

Поэтому следует сделать вывод: если материалами дела доказано, что до начала действий, непосредственно направленных на убийство потерпевшего, у виновных произошла договоренность на его убийство, то содеянное ими убийство должно квалифицироваться как совершенное по предварительному сговору группой лиц. При этом не имеет значения, что до этого эти же лица избивали потерпевшего. *Главным является установление момента возникновения соглашения на убийство потерпевшего до начала действий, образующих объективную сторону убийства.*

²¹ *Определение* Военной коллегии Верховного суда РФ № 4-052/96 от 25.06.96 г.

1.3. Соисполнительство как признак убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору

В обзорах Верховных судов СССР, РСФСР, РФ неоднократно отмечалось, что наиболее распространенной ошибкой, влекущей за собой неверную квалификацию преступления, является не точное установление признаков соисполнительства и соучастия при убийстве потерпевшего.

В качестве иллюстрации сложности проблемы приведем два примера, в которых при идентичных обстоятельствах содеянное виновными было квалифицировано Президиумом Верховного суда РСФСР и Президиумом Верховного суда РФ по-разному.

1. К. и Х. договорились с третьим лицом совместно завладеть легковой автомашиной. С этой целью они попросили водителя автомашины участковой больницы К-ва подвезти их. В пути, во время остановки, К., Х. и третье лицо по предварительному сговору совершили разбойное нападение на К-ва и завладели автомашиной.

Во время нападения все участники преступной группы связали потерпевшего и закрыли ему рот кляпом, положили в багажник автомашины и поехали совершать кражи. Ранним утром следующего дня К., управлявший машиной, отогнал ее в глухое место. Здесь К., Х. и третье лицо из корыстных побуждений и с целью скрыть совершенное преступление решили убить К-ва. Они втроем отнесли связанного потерпевшего на лед реки в заросли камыша. Х. в присутствии участников преступной группы имевшимся у него ножом ударил К-ва в область грудной клетки, нанеся ему проникающее колото-резаное ранение с повреждением мягких тканей и мышцы сердца. От полученных повреждений К-в скончался.

В протесте указывалось, что убийство совершил Х. один, К. участия в лишении жизни потерпевшего не принимал, а лишь оказал содействие Х.: вместе с ним и третьим лицом отнес потерпевшего к месту убийства, поэтому ставился вопрос о переквалификации действий К. на пособничество в убийстве.

Рассмотрев протест, Президиум Верховного суда РСФСР пришел к выводу, что он не подлежит удовлетворению.

Как отметил Президиум, в определении Судебной коллегии по данному делу правильно указывалось, что К. является соисполнителем преступления. Участники преступной группы, решив убить К-ва, чтобы скрыть ранее совершенное преступление, привезли его в безлюдное место, отнесли в камыши, и там Х. ударом ножа убил потерпевшего.

Учитывая эти обстоятельства, Президиум Верховного суда РСФСР признал, что К. участвовал в самом процессе лишения жизни потерпевшего и его действия квалифицированы правильно как соисполнительство в убийстве²².

²² Постановление Президиума Верховного суда РСФСР № 421/78, 1978 г.

2. Т. и Х. были осуждены за соисполнительство в убийстве. Обстоятельства дела следующие.

Т. и Х. по просьбе П. привезли в багажнике автомашины связанного потерпевшего к песчанному карьеру, так как П. хотел “разобраться” с потерпевшим. П. дал Х. лопату и предложил копать яму. Удары ножом потерпевшему наносил один П., затем Т. и Х. столкнули труп в яму и закопали.

Кассационная инстанция, придя к выводу, что Т. и Х. оказали лишь пособничество П. в убийстве потерпевшего (дело в отношении которого было прекращено в связи с его смертью), переквалифицировала их действия на соучастие в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц.

Председатель Верховного суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из приговора и определения кассационной инстанции осуждения Т. и Х. по ст. 17, п. “н” ст. 102 УК РСФСР [ст. 33, п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ].

Президиум Верховного суда РФ удовлетворил протест, указав следующее.

Материалы дела свидетельствуют о том, что Т. и Х. непосредственного участия в лишении жизни потерпевшего не принимали. Таким образом, совместного совершения убийства не было. Т. и Х. не могут нести ответственность за соучастие в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц.

Помещение связанного потерпевшего в багажник машины, перевозка его к месту совершения преступления, выкапывание ямы и сокрытие следов убийства охватываются в данном случае соучастием в убийстве, совершенном с целью скрыть другое преступление²³.

В первом случае действия виновного заключались в том, что он совместно с другими лицами отнес связанного потерпевшего на место происшествия, где произошло убийство.

И во втором случае действия виновных заключались в том, что они доставляли связанного потерпевшего к месту происшествия, где произошло его убийство. Однако в первом — действия виновного были квалифицированы как соисполнительство в убийстве, а во втором — нет. Почему?

На наш взгляд, доставление связанного потерпевшего на место его последующего убийства должно было бы в обоих случаях квалифицироваться или как соисполнительство в убийстве, или как соучастие в убийстве, третьего варианта здесь быть не может.

Мы склоняемся к тому, что действия виновных лиц в подобных случаях должны квалифицироваться как соисполнительство в убийстве, поскольку доставление связанного потерпевшего на место, где происходит его непосредственное убийство, состав-

²³ *Постановление Президиума Верховного суда РФ № 436/96 по делу Ткаченко В. П. и Хоперского В. В.*

ляет неотъемлемую часть насилия, направленного на лишение потерпевшего жизни.

Ошибок, связанных с неправильной квалификацией преступлений, совершается достаточно много. Отчасти они обуславливаются несовершенством закона. Не является в этом смысле исключением и редакция ст. 35 УК РФ.

Так, применительно к понятию группы лиц в ст. 35 УК РФ обращено внимание на то, что преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более *исполнителя* без предварительного сговора. В то же время относительно преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору, указывается, что преступление признается таковым, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении. В этом определении ничего не говорится о виде соучастников, образующих группу лиц по предварительному сговору. Должны ли все они быть соисполнителями или данный вид группы могут образовывать и один исполнитель с иными соучастниками?

По этому вопросу среди теоретиков и практиков уголовного права развернулась дискуссия, в ходе которой определились сторонники узкого и широкого понимания группы лиц по предварительному сговору.

Сторонники узкого понимания утверждают, что для признания содеянного группой лиц по предварительному сговору необходимо наличие нескольких соисполнителей. Сторонники широкого понимания исходят из того, что критерий соисполнительства не является определяющим.

Например, А. Арутюнов пишет, что группу лиц по предварительному сговору могут образовывать не только соисполнители, но и другие соучастники²⁴. При этом он исходит из того, что в рассматриваемом случае налицо соучастие, а раз это так, то формой этого соучастия будет именно группа лиц по предварительному сговору. По его мнению, действия двух исполнителей без предварительного сговора не более опасны, чем соучастников с распределением ролей, но с одним исполнителем. Поэтому А. Арутюнов предлагает квалифицирующий признак, предусмотренный п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, вменять каждому члену

²⁴ Арутюнов А. Ошибки при квалификации содеянного группой по предварительному сговору // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 66.

группы лиц по предварительному сговору во всех случаях независимо от числа исполнителей²⁵.

В. Иванов также считает, что содеянное виновными должно квалифицироваться как совершенное группой лиц вне зависимости от выполняемых соучастниками ролей, если признак группового посягательства включен в качестве квалифицирующего в соответствующую статью Особенной части УК. Он критикует позицию, в соответствии с которой для признания наличия группы лиц, образованной по предварительному сговору, необходимо, чтобы все входящие в группу выполняли хотя бы часть объективной стороны преступления. В частности, В. Иванов высказывает следующие аргументы: “Получается, что соучастие, которое согласно законодательному определению есть совместное участие двух или более лиц в совершении преступления, что само по себе свидетельствует о наличии группы, и группа лиц — различные правовые феномены. Но ведь совместность как раз и предполагает сговор, являющийся непременным атрибутом соучастия, которое вообще немислимо рассматривать вне рамок группового посягательства. Соучастие и группа лиц — одно и то же. Другое дело, что группа может быть более или менее стойкой”²⁶.

По нашему мнению, это ошибочные суждения. Названные авторы неоправданно смешивают понятия “преступление, совершенное соучастниками” и “преступление, совершенное соисполнителями”. Первое понятие по своему объему шире второго. Оно предполагает, что к одному преступлению имеют отношение несколько виновных, которые могут быть как только соисполнителями, так и соучастниками преступления, совершенного одним исполнителем. Второе понятие по своему содержанию уже. Оно охватывает только случаи совместного совершения преступления несколькими лицами, все из которых являются соисполнителями.

Убийство по предварительному сговору может быть совершено в результате объединения как нескольких лиц, из которых только один был непосредственным исполнителем, так и нескольких соисполнителей. Иначе говоря, необходимо различать понятия “соучастие в убийстве” и “соисполнительство в убий-

²⁵ Там же.

²⁶ *Иванов В.* Критерии разграничения преступных группировок // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 47—48.

стве”. Кроме того, может быть и соучастие в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц. Понятие “соучастие” включает в себя все случаи совместного совершения преступления несколькими лицами, но это не означает, что нет необходимости на законодательном и правоприменительном уровнях дифференцировать формы соучастия в преступлении. Если следовать логике авторов критикуемой нами точки зрения, выделение видов и форм соучастия оказывается вообще излишним. Более того, они сами в этом фактически признаются. Например, В. Иванов предлагает следующую редакцию ст. 32 УК РФ: “Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления вне зависимости от выполняемой роли”. Данное предложение само по себе не вызывает особых возражений, но далее автор предлагает и ч. 1 ст. 35 УК привести в соответствие с “реалиями” и признать, что в группе могут быть не только соисполнители, но и другие соучастники, выполняющие роли подстрекателя, организатора, пособника, инициатора²⁷.

Спрашивается, не есть ли это завуалированное предложение выбросить институт соучастия на свалку истории? Зачем выделять, например, подстрекателя и исполнителя, если оба они составляют группу и понесут одинаковую ответственность? Зачем устанавливать формы соучастия, если это не имеет никакого практического значения? Представляется, что это неправильная позиция.

По нашему мнению, для признания убийства совершенным по предварительному сговору группой лиц, т. е. предусмотренным п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо установить, что виновные выполняли объективную сторону инкриминируемого им состава преступления с умыслом, направленным на лишение потерпевшего жизни. Соисполнительство — ключевой признак преступления, совершенного по предварительному сговору группой лиц. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что в судебно-следственной практике при оценке действий виновных лиц допускаются ошибки противоположного толка: соисполнительство трактуется или излишне широко, или излишне узко.

²⁷ Там же.

Можно выделить четыре наиболее распространенных вида ошибок, встречающихся при квалификации убийств, совершенных несколькими лицами:

- 1) соучастников признают соисполнителями убийства;
- 2) соисполнителей признают соучастниками преступления;
- 3) одних и тех же лиц признают одновременно и соисполнителями и соучастниками одного и того же преступления;
- 4) не признают соисполнителями убийства лиц, которые участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего с умыслом, направленным на его убийство.

1. Ошибочное признание соучастников соисполнителями убийства

Содеянное виновными только тогда может быть квалифицировано по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, когда все виновные лица при убийстве потерпевшего выступали в роли соисполнителей преступления. Это требование, к сожалению, не всегда соблюдается на практике. Нередко фактическое соучастие ошибочно признается соисполнительством. Характерным в этом случае является следующее дело.

Новиков был переведен на новое место службы, а его жена с дочерью осталась временно проживать у своих родителей в г. Орле. В отсутствие жены Новиков познакомился и стал сожителямствовать с гражданкой Титовой. Не желая продолжать совместную жизнь с женой, Новиков в то же время не хотел расторгать брак с ней, опасаясь потерять большую часть совместно нажитого имущества, которое перейдет жене и ребенку. Видя нерешительность Новикова, Титова предложила ему в целях завладения всем имуществом убить жену. Убедив его совершить данное преступление, Титова стала активно искать исполнителей убийства. Когда таковой (гр. Милованов) был найден, Новиков договорился с ним об убийстве за деньги своей жены, Новиковой С.

В дальнейшем Титова, Новиков и Милованов составили несколько планов убийства, которые осуществить не удалось.

Реализуя очередной план, Новиков и Милованов обманным путем вывезли Новикову С. в район лесного массива, где Милованов в салоне автомашины набросил ей на шею шнур и задушил. Перенеся труп в лес, они облили его бензином и подожгли, а сами скрылись.

На Милованова дело выделено в отдельное производство, поскольку он находился в розыске.

Органы следствия и суд признали Новикова и Титову организаторами убийства по найму и соисполнителями убийства по предварительному сговору группой лиц.

Военная коллегия не согласилась с подобной квалификацией, исключив как необоснованно вмененный пункт о соисполнительстве в убийстве, по-

скольку Новиков и Титова непосредственного участия в лишении жизни Новиковой С. не принимали²⁸.

Представляется, что Военная коллегия правильно не признала в данном случае соисполнительства в убийстве, поскольку Новиков и Титова не выполняли действий, образующих объективную сторону убийства.

Аналогичную ошибку совершил Московский городской суд, который осудил Мелкова, Кирюшкина и Бырка за покушение на убийство Мишина по предварительному сговору группой лиц из корыстных побуждений.

Суд признал установленным, что названные лица договорились убить Мишина. Мелков в присутствии Бырки и Кирюшкина выстрелил в Мишина из пистолета, причинив ему сквозное огнестрельное ранение. После этого виновные скрылись с места происшествия. Сам факт нахождения виновных на месте происшествия и предварительная договоренность на убийство потерпевшего, по мнению Московского городского суда, является достаточным основанием для признания всех троих соисполнителями убийства Мишина. Однако данный вывод ошибочен. Бырка и Кирюшкин никаких действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни, не совершали и не пытались совершить. Поэтому содеянное виновными образует не соисполнительство, а соучастие в убийстве из корыстных побуждений, которое единолично совершил Мелков²⁹.

Ошибка была допущена по делу Олиниченко, Ивановой и Морозова. Олиниченко и Иванова были признаны виновными в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц. Обстоятельства дела следующие.

Олиниченко, Иванова, Морозов, Москвин и другие лица распивали спиртные напитки. Деньги на спиртное давал Москвин, получивший зарплату. Олиниченко, увидев у Москвина пачку денег, предложил Ивановой и Морозову похитить их, на что те согласились.

Для достижения этой цели Олиниченко и Иванова разработали план нападения на Москвина. Олиниченко предложил его убить, дав Ивановой нож, о чем Морозов не знал.

Когда Москвин пошел домой, Морозов, Иванова и Олиниченко направились вслед за ним. Догнав потерпевшего, виновные сбили его с ног и стали втроем избивать, причинив легкие телесные повреждения без расстройства здоровья. Затем Олиниченко вытащил из кармана Москвина деньги и передал их Ивановой, после чего взятым у Ивановой ножом Олиниченко ударил Москвина в живот, причинив тяжкие телесные повреждения, от которых потерпевший скончался на месте происшествия.

²⁸ *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в октябре 1996 г. № 1–099/96 от 10.10.96 г.

²⁹ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1998. № 11.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об исключении из приговора квалифицирующего признака “убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц”. Президиум Верховного суда РФ протест удовлетворил, указав следующее.

Иванова никаких действий, непосредственно направленных на убийство Москвина, т. е. составляющих объективную сторону убийства, не совершала. Она содействовала совершению данного преступления тем, что принесла нож на место происшествия и передала его Олиниченко. Убийство совершил один Олиниченко. Поэтому квалифицирующий признак “убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору” подлежит исключению из приговора³⁰.

В данном случае содеянное Ивановой не выходило за рамки пособничества в убийстве, которое непосредственно совершил Олиниченко. Передача орудия преступления не образует действий, составляющих объективную сторону состава убийства. Морозов же вообще не знал о том, что Олиниченко и Иванова договорились об убийстве Москвина. Он принимал участие только в избииении потерпевшего с целью завладения его имуществом. Поэтому Морозов был признан виновным в совершении грабежа по предварительному сговору группой лиц, соединенного с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего.

Аналогичная судебная ошибка была допущена в отношении квалификации действий Лаха и Ворошкевича, которые Тверским областным судом, помимо иных преступлений, были признаны соисполнителями убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц. Преступление ими было совершено при следующих обстоятельствах.

Лох и Ворошкевич, не желая отдавать долг Дмитриеву, договорились убить его. Лох, взяв с собой газовый пистолет и бельевую веревку, на своей машине заехал за Ворошкевичем. Вдвоем они поехали к Дмитриеву. Зная Лаха, Дмитриев впустил их в квартиру. В квартире Лох, угрожая пистолетом, заставил Дмитриева лечь на пол лицом вниз, связал его веревкой и заткнул кляпом рот. Затем Лох указал Ворошкевичу место, где, по его мнению, Дмитриев хранил деньги, и кроме того потребовал собрать ценное имущество потерпевшего. Для убийства Дмитриева Ворошкевич принес Лаху телефонный провод. Лох этим проводом задушил Дмитриева.

Убедившись, что потерпевший мертв, Лох и Ворошкевич развязали его, при этом Ворошкевич снял с руки потерпевшего обручальное кольцо и передал Лаху³¹.

³⁰ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1997. № 4.

³¹ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1997. № 10.

Как видно из материалов дела, Ворошкевич не участвовал в процессе лишения Дмитриева жизни, но он оказал содействие Лаху в убийстве потерпевшего. Поэтому Президиум Верховного суда РФ удовлетворил протест заместителя Генерального прокурора РФ о переквалификации действий виновных лиц, несмотря на то, что Судебная коллегия Верховного суда РФ оставила приговор областного суда без изменений.

Таким образом, при выполнении объективной стороны убийства виновный участвует в самом процессе лишения потерпевшего жизни. Он может совершать действия, которые сами по себе могут быть непосредственной причиной смерти потерпевшего. Например, он может наносить проникающие ранения в область жизненно важных органов потерпевшего. Его действия могут быть направлены на физическое подавление сопротивления потерпевшего при убийстве его другими — удерживать потерпевшего за руки, ноги, голову, туловище в тот момент, когда другой наносит потерпевшему смертельные ранения, и т. п. Виновный может совершать действия, которые непосредственно не вызывают смерть потерпевшего и не подавляют его сопротивление, но в совокупности с действиями других лиц выступают причиной смерти потерпевшего, например, избивание человека несколькими виновными, в результате чего наступает смерть потерпевшего лица.

Общим для всех данных случаев является то, что виновный и субъективно и объективно объединяет свои усилия с усилиями иных лиц для достижения преступного результата — смерти потерпевшего. Отсюда верно и обратное. Если имеются данные о том, что в деянии какого-либо лица отсутствуют или субъективные или объективные признаки, указывающие на совместное с иными лицами причинение потерпевшему смерти, то содеянное им не может быть признано соисполнительством в убийстве.

2. Ошибочное признание соисполнителей соучастниками убийства

Если имеются признаки соисполнительства при совершении убийства, т. е. установлено, что виновные принимали непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни, заранее договорившись о его убийстве, то содеянное ими должно квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Одна-

ко не всегда верно оцениваются конкретные действия виновных лиц. В некоторых случаях соисполнители преступления необоснованно признаются его соучастниками.

Так, была допущена ошибка, по нашему мнению, при квалификации действий Горковенко, а также иных лиц, имеющих непосредственное отношение к убийству потерпевшего.

Назаров, Стремиллов, Горковенко и Лисасин, будучи в состоянии алкогольного опьянения, избili гр. Воложанина, употреблявшего с ними спиртные напитки. Потерпевший заявил им, что сообщит об избииении в милицию.

Боясь ответственности за содеянное, с целью скрыть совершенное преступление Стремиллов предложил убить Воложанина, а Назаров — после убийства сбросить труп Воложанина в реку.

Для этого они привели Воложанина на мост, где Стремиллов отверткой нанес Воложанину, которого держали Горковенко и Назаров, несколько сильных ударов в спину, затем они сбросили его с моста в реку. Однако Воложанин был жив и пытался выплыть. Заметив это, Назаров и Горковенко стали бросать в потерпевшего камни, а когда вытащили его на берег, то Горковенко поднял камень и передал его Назарову, последний нанес им несколько ударов Воложанину по голове, причинив ему перелом левой теменной кости, это явилось причиной смерти потерпевшего.

Органы следствия и суд первой инстанции действия Назарова и Горковенко, связанные с причинением смерти Воложанину, квалифицировали по пп. “ж” и “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Военная коллегия Верховного суда РФ, рассмотрев дело, пришла к выводу, что убийство совершил один Назаров. Действия Горковенко образуют соучастие в убийстве в форме пособничества. О квалификации действий Стремиллова в деле вообще не говорится.

Военная коллегия обосновала свое решение тем, что Горковенко непосредственно в процессе лишения жизни потерпевшего не участвовал. Он лишь вначале удерживал потерпевшего, а затем приискал и передал Назарову оружие убийства³².

Представляется, что Военная коллегия Верховного суда РФ в данном случае допустила ошибку. На наш взгляд, из материалов дела усматривается, что убийство Воложанина совершили Стремиллов, Горковенко и Назаров. Сначала Стремиллов наносил потерпевшему удары отверткой с целью лишения его жизни, а Горковенко и Назаров в это время удерживали потерпевшего, затем все трое сбросили его в воду. Данный эпизод свидетельствует о том, что все они принимали непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни. И если бы действия виновных в этом случае привели к смерти потерпевшего, как

³² *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в октябре 1998 г., № 4-108/98 от 13.10.98 г.

ими задумывалось, то всех троих на основании содеянного ими следовало бы признать соисполнителями убийства. Затем Назаров и Горковенко бросали в пытавшегося выплыть Воложанина камни с целью лишения его жизни. Эти действия не могут быть оценены иначе как непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни, поскольку они были направлены на лишение жизни и реально могли привести к смерти потерпевшего. После этого Назаров и Горковенко вытащили потерпевшего для убийства на берег, где последний и был убит. Стремиллов, Назаров и Горковенко совершали направленные на убийство Воложанина действия — от ударов отверткой, нанесенных Стремилловым, до удара камнем, нанесенным Назаровым. Горковенко на всем протяжении убийства совершал действия, образующие объективную сторону убийства, — удерживал потерпевшего, когда удары отверткой наносил Стремиллов, сбросил совместно со Стремилловым и Назаровым потерпевшего в воду, бросал в потерпевшего камни, когда тот попытался выплыть, с целью лишения его жизни, помог вытащить потерпевшего из воды для доведения задуманного до конца.

Однако Военная коллегия Верховного суда РФ в основание квалификации содеянного виновными положила почему-то только последние действия Назарова и Горковенко, которые, кстати, также могут быть квалифицированы как соисполнительство в убийстве. Совместное вытаскивание потерпевшего из воды с целью убийства, на наш взгляд, уже образует часть объективной стороны состава убийства, поскольку данные действия были направлены на лишение потерпевшего жизни, последовавшее незамедлительно после этого. Во всяком случае, все предыдущие действия Горковенко свидетельствуют о том, что он является не соучастником совершенного убийства, а самым непосредственным его исполнителем. Нельзя оставить без внимания и действия Стремиллова, поскольку он участвовал в процессе лишения потерпевшего жизни.

Следовательно, в любом случае необходимо признать, что по данному делу была допущена ошибка в квалификации содеянного виновными. Стремиллов, Назаров и Горковенко являются соисполнителями убийства Воложанина. Их действия должны быть квалифицированы по пп. “ж” и “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору с целью скрыть другое преступление. Судебная колле-

гия признала соучастие там, где фактически было соисполнительство.

Если виновный принимал непосредственное участие в лишении потерпевшего жизни с умыслом, направленным на убийство, то он должен признаваться соисполнителем убийства независимо от своего “вклада” в данное преступление.

У. находилась в интимных отношениях с мужем гр-ки К. Стремясь сохранить такие отношения и опасаясь, что К. может помешать этому, У. решила убить К.

О своем намерении она рассказала Я. и попросила ее помочь в этом. Я. согласилась. С целью совершить убийство У. и Я. приехали к месту проживания супругов К. и остановились в лесу около села. Зная, что К. любит спиртное, У. предложила Я. пойти в село и пригласить К. выпить вместе с ними. Я. выполнила эту просьбу, и после того как К. пришла в лес, они втроем стали распивать спиртные напитки. Затем У. набросилась на К. и начала ее душить руками и косынкой. К. оказала сопротивление. В связи с этим У. крикнула Я., чтобы она помогала ей. Я. села на ноги К. и, удерживая их, не давала потерпевшей возможности оказать сопротивление. У. задушила К., а затем она и Я. перетащили труп в болото.

Рассмотрев дело, Президиум Верховного суда РСФСР пришел к выводу, что в протесте правильно указывается на необоснованность определения Судебной коллегии о переквалификации действий Я., связанных с убийством К., на соучастие в убийстве.

Решение о такой переквалификации, говорится в постановлении, мотивировано в определении тем, что Я. непосредственно сама не лишала жизни К. Это сделала У., а Я. содействовала совершению убийства, не дав потерпевшей возможности оказать активное сопротивление.

Президиум отметил, что данная аргументация, содержащаяся в определении, является недостаточной для переквалификации действий Я. Она приняла активное участие в убийстве К. В процессе совершения убийства Я., услышав обращение к ней У. за помощью, села на ноги потерпевшей и удерживала их, не давая жертве возможности сопротивляться. У. в это время продолжала душить К. и, таким образом, с помощью Я. довела преступление до конца. Далее в приговоре указано, что У. и Я. действовали с преступным умыслом сообща, они вместе заманили в лес потерпевшую, вместе спаивали ее, а после убийства вместе спрятали труп. В приговоре содержится вывод, что эти обстоятельства свидетельствуют о совместном совершении убийства У. и Я. и поэтому квалификация действий Я. как соисполнительства обоснованна.

С учетом изложенного Президиум Верховного суда РСФСР признал доводы, приведенные в определении Судебной коллегии при изменении квалификации действий Я., необоснованными и отменил определение³³.

Следует признать, что соисполнительство образуют не только действия, непосредственно направленные на лишение потер-

³³ Шлыков С. А. Некоторые вопросы квалификации умышленных убийств // Комментарий судебной практики за 1978 год. М., 1979. С. 143—144.

певшего жизни, но и действия, направленные на преодоление сопротивления потерпевшего при убийстве. При этом роль виновного лица исходя из причин наступления смерти потерпевшего может быть и не очень существенной. Однако, если он принимал участие в процессе лишения потерпевшего жизни, то его действия должны признаваться соисполнительством в убийстве.

Так, Белгородским областным судом Рубан был признан виновным в убийстве, совершенном из хулиганских побуждений и с особой жестокостью, а Черняев — пособником данного преступления. Обстоятельства дела следующие.

Рубан и Черняев встретили Тация, так же как и они находящегося в состоянии алкогольного опьянения. Из хулиганских побуждений Рубан ударил Тация кулаком в лицо, а затем с целью убийства нанес ему несколько ударов ножом в шею и грудь. Когда лезвие ножа согнулось, Рубан взял другой нож и, сидя на лежавшем Тации, продолжал с целью убийства наносить потерпевшему множественные удары ножом в шею. Черняев при этом ударил Тация несколько раз и удерживал руку пытавшегося защититься потерпевшего во время нанесения Рубаном ножевых ранений.

Смерть Тация наступила от кровопотери в результате ранения сонной артерии, причинения 18-ти колото-резаных ранений в область шеи, резаной раны правой руки.

Судебная коллегия Верховного суда РФ приговор оставила без изменений. Председатель Верховного суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений и направлении дела на новое судебное рассмотрение в связи с неправильной квалификацией действий Рубана и Черняева. Президиум Верховного суда РФ протест удовлетворил, отменив приговор³⁴.

Из материалов дела видно, что Черняев принимал непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни, подавляя его сопротивление, удерживая за руку. Поэтому, несмотря на менее активную роль при совершении убийства, он тем не менее должен быть признан соисполнителем убийства. Судебная ошибка была вызвана тем, что суд не дал должной оценки действиям Черняева, признав их незначительными с точки зрения причин, вызвавших смерть потерпевшего.

В случаях, когда в избиении потерпевшего, закончившимся его смертью, принимали участие несколько потерпевших, содеянное каждым подлежит тщательному анализу, в противном случае не исключена ошибка в квалификации их действий.

Так, Павлов и Талипов были признаны соисполнителями убийства, совершенного с особой жестокостью и с целью сокрытия другого преступления, а

³⁴ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1997. № 6.

Палагушин — пособником этого преступления. Обстоятельства дела следующие.

Павлов, Палагушин, Талипов и другие подростки распивали спиртные напитки на берегу Волги. Дмитриева, с которой они познакомились при переправе через реку, загорала рядом, а когда она отлучилась, Самойлова из ее сумки похитила наручные часы с браслетом.

Около 21 часа Дмитриева взяла свою сумку и ушла в сторону причала. Обнаружив отсутствие часов, она вернулась и, обращаясь ко всем присутствующим, потребовала вернуть часы, заявив, что в противном случае сообщит о краже в милицию.

Тогда Павлов стал избивать Дмитриеву кулаками и ногами, столкнул в реку, схватил за волосы и с целью убийства стал топить, погружая с головой в воду. Дмитриевой удалось вырваться. Павлов догнал ее, схватил за волосы и, нанося удары кулаками, потащил в кусты. За ним пошли Палагушин и Талипов, последний прихватил с собой палку. В кустах Павлов нанес Дмитриевой удар по голове пустой бутылкой, которая от удара разбилась. Палагушин по предложению Павлова сбежал к месту распития спиртных напитков, подобрал пустую бутылку и передал Павлову, тот нанес потерпевшей второй удар бутылкой по голове, а Талипов нанес ей удар палкой по голове, от чего Дмитриева упала на землю. Затем Талипов передал Павлову свой нож. Павлов, проявляя особую жестокость, с целью убийства Дмитриевой причинил ей ножом множественные колото-резаные раны, от которых она тут же скончалась³⁵.

По данному делу возникли сложности относительно квалификации действий Талипова и Палагушина. Генеральный прокурор СССР в протесте поставил вопрос о квалификации действий Талипова как соучастие в убийстве при отягчающих обстоятельствах, так как он не принимал участия в лишении жизни Дмитриевой, поскольку смерть наступила от ножевых ранений, нанесенных ей Павловым. Действия Палагушина предлагалось квалифицировать как укрывательство убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах. Исполнителем убийства, совершенного с особой жестокостью и с целью сокрытия другого преступления, по мнению Генерального прокурора СССР, должен быть признан один Павлов.

Пленум Верховного суда СССР, рассмотрев протест, не нашел оснований для перекалфикации содеянного Талиповым и Палагушиным.

Исходя из материалов дела видно, что Павлов совершил действия, непосредственно послужившие причиной смерти Дмитриевой. Талипов в процессе убийства Павловым Дмитриевой нанес ей удар палкой по голове, от которого она упала на землю. Данные действия не могут оцениваться иначе как участие в

³⁵ Бюллетень Верховного суда СССР. 1988. № 5.

процессе лишения потерпевшей жизни. Отсюда можно сделать вывод, что Талипов действовал согласованно с Павловым и непосредственно принимал участие в убийстве Дмитриевой. Кроме того, Талипов затем передал Павлову нож, которым тот и совершил убийство. Эти действия свидетельствуют о наличии у Талипова умысла на убийство потерпевшей. Следовательно, Талипов и Павлов являются соисполнителями убийства.

Таким образом, если по делу установлено, что виновные лица принимали непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни с умыслом, направленным на его убийство, то они должны признаваться соисполнителями убийства. При этом на квалификацию содеянного не может оказывать влияния то обстоятельство, что виновные выполнили и другие действия, например образующие пособничество в данном преступлении. Факт умышленного участия в процессе лишения потерпевшего жизни при квалификации содеянного ими является в подобных случаях определяющим.

3. Ошибочное признание виновного одновременно и соучастником, и соисполнителем убийства

Данная ошибка — грубейшее нарушение норм материального права, поскольку действия виновного лица, исходя из их характера, должны квалифицироваться или как соучастие в убийстве, или как соисполнительство в нем. Третьего не дано. При этом виновный фактически может выполнять попеременно различные роли при совершении конкретного преступления, но если в его деянии усматриваются признаки соисполнительства в преступлении, то содеянное должно быть квалифицировано с учетом наличия данного отягчающего убийство обстоятельства. Особенно недопустимы такие ошибки, когда к убийству имеют отношение только двое виновных. В этом случае квалификация содеянного как соучастия в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц, исключается при любых обстоятельствах. При наличии только двух виновных их действия могут образовывать или групповое убийство (т. е. убийство, совершенное соисполнителями), или убийство, совершенное в соучастии. Между тем подобные ошибки в судебно-следственной практике имеют место. Примером может служить дело Ерофеева и Аношкина.

Ерофеев договорился с Аношкиным о совершении кражи из квартиры Домниных. Для этой цели они решили завладеть ключами от квартиры, убив несовершеннолетнего Домнина Дениса в заранее оговоренном месте.

Исполняя задуманное, Аношкин пригласил Домнина Д. за трансформаторную будку, где Ерофеев заранее приготовленной веревкой задушил Дениса и изъясил у него ключи от квартиры.

Используя ключи, Ерофеев проник в квартиру Домниных, а Аношкин в это время наблюдал за обстановкой, ожидая его недалеко от подъезда дома.

Действия Ерофеева, связанные с убийством Домнина Д., органы следствия и суд квалифицировали как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а Аношкина — как пособничество в совершении этого преступления³⁶.

Военная коллегия Верховного суда РФ правильно указала в своем определении, что соучастие в виде пособничества в убийстве не образует группы. Однако, на наш взгляд, в данном случае следует обратить внимание и на то, что действия виновного ни при каких обстоятельствах по одному делу не могут быть одновременно квалифицированы и как соисполнительство в убийстве, и как соучастие в групповом убийстве. Одно из двух: или виновный является пособником убийства, совершенного другим лицом, или они оба должны признаваться соисполнителями убийства. Не может виновный в указанных ситуациях выступать в двух ипостасях одновременно.

Так, Судебная коллегия Верховного суда РФ правильно изменила приговор Рязанского областного суда, который осудил К. за соучастие в форме пособничества в покушении на убийство, совершенном по предварительному сговору с неустановленным лицом (ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Судебная коллегия указала, что, поскольку К. являлся лишь пособником в покушении на убийство, совершенном одним неустановленным лицом, его действия не могут быть квалифицированы как пособничество в покушении на убийство, совершенном группой лиц³⁷.

К. лишь способствовал совершению данного преступления, т. е. он не выполнял действий, образующих объективную сторону убийства. Поскольку преступление было совершено одним исполнителем, не может быть соучастия в групповом преступлении. Поэтому нет никаких оснований для признания К. пособником покушения на убийство, совершенного группой лиц.

Таким образом, следует сделать вывод, что действия виновного лица не могут одновременно образовывать и соучастие и

³⁶ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 2000. № 5.

³⁷ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 2001. № 9.

соисполнительство в убийстве. Возможен только один вариант квалификации применительно к одному преступлению.

4. Ошибочное непризнание соисполнителями лиц, умысел которых был направлен на убийство, без учета их действий в составе группы

На окончательную квалификацию действий виновных лиц весьма часто неоправданно влияет, как это не покажется парадоксальным, установление или, наоборот, неустановление последствий, которые явились непосредственным результатом их действий.

Так, ошибка в квалификации действий виновных лиц была совершена Гродненским областным судом. Обстоятельства дела следующие.

Несколько виновных, среди которых был и Бобин Ч., во время молодежной вечеринки из озорства подвергли групповому избиению Фурмана С, который от полученных ножевых ранений скончался. Поскольку нож был обнаружен только у Бобина Ч., суд указал в приговоре, что убийство совершено этим лицом. Действия остальных участников избиения Фурмана С. суд квалифицировал как покушение на его убийство. Вместе с тем материалами дела было установлено, что смерть потерпевшего наступила в результате совместных действий всех участников избиения, каждый из которых наносил удары ножом.

Верховный суд Белоруссии в определении правильно отметил, что подобная квалификация действий виновных лиц не может быть признана состоятельной, поскольку Фурман был убит в результате совместных действий всех виновных лиц, участвовавших в его избиении³⁸.

В данном случае в основу квалификации действий виновных лиц был положен факт обнаружения орудия преступления у одного из обвиняемых. Вместе с тем материалами дела было доказано, что все обвиняемые принимали непосредственное участие в избиении потерпевшего, закончившимся его смертью, с умыслом на убийство. Поэтому у суда имелись достаточные данные для признания всех виновных соисполнителями убийства Фурмана и в случае обнаружения ножа только у одного из них.

В другом случае материалами дела было точно установлено, что причиной смерти потерпевшего являются действия конкретного виновного. Однако при этом характер и направленность действий иных лиц судом были учтены не полностью.

Сестра Макаревичей после драки с Калентионком рассказала братьям о случившемся. Братья Макаревичи и присоединившиеся к ним братья Новико-

³⁸ *Бюллетень* Верховного суда СССР. 1960. № 4.

вы стали преследовать Калентионка. Догнав Калентионка, все четверо стали наносить ему удары по голове. Макаревич П. бил потерпевшего молотком, Макаревич Л. — камнем, Новиков И. — кастетом, а Новиков В. — ножом. От полученных повреждений Калентионок скончался.

По заключению судебно-медицинской экспертизы потерпевшему нанесено различными предметами множество ударов в голову. Часть этих ударов вызвала переломы костей черепа, кровоизлияние и повреждение вещества мозга. Одно из повреждений, причиненное в области затылочной кости, являлось смертельным.

Суд установил, что это повреждение нанес Макаревич П. ударом молотка. В связи с этим суд признал, что исполнитель преступления только Макаревич П., а действия остальных подсудимых заключаются лишь в пособничестве убийству.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении указал, что это ошибочное решение, поскольку действия всех подсудимых, заключавшиеся в непосредственном умышленном участии в самом процессе исполнения преступления, должны рассматриваться как действия соисполнителей³⁹.

Несмотря на то, что в описанном деле было установлено виновное лицо, непосредственно причинившее смерть потерпевшему, данное лицо не может быть признано единственным исполнителем убийства. Иные лица, участвовавшие в избиении потерпевшего, также должны быть привлечены к ответственности за убийство как соисполнители, поскольку принимали непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни, имея умысел на его убийство. Об этом свидетельствуют характер и направленность их действий.

Таким образом, следует сделать вывод, что соисполнителями убийства могут быть признаны и лица, действия которых характеризовались разной степенью интенсивности или использования орудий преступления. В противном случае квалификация действий виновных лиц может быть ошибочной.

В основе подобных ошибок лежит игнорирование умысла виновных, которые сознательно объединяют свои усилия для достижения преступного результата. Если два или более лица действовали совместно, с умыслом, направленным на убийство потерпевшего, и все они принимали непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни, то независимо от фактически причиненных последствий каждым виновным все они должны признаваться соисполнителями убийства.

Не случайно Верховный суд РФ рекомендует при квалификации содеянного виновными как убийства, совершенного по

³⁹ *Бюллетень* Верховного суда СССР. 1960. № 4.

предварительному сговору группой лиц, учитывать три обязательных условия:

1. До начала действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего, между исполнителями должна состояться договоренность о совершении убийства, выраженная в любой форме.

2. Виновные лица должны принимать непосредственное участие в процессе лишения потерпевшего жизни. Поэтому, если убийство совершало одно лицо, а другое выступало в роли организатора, подстрекателя или пособника, содеянное не может квалифицироваться как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

3. Все исполнители преступления должны применять к потерпевшему насилие и все они должны действовать с умыслом, направленным на совершение убийства. При этом для квалификации содеянного как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, не требуется, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавляет сопротивление потерпевшего, лишает его возможности защищаться, а другой причиняет ему смертельные повреждения)⁴⁰.

Представляется, что следование данным рекомендациям может избежать ошибок, еще встречающихся в судебной и следственной практике.

Примером правильной квалификации содеянного виновными может служить дело братьев Капитоновых, рассмотренное Самарским областным судом.

Капитоновы вместе с Полежаевой и Земсковой оказались на речном острове, где между Полежаевой и Капитоновым Александром возникла ссора, в ходе которой последний ударил Полежаеву кулаком в лицо и выбил ей зубной протез. Она заявила, что о случившемся сообщит в милицию. Услышав это, Капитонов Александр сказал Капитонову Алексею, что нужно убить обеих женщин, с чем тот согласился. Когда Капитоновы и потерпевшие стали переправляться на лодке через реку, Капитонов Александр с целью убийства нанес ножом несколько ударов Полежаевой, а затем и Земсковой, которую в это время удерживал Капитонов Алексей, лишая ее возможности оказать какое-либо сопротивление.

Несмотря на то, что смерть потерпевшей наступила в результате действий Капитонова Александра, суд обоснованно признал Капитонова Алексея ви-

⁴⁰ *О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ // Бюллетень Верховного суда РФ. 1999. № 5.*

новным в убийстве Земсковой и правильно квалифицировал его действия по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору⁴¹.

Таким образом, для квалификации содеянного виновными как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, необходимо установить и доказать, что виновные лица участвовали в процессе лишения потерпевшего жизни на всем протяжении убийства или на каком-то его этапе с умыслом, направленным на убийство потерпевшего. При этом фактически между виновными может происходить распределение ролей, однако оно не должно выходить за рамки объективной стороны состава преступления. Соисполнителями убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, необходимо признавать всех лиц, выполнявших объективную сторону состава убийства с умыслом, направленным на убийство потерпевшего, независимо от фактически причиненных последствий каждым из них.

1.4. Иные проблемы, возникающие при квалификации убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц

Представляется, что специального рассмотрения требует еще ряд вопросов, непосредственно связанных с квалификацией содеянного как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц.

Убийство, совершенное группой лиц, в преступлении со специальным субъектом

Так, заслуживает внимания проблема квалификации убийства, совершенного группой лиц, в случае, когда убийство является преступлением со специальным субъектом, таким как убийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка).

Сложности при квалификации в подобных случаях обусловлены тем, что в ч. 4 ст. 34 УК РФ предусмотрено следующее положение: “Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной

⁴¹ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1999. № 6.

части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника”.

Большинство исследователей предлагают квалифицировать действия соисполнителей убийства матерью новорожденного ребенка по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, что явно противоречит указанию закона.

Например, В. В. Ераксин пишет, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только мать новорожденного, достигшая 16 лет. Остальные участники преступления несут ответственность по ст. 105 УК РФ⁴².

Аналогичной позиции придерживается Э. Ф. Побегайло. По его мнению, действия соисполнителей следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ, так как обстоятельства, на основании которых смягчается ответственность матери, на них не распространяются⁴³.

В литературе высказываются различные предложения по решению данной проблемы.

Так, Д. Савельев признает неудачным оборот, использованный в редакции ст. 34 УК РФ: “Лицо... участвовавшее в совершении преступления”, поскольку лицо может участвовать в совершении преступления в качестве организатора, подстрекателя или пособника. Указанный оборот он предлагает дополнить словом “непосредственно”. И далее Д. Савельев пишет: “...специальный субъект должен нести ответственность за преступление, совершенное группой лиц; общие субъекты должны наказываться за соучастие в преступлении, совершенном группой лиц (за исключением случаев, когда выполненное ими деяние содержит признаки иного состава преступления)”⁴⁴.

На наш взгляд, подобный подход к квалификации убийств использовать нельзя. Ст. 106 УК РФ не предусматривает такого квалифицирующего признака, как “убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное группой лиц”. Если же допустить такое решение, то иные лица будут выступать одновременно в

⁴² *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / Отв. ред. В. И. Радченко. М., 2000. С. 224.

⁴³ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1999. С. 241.

⁴⁴ *Савельев Д.* Указ. соч. С. 50.

двух ипостасях. Их действия будут образовывать группу лиц, и их же действия будут квалифицироваться как соучастие в убийстве, совершенном группой лиц. Следовательно, иные лица (общие субъекты) одновременно будут выступать и соисполнителями убийства матерью новорожденного ребенка, и соучастниками этого группового убийства. Это нонсенс.

Поэтому не может быть принято предложение Д. Савельева изложить ч. 4 ст. 34 УК в следующей редакции: “Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, непосредственно участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность в качестве организатора, подстрекателя либо пособника преступления, совершенного группой лиц, за исключением случаев, когда содеянное им содержит иной состав преступления”⁴⁵. Оно ошибочно по существу.

Б. В. Волженкин сделал вывод, что “законодательное положение, сформулированное в ч. 4 ст. 34 УК, не является абсолютным, применимым ко всем без исключения случаям соучастия в преступлении, совершаемом специальным субъектом. В связи с этим возникает серьезное сомнение в целесообразности включения в уголовный закон этого и ему подобных положений теории уголовного права, нуждающихся в дополнительных уточнениях и оговорках”⁴⁶.

По нашему мнению, соучастия в убийстве, предусмотренном ст. 106 УК РФ, быть не может. Данный состав преступления применим только к женщине-роженице. Поэтому действия иных лиц, участвовавших в процессе убийства новорожденного наряду с матерью, должны квалифицироваться самостоятельно, а действия матери при наличии всех необходимых признаков состава преступления — по ст. 106 УК РФ. Учитывая, что совершается убийство новорожденного ребенка, содеянное для всех иных лиц, кроме матери, должно квалифицироваться по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Поэтому, например, если убийство новорожденного ребенка совместно совершают мать ребенка и ее муж, то содеянное матерью подлежит квалификации по ст. 106 УК РФ, а мужа — по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 15.

Убийство двух или более потерпевших, совершенное группой лиц по предварительному сговору

В судебно-следственной практике возникают вопросы при квалификации убийства несколькими лицами двух или более потерпевших. Рассмотрим данную проблему с точки зрения признаков состава убийства, предусмотренного п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Сложности уголовно-правовой оценки подобных случаев вызываются тем, что не все виновные принимают непосредственное участие в убийстве всех потерпевших.

Характерным в этом смысле является дело Вдовенко, Двуреченского и Тарасова. Обстоятельства дела следующие.

Ленинградским окружным военным судом Вдовенко, Двуреченский и Тарасов признаны виновными в убийстве трех граждан, совершенном группой лиц по предварительному сговору и сопряженном с разбоем, а также в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением Тарасовым ножа, А Двуреченским и Вдовенко — предметов, использованных в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевших.

В ночь на 8 августа 1999 г. Двуреченский, Вдовенко и Тарасов договорились совершить разбойное нападение на Раевских Анну и Ольгу (дочь и мать) и находившегося у них в квартире Шитова, убить всех троих и завладеть принадлежащими Раевским ценностями.

Для этого Двуреченский вооружился молотком, Вдовенко — монтировкой, а Тарасов — ножом, первый из них, будучи в доверительных отношениях с Раевской Анной, вызвал ее из квартиры на улицу.

Там они втроем напали на нее. Действуя целенаправленно, Вдовенко нанес Раевской А. несколько ударов монтировкой по голове, а Тарасов — четыре удара ножом в область груди. Добивая потерпевшую, Двуреченский также нанес ей несколько ударов ногой по голове.

После этого Двуреченский стал искать ключи от квартиры потерпевшей в ее одежде, а Вдовенко и Тарасов напали на Раевскую Ольгу, вышедшую на поиски дочери. Действуя аналогичным образом, Вдовенко нанес ей несколько ударов монтировкой по голове, а Тарасов — три удара ножом в область груди.

В завершение своих действий Двуреченский и Вдовенко ворвались в квартиру потерпевших и напали на оставшегося там Шитова. Двуреченский нанес ему множественные удары ногой и молотком по голове и другим частям тела, а Вдовенко — множественные удары монтировкой по голове.

Во время последнего нападения и убийства Тарасов оставался возле дома потерпевших и наблюдал за окружающей обстановкой, обеспечивая тем самым совершение этих преступлений Двуреченским и Вдовенко.

В результате совершенных осужденными действий все потерпевшие получили не совместимые с жизнью тяжкие телесные повреждения, от которых скончались на месте происшествия.

Стоимость похищенных ценностей в квартире Раевских составила около 30 тысяч рублей.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы, изложенные в кассационных жалобах, Военная коллегия Верховного суда РФ пришла к выводу, что приговор подлежит изменению по следующим основаниям.

Двуреченский, будучи занятым отысканием ключей у младшей Раевской после ее убийства, в котором принимали участие все трое виновных, какой-либо помощи Вдовенко и Тарасову в лишении жизни старшей Раевской не оказывал. Суд вменил ему этот эпизод посягательства, исходя из первоначально сделанного им предложения совершить хищение из квартиры Раевских и последующего его предложения убить всех троих потерпевших. Об этом в суде показали осужденные Вдовенко и Тарасов. Следовательно, содеянное Двуреченским в этой части подлежит квалификации по п. 4 ст. 33 и пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Из приговора также видно, что Тарасов не принимал непосредственного участия в убийстве Шитова, а как пособник в совершении этого преступления наблюдал за окружающей обстановкой и обеспечивал совершение преступления Вдовенко и Двуреченским. Поэтому содеянное Тарасовым в этой части надлежит квалифицировать по п. 5 ст. 33 и пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Мера наказания Двуреченскому и Тарасову подлежит снижению с учетом внесенной коррективы.

На основании изложенного Военная коллегия приговор в отношении Двуреченского и Тарасова изменила, переквалифицировав действия Двуреченского по убийству Раевской Ольги с пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 на п. 4 ст. 33 и пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и действия Тарасова по убийству Шитова — с пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ на п. 5 ст. 33 и пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Окончательно Двуреченскому назначено наказание в виде лишения свободы на 23 года, а Тарасову — на 22 года, обоим с конфискацией имущества и отбыванием основного наказания в исправительной колонии строгого режима⁴⁷.

На наш взгляд, Военная коллегия Верховного суда РФ совершила ошибку, переквалифицировав действия Двуреченского и Тарасова. До начала преступных действий у Вдовенко, Двуреченского и Тарасова возник умысел на убийство троих потерпевших — О. Раевской, А. Раевской и Шитова. Иначе говоря, они договорились совершить убийство двух или более лиц, т. е. предусмотренное п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом виновные распределили роли. А. Раевскую убили Вдовенко, Двуреченский и Тарасов, О. Раевскую — Вдовенко и Тарасов, Шитова — Двуреченский и Вдовенко. Объективную сторону убийства образуют действия, непосредственно направленные на лишение потерпевшего жизни. Объективную сторону убийства двух или более

⁴⁷ *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в июне 2000 г., № 6–52/ 2000 от 22.06.2000 г.

лиц образуют действия, непосредственно направленные на лишение жизни выбранных жертв. При этом не обязательно, чтобы все виновные принимали непосредственное участие в убийстве всех потерпевших, поскольку убийство двух или более лиц — это единое преступление, направленное на лишение жизни нескольких лиц. Для признания содеянного соисполнительством достаточно установить, что виновные выполняли часть объективной стороны инкриминируемого им состава преступления. Поскольку лишение жизни всех потерпевших образует в целом одно преступление, предусмотренное п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ, постольку независимо от того, принимал виновный непосредственное участие в лишении жизни всех потерпевших или только одного, он должен признаваться соисполнителем убийства двух или более лиц.

Таким образом, и Вдовенко, и Двуреченский, и Тарасов являются соисполнителями единого преступления — убийства двух или более лиц.

В целом квалификация их действий, по нашему мнению, должна быть по пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 и п. “в” ч. 3 ст. 162 УК РФ. В данном случае виновные совершили убийство двух или более лиц, группой лиц по предварительному сговору, сопряженное с разбоем, а также разбой, в ходе которого они причинили тяжкий вред здоровью потерпевших.

Укрывательство убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору

Иногда в судебно-следственной практике допускаются ошибки в квалификации действий соучастников группового убийства.

Так, Кузнецов, Крылов и Степанов за неуплату долга решили вывезти в лес, избить и оставить там Бубловского. На автомобиле, которым управлял Савчук, они вместе с Бубловским выехали за пределы города.

В пути следования Степанов неожиданно для всех нанес удар ножом в левую половину груди Бубловскому, причинив ему проникающее ранение. С целью скрыть это преступление Кузнецов, Крылов и Степанов договорились убить потерпевшего.

Заручившись обещанием Савчука не рассказывать никому об увиденном, Кузнецов, Крылов и Степанов с целью лишить жизни поочередно нанесли Бубловскому по несколько ударов ножом по туловищу, а Кузнецов выстрелил в потерпевшего из газового пистолета.

От совместно причиненных ран Бубловский на месте происшествия скончался. Скрывая следы преступления, Савчук вытер нож, помог застирать Кры-

лову куртку, после чего труп был перевезен в другое место, где его закопали в землю.

Органы следствия и суд действия Савчука квалифицировали как пособничество в совершении убийства по предварительному сговору группой лиц с целью скрыть другое преступление. При этом они исходили из того, что Савчук был осведомлен о сговоре остальных осужденных на лишение жизни Бубловского с целью сокрытия другого преступления, добровольно перевез их к месту совершения преступления, участвовал в сокрытии трупа и следов преступления.

Однако Савчук на протяжении всего производства по делу утверждал, что на месте преступления он оказался случайно, поскольку по просьбе Кузнецова он сначала отвозил его с друзьями (Степановым и Кузнецовым) на дачу, а затем повез их и еще одного, ранее не знакомого, мужчину (Бубловского) по указанному Крыловым адресу.

В пути следования к разговорам в машине он не прислушивался, хотя из отдельных слов понял, что разговор шел о каком-то долге. Затем неожиданно Степанов ударил Бубловского ножом в грудь и предупредил его, Савчука, о том, чтобы о случившемся он никому не рассказывал и высказал угрозу. Савчук отказался принимать участие в убийстве Бубловского и в силу сложившихся обстоятельств лишь присутствовал на месте происшествия.

Эти показания Савчука подтвердили осужденные по этому делу Крылов и Кузнецов.

Военной коллегией Верховного суда РФ действия Савчука после убийства, связанные с сокрытием следов преступления, были квалифицированы как заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления по ст. 316 УК РФ⁴⁸.

Представляется, что в данном случае ошибка в квалификации действий Савчука произошла из-за недостаточно полного установления фактических обстоятельств дела. На первый взгляд, действия Савчука свидетельствуют о его пособничестве в совершении убийства группой лиц по предварительному сговору, поскольку он подвозил виновных до места происшествия на своей автомашине, помогал скрывать следы. Однако более детальный анализ произошедшего показывает, что Савчук ранее с потерпевшим знаком не был, никаких отношений с ним не имел, на месте происшествия оказался при случайных обстоятельствах, заранее скрыть следы преступления не обещал, поэтому его действия образуют только состав укрывательства убийства, которое фактически было совершено иными лицами.

Следовательно, необходимо сделать вывод, что содеянное виновным только в том случае может быть квалифицировано

⁴⁸ *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в декабре 1997 г., № 3–0116/97 от 27.12.97 г.

как соучастие в убийстве, совершенном по предварительному сговору группой лиц, если виновный:

- 1) не участвовал в процессе лишения потерпевшего жизни;
- 2) своими действиями каким-либо образом способствовал совершению убийства группой лиц по предварительному сговору;
- 3) осознавал, что он соучаствует в данном преступлении.

Соучастие в групповом убийстве возможно также в тех случаях, когда виновный помогал скрывать убийство, при условии, что еще до совершения преступления он дал свое согласие на помощь в его сокрытии.

Экссесс исполнителя и убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц

При квалификации содеянного как убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, вероятны случаи столкновения с таким явлением, как экссесс исполнителя.

В соответствии со ст. 36 УК РФ экссессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За экссесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Поскольку в контексте настоящей монографии нас интересуют только проблемы, касающиеся ответственности за предусмотренное п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ преступление, то рассмотрим случаи экссесса исполнителя, связанные с совершением убийства.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что ошибки, обусловленные неправильной оценкой действий виновного лица с позиции экссесса исполнителя, имеют место.

Так, Дубровин был признан виновным в убийстве, сопряженном с разбоем, разбоем, совершенном с применением используемого в качестве оружия ножа группой лиц по предварительному сговору, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Одновременно с ним Артецкий был признан виновным в открытом хищении (грабеже), совершенном группой лиц по предварительному сговору и с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. Обстоятельства совершения ими преступления следующие.

31 декабря 1998 г. Сетькин предложил ранее не знакомому Артецкому за вознаграждение оказать сексуальные услуги. Артецкий рассказал об этом своему товарищу Дубровину, и они решили “проучить” Сетькина, избить его и завладеть деньгами. С этой целью они сели в автомобиль Сетькина, дав предварительно согласие на оказание сексуальных услуг, и поехали к дому, где они якобы снимают квартиру.

Зайдя в подъезд дома, Дубровин, действуя согласно ранее достигнутой договоренности, нанес Сетькину удар кулаком в голову, на что последний оказал активное сопротивление. С целью подавить сопротивление потерпевшего Дубровин, неожиданно для Артецкого, ударил Сетькина кухонным ножом в шею. Последний пытался выбежать из подъезда, однако Дубровин, а затем и Артецкий стали наносить ему удары ногами по различным частям тела, сбили с ног и повалили на пол. Потерявшего сознание Сетькина обыскали и забрали из карманов 280 рублей, ключи от автомобиля. От наступившей в результате ранения острой кровопотери Сетькин умер.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационных жалоб, Военная коллегия пришла к выводу, что судом первой инстанции правильно установлены фактические обстоятельства дела, однако ошибочно квалифицированы действия Дубровина как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а Артецкого — как открытое хищение денег, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Их умысел был направлен на совершение грабежа, а Дубровин по своей инициативе вышел за пределы состоявшегося сговора, т. е. допустил эксцесс исполнителя, в результате чего ими были совершены разные преступления, поэтому из обвинения каждого в этой части следует исключить квалифицирующий признак — “группой лиц по предварительному сговору”⁴⁹.

С нашей точки зрения, квалификация действий Дубровина и Артецкого Военной коллегией была осуществлена неправильно. Исходя из материалов дела, Военная коллегия Верховного суда РФ признала, что в данном случае имеет место эксцесс исполнителя, поскольку Дубровин неожиданно для Артецкого нанес ножом удар в шею потерпевшего. Представляется, что это обстоятельство в рассматриваемой ситуации не имеет никакого значения. Если бы преступное посягательство со стороны Артецкого закончилось после того, как он увидел применение Дубровиным ножа по отношению к потерпевшему, то были бы все основания признать, что убийство и разбой совершил один Дубровин. Однако события продолжали развиваться таким образом, что Артецкий уже после удара ножом, нанесенного потерпевшему Дубровиным, продолжил совместно с Дубровиным избивание потерпевшего. Тем самым он в форме конклюдентных действий выразил свое согласие с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, безразлично относясь к возможным последствиям своих и Дубровина действий. Иначе говоря, в данном случае и Дубровин и Артецкий являются соисполнителями и убийства и разбоя, поскольку они совместно с целью завладения имуществом потерпевшего применили к нему

⁴⁹ *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в марте 2000 г., № 6–06/2000 от 09.03.2000 г.

насилие, опасное для жизни и здоровья, закончившееся смертью потерпевшего.

Предложенное решение было бы правильным, если бы Артецкий не видел удара, нанесенного потерпевшему Дубровиным, или если бы он, увидев содеянное Дубровиным, прекратил свои действия. Однако ни первого ни второго не случилось. Поэтому ответственности за убийство и разбой должны подлежать оба виновных лица.

В данном случае, на наш взгляд, содеянное ошибочно было признано эксцессом исполнителя. Содеянное виновными должно квалифицироваться по п. “в” ч. 3 ст. 162 и пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, и убийство, совершенное группой лиц и сопряженное с разбоем. Основания для вменения виновным убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц, отсутствуют — предварительного их сговора на убийство не установлено. Но, поскольку они совместно выполнили объективную сторону убийства, содеянное ими надлежит в этой части квалифицировать как убийство, совершенное группой лиц.

2. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ГРУППОЙ ЛИЦ

Несмотря на то, что в одном пункте ст. 105 УК РФ предусматривается ответственность за совершение преступления тремя видами групп, это не означает, что нет необходимости в каждом конкретном случае при квалификации содеянного виновными устанавливать вид группы. Представляется, наоборот, необходимо предпринимать максимум усилий, чтобы выяснить вид группы, в составе которой действовали виновные. Вид группы влияет, во-первых, на квалификацию содеянного виновными, во-вторых, на степень общественной опасности совершенного преступления, которая учитывается при назначении наказания.

Для убийства, совершенного группой лиц, характерно отсутствие предварительного сговора на убийство, а также наличие соисполнительства при совершении преступления. Поэтому убийство, совершенное группой лиц, с одной стороны, необходимо разграничивать с убийством, совершенным по предварительному сговору группой лиц, а с другой — с убийством, совершенным в соучастии.

В данном разделе мы обратимся только к тем проблемам, которые не были рассмотрены при анализе убийства, совершаемого группой лиц по предварительному сговору.

2.1. Отличительные признаки убийства, совершенного группой лиц

Убийство, совершенное группой лиц, имеет те же признаки, что и убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, за исключением того, что оно совершается без предварительного сговора на убийство. При этом “предварительно” означает, что сговор на убийство достигается до начала действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни. На первый взгляд, особых проблем с установлением наличия или отсутствия сговора на убийство возникать не должно. Однако это не так.

Убийство, совершаемое группой лиц без предварительного сговора, имеет, по сравнению с убийством, совершаемым по предварительному сговору, некоторые особенности, связанные с субъективной стороной преступления.

Иногда в литературе обращается внимание на то, что при совершении убийства без предварительного сговора второй исполнитель может присоединиться, когда первый исполнитель убийства уже приступил к выполнению объективной стороны преступления, чего не бывает при убийстве, совершаемом по предварительному сговору. Но и при убийстве, совершаемом по предварительному сговору, кто-то из соисполнителей может приступить к выполнению объективной стороны преступления спустя некоторое время после начала процесса убийства потерпевшего другим соисполнителем.

Главное отличие рассматриваемых преступлений заключается не во времени начала выполнения объективной стороны убийства его соисполнителями, а во времени достижения соглашения между ними на убийство потерпевшего.

При совершении убийства по предварительному сговору группой лиц соглашение на убийство потерпевшего всегда достигается до начала действий, направленных непосредственно на лишение потерпевшего жизни всеми соисполнителями. При совершении убийства группой лиц без предварительного сговора соглашение на убийство потерпевшего возникает уже после начала действий, непосредственно направленных на лишение

потерпевшего жизни. Происходит присоединение к уже совершаемому убийству.

Так, Юсупов и Жидяев были осуждены за убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц. Обстоятельства дела следующие.

Между Юсуповым и Ивановой возникла ссора, в процессе которой Юсупов нанес лежавшей на раскладушке Ивановой удар ножом в грудь, причинив проникающую рану без повреждения внутренних органов. Потерпевшая стала оказывать сопротивление, в связи с чем Юсупов попросил Жидяева оказать ему содействие в убийстве. Когда Жидяев стал держать Иванову за ноги, Юсупов нанес ей еще один удар в область сердца, от которого она скончалась на месте происшествия⁵⁰.

В данном случае умысел на убийство Ивановой возник у одного Юсупова и он приступил к его реализации, нанеся потерпевшей удар ножом в область грудной клетки. Однако, поскольку Иванова стала оказывать сопротивление, Юсупов был вынужден попросить Жидяева о содействии. Совместное завершение убийства при изложенных обстоятельствах исключает квалификацию содеянного виновными как убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц. Действия Юсупова и Жидяева должны быть квалифицированы как совершенные группой лиц без предварительного сговора на убийство.

Отсутствие предварительного сговора на убийство может обуславливаться тем, что убийство потерпевшего несколькими лицами происходит спонтанно, неожиданно, в процессе ссоры или драки.

Иногда суды согласованность действий виновных при убийстве без достаточных оснований принимают за предварительный сговор.

Так, Тюменским областным судом Николашев и Коник были осуждены за убийство Кенжегузинова, совершенное по предварительному сговору группой лиц. Суд указал в приговоре, что об умысле подсудимых на совершение убийства по предварительному сговору свидетельствует то, что во время ссоры с потерпевшим они, действуя согласованно, начали совместно избивать его руками и ногами по различным частям тела, сбили с ног и продолжали пинать, нанося удары в жизненно важную часть тела — голову. Их совместными действиями потерпевшему были причинены тяжкие телесные повреждения, от которых он на месте происшествия скончался.

Изменяя приговор и кассационное определение в части юридической оценки действий осужденных, Президиум Верховного суда РФ указал, что вывод о

⁵⁰ *Справка* о некоторых определениях Военной коллегии Верховного суда РФ по делам, рассмотренным в марте 1998 г., № 1-3/98 от 12.03.98 г.

совершении убийства по предварительному сговору группой лиц сделан судом исходя лишь из факта совместных согласованных действий виновных при избитии потерпевшего. Однако этого недостаточно для утверждения, что между осужденными еще до убийства был предварительный сговор на совершение данного преступления. Николашев и Коник отрицали наличие у них такого сговора на убийство Кенжегузинова, никаких других доказательств, которые бы подтверждали это обстоятельство, в деле не имеется, а потому квалифицирующий признак “убийство, совершенное по предварительному сговору” исключен из указанных решений судов⁵¹.

Другой пример. Кемеровский областной суд осудил Максагина и Сергеева за убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц.

Максагин и Сергеев вместе с Левченко распивали спиртные напитки, поссорились и стали избивать Левченко сначала руками и ногами, а затем поочередно обухом топора. В результате указанных действий потерпевший скончался⁵².

Судебная коллегия Верховного суда РФ в своем определении по второму приведенному делу правильно указала, что преступление совершено в связи с пьянством и ссорой, данных о предварительной договоренности на убийство Левченко не имеется. Согласованность действий Максагина и Сергеева, на которую сослался в приговоре Кемеровский областной суд, не может служить достаточным основанием для признания убийства совершенным по предварительному сговору группой лиц. Необходимо установить и доказать, что у виновных имелся сговор на убийство потерпевшего до начала действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни.

В. Быков высказал точку зрения, что сговор может быть при совершении преступления обоими видами групп. Отличие заключается в том, что при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору всегда существует временной промежуток между принятием решения и реальным выполнением задуманного. Другое отличие, по мнению ученого, заключается в психологическом характере групп⁵³.

Представляется, что правоприменителю соглашаться с подобным подходом нельзя, поскольку он не основан на законе. Закон называет только одно отличие рассматриваемых видов групп — отсутствие—наличие предварительного сговора. Время заключения сговора на убийство — задолго до совершения пре-

⁵¹ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1999. № 6.

⁵² *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1997. № 9.

⁵³ *Быков В.* Совершение преступлений группой лиц по предварительному сговору // *Законность*. 1999. № 3. С. 7.

ступления или непосредственно перед его совершением — значения не имеет. Закон ничего не говорит о психологическом характере группы, а В. Быков считает психологическую характеристику главным критерием различия группы лиц, совершившей преступление без предварительного сговора, и группы лиц, совершившей преступление по предварительному сговору.

Представляется, что учет характера взаимосвязи между участниками группы, конечно же, может помочь при расследовании преступления, однако брать данный критерий в основание квалификации содеянного виновными было бы грубейшей теоретической и практической ошибкой.

Другая особенность рассматриваемого состава заключается в возможных видах умысла при совершении преступления. Совершая убийство по предварительному сговору, участники преступления заключают соглашение на достижение преступного результата, т. е. всегда действуют с прямым конкретизированным умыслом на лишение потерпевшего жизни. А с каким видом умысла действуют лица, совершающие убийство без предварительного сговора? Только с прямым или данное преступление может быть совершено ими и с косвенным умыслом?

По нашему мнению, специфика убийства, совершаемого группой лиц без предварительного сговора, состоит в том, что оно может совершаться как с прямым умыслом, так и с косвенным — когда виновные лица только допускают возможную смерть избиваемого ими лица или безразлично к ней относятся. Для преступления, совершенного группой лиц, на наш взгляд, более характерен косвенный умысел.

2.2. Квалификация убийства, совершенного в групповой драке

Наиболее часто убийство группой лиц без предварительного сговора совершается в драке. Квалификация убийства, совершенного в драке, относится к одному из самых сложных вопросов с точки зрения как практики применения закона, так и доктрины уголовного права. Дело в том, что установление совместности действий виновных лиц, принимавших участие в избивании потерпевшего (потерпевших), закончившемся смертью, еще не дает оснований для квалификации их действий по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийства, совершенного группой лиц. Действия лиц, принимавших участие в избивании потерпевшего,

могли быть разнонаправлены. Например, один мог действовать с умыслом на убийство, а другой — только на причинение вреда здоровью. Поэтому при квалификации убийства, совершенного в драке, необходимо тщательно исследовать и выяснять характер и направленность действий и умысла каждого лица, принимавшего участие в избиении потерпевшего.

Значительное внимание исследованию убийства в драке уделял еще Н. С. Таганцев. По его мнению, драка предполагает участие в ней лиц на добровольной основе, представляющих две противоположные стороны и взаимно совершающих насильственные действия⁵⁴.

Отечественное законодательство, начиная с Русской Правды и вплоть до принятия в 1716 г. Воинского устава Петра Великого, фактически приравнивало убийство в драке к причинению смерти по неосторожности. Убийство в драке противопоставлялось, с одной стороны, убийству умышленному, а с другой — случайному. Н. С. Таганцев считал, что в основе такого подхода лежала оценка мотива действий виновного лица, поскольку чаще всего подобное убийство совершалось в процессе ссоры по пьяному делу⁵⁵.

Но уже в Воинском уставе Петра Великого убийство в драке признается умышленным преступлением. При этом в Уставе обращается внимание на необходимость правильного установления того, кто является истинным виновником смерти потерпевшего. Так, в Арт. 158 сказано следующее: “Ежели кто в драке убит будет, и в оной других много было, и его били, а подлинно дознаться будет невозможно, ниже уведать, кто его именно поранил и умертвил, а из них кто нибудь один будет по дознанию и угадом приличен; тогда того жестоко допросить, и мочно его пытать. А буде весьма невозможно уведать, кто из них убийца есть и никто из них гораздо неприличен, то по правам в таком сумнении состоит никого не пытать, ниже смертью казнить надлежит, но их всех тюрьмоу, штрафом денежным, шпицруте-

⁵⁴ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Особенная. Спб., 1894. С. 190.

⁵⁵ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Спб., 1870. С. 119.

ном или протчим наказать, притом же и к церковному покаянию всех принудить”⁵⁶.

Уложение 1845 г. вновь уравнило убийство в драке и неосторожное причинение смерти. Статья 1465 Уложения постановляла:

“Если, в начавшейся без всякого намерения на совершение убийства драке, кому либо будет нанесена смерть, то участвовавшие в насильственных против убитого действиях подвергаются наказанием на следующем основании:

1) Когда известно кем именно нанесены убитому удары смертельные, то виновный или виновные в том приговариваются:

к заключению в смирительном доме на время от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев, с потерю некоторых, по ст. 50 сего Уложения, прав и преимуществ, и сверх того, если они христиане, предаются церковному покаянию, по распоряжению своего духовного начальства.

2) Когда же нанесшие убитому смертельные удары неизвестны, то бывшие зачинщики драки или возбуждавшие к продолжению или возобновлению оной словами или делом, подвергаются:

заклучению в смирительном доме на время от 4 до 8 месяцев, а все прочие, участвовавшие в драке, приговариваются к заключению в тюрьме на время от 2—4 месяцев”⁵⁷.

Редакция ст. 1465 Уложения 1845 г. вызвала справедливые нарекания со стороны научной общественности. В правовой литературе давались многочисленные интерпретации условий применения данной статьи. Например, Н. С. Таганцев необходимым условием применения ст. 1465 признавал отсутствие всякого умысла на убийство в начале драки. Ибо в противном случае, по его мнению, речь должна идти о предумышленном убийстве, совершенном несколькими лицами по предварительному сговору. Если же умысел у кого-либо из участников драки появлялся в процессе избияния потерпевшего и он наносил смертельные дары, то в этом случае виновный подлежал ответственности за обыкновенное убийство. Н. С. Таганцев сделал вывод, что ст. 1465 Уложения излишня, ее существование не

⁵⁶ *Хрестоматия* по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 319—320.

⁵⁷ Цит. по: *Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни...* С. 124.

вызывается потребностями практики и она не разрешает те проблемы, которые возникают при оценке действий лиц, совершивших убийство в драке⁵⁸.

Уложение 1903 г. уже не содержало специальной нормы, предусматривающей ответственность за убийство в драке. Точно так же, как и все последующие Уголовные кодексы РСФСР и РФ. Если убийство совершено одним лицом, оно подлежит ответственности за «простое» убийство, т. е. за убийство, не содержащее отягчающих или смягчающих ответственность обстоятельств. Если убийство совершено группой лиц, они подлежат ответственности за убийство, совершенное группой лиц, — по действующему законодательству по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Квалификация убийства, совершенного в групповой драке, в некоторых случаях может представлять определенную сложность.

Если убийство было совершено в драке, в которой участвовало по одному человеку с каждой стороны, то действия виновного, при отсутствии обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Если же убийство совершено в драке, в которой принимало участие несколько человек, то в этом случае надлежит выяснить прежде всего, кто совершил данное убийство и кому его следует вменить в вину при имеющихся обстоятельствах.

Например, М. Д. Шаргородский отмечал, что в подобных случаях чаще всего возникают следующие вопросы: 1) в драке, в результате ранения, кто-то убит, дравшиеся известны, но кто именно нанес смертельную рану — неизвестно. Нужно ли оправдывать всех, в том числе и виновного, или нужно всех наказывать, в том числе и невинного? 2) некто умер от совокупности многих ранений, нанесенных различными лицами, — кто отвечает за убийство?⁵⁹

М. Д. Шаргородский считал целесообразным внесение в Уголовный кодекс специального состава преступления — драки, что дало бы возможность разрешить следующие проблемы: 1) будет создан специальный состав для установления ответственности лиц, которые, не совершив другого преступления, только принимали участие в драке; 2) устраняется необходимость дока-

⁵⁸ См.: Там же. С. 125—129.

⁵⁹ Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 375.

зывать причинную связь между конкретной деятельностью данного лица и наступившим результатом тогда, когда это сделать невозможно.

По мнению М. Д. Шаргородского, основанием для подобного конструирования уголовной ответственности за участие в драке может служить особая опасность действия и трудность доказывания непосредственной виновности⁶⁰.

Нельзя утверждать, что М. Д. Шаргородский исключал применение института соучастия в случае квалификации убийства, совершенного в драке. Он лишь ратовал за установление ответственности за сам факт участия в драке, в которой произошло убийство. Так, он писал следующее: «Наиболее правильным будет решение вопроса о вреде, причиненном во время драки, на основе общих правил, действующих в отношении соучастия. Однако это не исключает выделения драки в особый состав для лиц, которые сами во время драки вреда не нанесли. Для лиц, которые являются зачинателями драки, наказание в этом случае следует повысить»⁶¹.

На наш взгляд, ответственность за участие в драке, закончившейся смертельным исходом, не требует криминализации, поскольку в этом случае будет грубо попоран основной принцип уголовного права — принцип вины, на основании которого лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина. Вменение ответственности за последствия, которые находятся за пределами умысла виновного лица, есть не что иное, как объективное вменение, которое запрещено современным законодательством. Именно объективное вменение и будет происходить, если установить уголовную ответственность за участие в драке, в которой произошло убийство, потому что наказание в этом случае будет наступать за последствия, которые не вызываются действиями лица, привлекаемого к ответственности.

Представляется, что квалификация убийства, совершенного в драке, должна основываться на субъективном отношении виновных к содеянному ими и наступившему результату в виде смерти потерпевшего, с учетом фактически совершенных ими действий.

⁶⁰ Там же. С. 380.

⁶¹ Там же.

Очень часто в избиении потерпевшего принимают участие несколько лиц. Нередко подобные действия заканчиваются смертью потерпевшего. Однако, несмотря на то, что все лица принимают участие в избиении потерпевшего, которое приводит к его смерти, не все они во всех случаях могут и должны признаваться соисполнителями убийства. Помимо выполнения действий, образующих объективную сторону состава убийства, необходимо установить и доказать, что все участники избиения потерпевшего имели прямой или косвенный умысел на его убийство.

Рассмотрим несколько типичных ситуаций, при уголовно-правовой оценке которых могут возникать сложности.

1. Один из виновных избивает потерпевшего, другой приходит ему на “помощь” и потерпевшего убивает

В указанной ситуации, естественно, возникает вопрос: должны ли оба виновных отвечать за совершенное убийство или же ответственность за убийство должен нести только тот, кто причинил смертельное ранение?

Так, Рогов и Корнев были признаны соисполнителями убийства из хулиганских побуждений Гончарова. Суд нашел установленным, что между подсудимыми и потерпевшим, находившимися в сильной степени опьянения, возникла драка, и в тот момент, когда Гончаров и Корнев, схватившись друг за друга, дрались, Рогов забежал в квартиру, взял нож и, выскочив в коридор, где происходила драка, нанес Гончарову ножом в сердце смертельный удар. Суд, признавая Корнева соисполнителем в убийстве Гончарова, сослался на то, что в момент нанесения Роговым ножевого удара Гончарову Корнев наносил ему побои.

Судебная коллегия Верховного суда Украины сделала вывод, что по всем обстоятельствам дела убийство Гончарова для Корнева было неожиданным и что никаких данных о сговоре между Корневым и Роговым об убийстве Гончарова по делу не установлено. Поэтому она приговор в отношении Корнева в части признания его виновным в убийстве Гончарова отменила и дело в этой части производством прекратила⁶².

В данном случае ошибка была обусловлена тем, что суд выяснил не в полной мере роль и характер действий, а также содержание умысла каждого из виновных лиц. В результате они безосновательно были признаны соисполнителями убийства.

2. Потерпевшего виновные избивают совместно, применяя при этом разные по силе и интенсивности средства

⁶² Бюллетень Верховного суда СССР. 1960. № 4.

В таких случаях действия виновных лиц могут быть квалифицированы самостоятельно или виновные могут быть признаны соисполнителями убийства. Все зависит от конкретных обстоятельств дела, а также от правильного установления умысла виновных лиц.

Так, Четвертков и Цивин ошибочно были осуждены за соисполнительство в убийстве Копанева, совершенном при следующих обстоятельствах.

Четвертков, Цивин и Кожушко сидели в ресторане. К ним за стол без разрешения сел Копанев, включился в общую беседу, во время которой стал упрекать Четверткова и его товарищей в незнании литературы, а затем стал приставать к Четверткову.

На вопрос вошедшего в этот момент в зал знакомого Копанева — Кургана, что он здесь делает, Копанев ответил, что он обучает молокососов боксу. И тут же стал наносить удары Кургану. В это время Цивин схватил стул и с силой ударил им Копанева по голове, а когда последний от удара стулом зашатался, подбегавший Четвертков нанес ему два удара в подбородок, после чего Копанев упал.

От полученных повреждений потерпевший, не приходя в сознание, умер в больнице.

Генеральный прокурор СССР внес протест, поставив вопрос о прекращении дела в отношении Четверткова в части осуждения его за убийство. Пленум Верховного суда СССР признал протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы смерть Копанева наступила от перелома костей свода и основания черепа с нарушением мозговой ткани и кровоизлиянием в оболочку мозга. В заключении также указано, что характер этих повреждений свидетельствует о большой силе удара стулом, который и повлек смерть потерпевшего. Материалами дела установлено, что удар стулом потерпевшему был нанесен Цивиним.

У потерпевшего были также обнаружены следы в виде припухлости с кровоизлиянием в мягкие ткани нижней челюсти, которые не могли привести к смертельному исходу.

Какой-либо предварительной договоренности между Цивиним и Четвертковым о нападении на Копанева не установлено. Равным образом из материалов дела нельзя сделать вывод, что Четвертков сознавал полностью опасный характер действий Цивина и стремился принять участие в убийстве. Судя по обстоятельствам происшествия, у него был умысел лишь на нанесение побоев Копаневу.

Поэтому Пленум Верховного суда СССР приговор областного суда, определение Судебной коллегии по уголовным делам и постановление Президиума Верховного суда Белоруссии в части осуждения Четверткова за убийство отменил и дело в этой части прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления⁶³.

⁶³ *Бюллетень* Верховного суда СССР. 1966. № 6.

Как мы видим, в данном случае в избиении потерпевшего приняли участие и Четвертков и Цивин. Однако только действиями Цивина потерпевшему были причинены смертельные ранения. Удары Четверткова привели к незначительным повреждениям, которые сами по себе не могли вызвать смерть потерпевшего. Если бы было доказано, что оба виновных действовали с умыслом, направленным на убийство потерпевшего, то они оба подлежали бы ответственности за групповое убийство независимо от того, какие последствия повлекли действия каждого из них. Однако материалы дела свидетельствовали о том, что у Четверткова был умысел только на избиение потерпевшего. Поэтому ответственности за убийство он подлежать не должен. Ошибка трех судебных инстанций заключалась в том, что они при оценке действий Четверткова исходили только из фактических обстоятельств дела, глубоко не анализируя субъективную сторону содеянного виновным.

3. Виновные объективно совместно применяют к потерпевшему насилие, опасное для жизни, но без умысла на его совместное убийство

Такие обстоятельства неоднозначно оцениваются судом.

Например, неправильно были осуждены за соисполнительство в убийстве, совершенном с особой жестокостью, Степанов и Матвеев.

Вечером к Матвееву и Степанову, распивавшим спиртные напитки, зашел пьяный Федоров. Между Матвеевым и Федоровым возникла ссора, а затем драка. Матвеев свалил Федорова и нанес ему руками, а также ногами, обутыми в сапоги, удары в голову и по лицу, причинив ему открытый перелом костей нижней челюсти, деформацию подбородка и рану правой надбровной дуги.

Вышедший из дома Степанов нанес Федорову по голове удар деревянной колотушкой и причинил ему многочисленные открытые переломы костей черепа с кровоизлиянием в вещество головного мозга.

Матвеев после этого убежал к себе домой, а Степанов вытащил Федорова со двора на улицу и там оставил. Доставленный в больницу потерпевший в тот же вечер скончался.

По заключению медицинского эксперта, смерть наступила от удара колотушкой по голове потерпевшего, т. е. ее причиной явились действия Степанова. Остальные повреждения, причиненные ударами Матвеева, отнесены к тяжким по признаку их неизгладимости, поскольку для лечения потребовалась бы пластическая операция на лице.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного суда РСФСР о переквалификации действий Степанова на «простое» убийство, а действия Матвеева — на причинение тяжкого телесного повреждения, протест удовлетворил, указав следующее.

Обстоятельства дела свидетельствуют о том, что у осужденных не было умысла на совместное избивание потерпевшего, повлекшее его смерть. Выбегавший из дома Степанов нанес Федорову только один удар колотушкой, а Матвеев после этого удара сразу же убежал к себе домой⁶⁴.

Представляется, что Президиум Верховного суда РСФСР справедливо переквалифицировал содеянное виновными. В деле нет доказательств, подтверждающих умысел виновных на совместное убийство потерпевшего. Степанов нанес удар Федорову неожиданно для Матвеева. Вся совместность действий виновных лиц в данном случае выразилась в том, что Степанов нанес потерпевшему один удар колотушкой в тот момент, когда его избивал Матвеев. При отсутствии доказательств договоренности виновных на совместное избивание потерпевшего необходимо сделать вывод, что действия виновных носили самостоятельный характер и были разнонаправлены. Поэтому каждый из виновных должен нести ответственность только за те последствия, которые наступили в результате его действий, т. е. Степанов — за убийство, а Матвеев — за причинение тяжких телесных повреждений.

Однако, если бы было установлено, что Степанов и Матвеев некоторое время совместно избивали потерпевшего, умышленно объединяя свои усилия, то наступивший результат в виде смерти потерпевшего был бы для них общим, независимо от последствий фактических действий каждого из них.

4. Убийство происходит в результате действий виновных лиц, которые последовательно применяли насилие к потерпевшему

В судебно-следственной практике встречаются ситуации, когда убийство потерпевшего происходит в результате не одновременных, а последовательных действий виновных лиц. Традиционно данная ситуация вызывает сложности при квалификации содеянного виновными, потому что, с одной стороны, смерть потерпевшего наступает в результате действий одного конкретного лица, а с другой — возможно единство преступного намерения виновных лиц на убийство потерпевшего.

Так, Татевосян, Алексанян, Самвелян и Сафарян распивали спиртные напитки и, узнав, что студент Восканян оскорбил их товарища Миносяна,

⁶⁴ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР (1974—1979 гг.). М., 1981. С. 154—155.

потребовали от Восканяна, чтобы он извинился перед Миносяном, однако Восканян отказался это сделать. Осужденные стали настаивать на своем.

Узнав об этом, группа студентов, среди которых находился и потерпевший по делу Бабагулян, вышла из общежития и направилась на помощь Восканяну.

Встретившись со студентами, осужденные стали с ними ссориться, напали на них, а Бабагулян обратился в бегство. Увидев это, осужденные Татевосян, Сафарян и Самвелян стали преследовать Бабагуляна. Настигнув Бабагуляна, Сафарян из хулиганских побуждений ударил его, лишив возможности обороняться, а Татевосян нанес ему два ножевых ранения в область грудной клетки, от которых Бабагулян скончался на второй день⁶⁵.

В данном случае возник вопрос о квалификации действий Сафаряна и Татевосяна. Непосредственно убийство совершил Татевосян, поскольку он нанес смертельные удары ножом в область груди потерпевшего. Однако Сафарян также принимал участие в избиении потерпевшего. Он ударил Бабагуляна, лишив его возможности сопротивляться, в силу чего были облегчены действия Татевосяна. Сафарян и Татевосян являются соисполнителями убийства, соучастниками данного преступления или, может быть, за убийство должен отвечать только Татевосян?

Установления факта того, что Сафарян и Татевосян принимали участие в избиении потерпевшего, закончившимся его смертью, не служит достаточным основанием для правильной квалификации действий виновных лиц. Необходимо установить характер и направленность их умысла.

Если бы материалами дела была установлена согласованность действий виновных лиц на убийство потерпевшего, то они должны были бы подлежать ответственности за данное убийство как соисполнители, поскольку участвовали в нанесении ударов потерпевшему, т. е. выполняли объективную сторону убийства. Однако по делу не было добыто доказательств, подтверждающих наличие согласованности действий виновных лиц.

Сафаряна и Татевосяна нельзя признавать и соучастниками данного преступления, поскольку было установлено, что убийство, совершенное Татевосяном, было для Сафаряна неожиданным. Татевосян нанес потерпевшему удары ножом, о наличии которого у Татевосяна Сафарян даже не подозревал. Умысел Сафаряна был направлен только на избиение потерпевшего из хулиганских побуждений. Поэтому отвечать за убийство, со-

⁶⁵ *Бюллетень Верховного суда СССР*. 1965. № 4.

вершенное из хулиганских побуждений, в данном случае должен один Татевосян.

По делу Гаврилова возникла аналогичная ситуация.

Потерпевший Терехов являлся общественным инспектором Лебедянского лесничества. Он доложил леснику о том, что Носов самостоятельно накопил в лесу сена и привез его домой. Носов затаил злобу на потерпевшего.

Однажды Терехов зашел в дом к Носову, где Носов и Гаврилов пили самогон. Носов стал придирается к Терехову, упрекая его в том, что он хотел посадить его в тюрьму за сено.

Находившийся здесь же Гаврилов по команде Носова: “Ну, что ты стоишь, бей его”, — ударил Терехова ребром ладони по шее. Терехов пытался выйти из дома, но Носов оттолкнул его от двери. Гаврилов вторично нанес такой же удар потерпевшему, от которого он упал. Носов схватил Терехова руками за горло, коленом надавил на грудь и задушил его. Труп осужденные вынесли в сени, надели на него мешок и отнесли в сарай, а затем ночью бросили в реку Дон. Вернувшись домой, они с целью сокрытия преступления смыли кровь на полу, а вещи потерпевшего сожгли в печи⁶⁶.

Особенностью данного случая является то, что оба виновных принимали участие в избиении, закончившемся смертью потерпевшего. Действия Гаврилова привели к тому, что потерпевший в результате полученного удара оказался на полу. Носов воспользовался данным обстоятельством и произвел удушение Терехова. Затем Носов и Гаврилов совместно уничтожили следы преступления. Можно ли в данном случае признать, что Носов и Гаврилов являются соисполнителями убийства? Представляется, что для этого нет достаточных данных, в частности, необходимо установить характер и направленность умысла Гаврилова.

Материалами дела не было опровергнуто заявление Гаврилова о том, что он не хотел убивать Терехова и не был в сговоре с Носовым на убийство потерпевшего. Доказательств того, что у Гаврилова был умысел на убийство потерпевшего и он был осведомлен о намерении Носова совершить убийство, добыто не было. Кроме того, установлено, что у Гаврилова с Тереховым были неплохие взаимоотношения. Серьезных последствий в результате нанесенных Гавриловым потерпевшему ударов не наступило.

При таких обстоятельствах нет оснований для признания Гаврилова соисполнителем убийства, совершенного Носовым.

⁶⁶ *Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР (1964—1972 гг.)* М., 1974.

Гаврилов должен нести ответственность за нанесение побоев и за заранее не обещанное укрывательство убийства.

Однако, если бы был установлен умысел Гаврилова на убийство потерпевшего, то при указанных обстоятельствах он должен был бы отвечать за соисполнительство в убийстве, поскольку принял участие в выполнении действий, образующих насилие, направленное на лишение потерпевшего жизни.

5. Известны лица, принимавшие участие в избиении потерпевшего, но не известно, кто из них непосредственно нанес смертельный удар потерпевшему

Данная ситуация неизменно вызывает проблемы при квалификации. Представляется, что в подобных случаях квалификация содеянного виновными может быть произведена только с учетом всех обстоятельств, имеющих отношение к делу. Важно обращать внимание на характер и направленность действий виновных лиц, участвующих в избиении потерпевшего.

Так, после танцев трое виновных К., О. и П. избили потерпевшего якобы за то, что он неправильно себя вел на танцплощадке, приглашая без разрешения их девушек танцевать. Избиение происходило в темном переулке вырванным из забора штакетником. Всего потерпевшему было нанесено около тридцати ударов в разные части тела, один удар в область головы оказался смертельным. Кто из виновных лиц нанес потерпевшему удар в область головы, установить не удалось, поскольку все они принимали участие в его избиении, нанося удары штакетником в различные части тела потерпевшего. Следствие квалифицировало содеянное как убийство, совершенное группой лиц. Суд не согласился с данной квалификацией, потребовав установить лицо, виновное в совершении данного преступления. По мнению суда, за убийство необходимо привлекать того участника избиения, который нанес смертельный удар потерпевшему в голову, потому что все остальные удары в своей совокупности привели только к причинению тяжких телесных повреждений.

По нашему мнению, в данном случае ответственности за убийство должны подлежать все лица, участвовавшие в избиении потерпевшего, поскольку, исходя из характера избиения, каждый из них допускал возможность причинения потерпевшему смерти. Удары твердыми предметами (штакетником) наносились в различные части тела, в том числе и жизненно важные. С равной степенью вероятности смерть могла наступить от ударов любого из них. Все лица, сознательно объединяя свои усилия при избиении потерпевшего, безразлично относились к возможной его гибели. Поэтому необходимо признать, что насту-

пивший преступный результат в виде гибели потерпевшего является для них общим.

Приведенный пример характерен тем, что виновные при избиении потерпевшего применяли усилия, одинаковые по своей силе, интенсивности и направленности действий. Однако так бывает не всегда. В тех случаях, когда сила, интенсивность и направленность действий лиц, участвующих в избиении потерпевшего, оказывается различной, квалифицировать содеянное как групповое убийство нельзя.

Так, Миняйлов Н. В. и Дорошенко Г. Н. были признаны виновными в убийстве Афанасьева из хулиганских побуждений.

Вечером 31 августа 1978 г. осужденные вместе употребляли спиртные напитки. Около 22 час. они направились на автомашине, управляемой Дорошенко, в ресторан села Сокулук за вином.

Остановив машину, Дорошенко и Миняйлов Н. остались в ней, а Миняйлов Ю. пошел в ресторан.

По дороге он встретил Афанасьева и из хулиганских побуждений стал его избивать. Увидев, что Миняйлов Ю. бьет потерпевшего, Дорошенко и Миняйлов Н. также приняли участие в его избиении. Как указал суд в приговоре, совместными согласованными действиями они загнали Афанасьева в темное место, сбили с ног и с целью убийства стали наносить ногами удары в жизненно важные органы: голову, шею, туловище.

Совершив убийство, Миняйлов Н. и Дорошенко пошли к автомашине. Миняйлов Ю. в это время снял с убитого босоножки, после чего все трое уехали с места происшествия.

Заместитель Председателя Верховного суда СССР внес в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР протест, который был удовлетворен по следующим основаниям.

Вывод суда о том, что смерть Афанасьева наступила в результате действий всех осужденных, не вытекает из материалов дела. Такой вывод находится в противоречии с заключением судебно-медицинской экспертизы, констатировавшей, что смерть потерпевшего наступила мгновенно, от удара ногой, обутой в жесткую обувь, в шею с повреждением сонной артерии. По мнению эксперта, смертельным был только этот удар. Остальные телесные повреждения, причиненные потерпевшему, отнесены экспертизой к категории легких.

В связи с указанным правильное установление фактических данных об избиении потерпевшего, во время которого ему был нанесен смертельный удар, имеет важное значение для разрешения вопроса об ответственности каждого из осужденных.

Суд, признав всех осужденных виновными в убийстве, одновременно указал в приговоре, что смертельное повреждение потерпевшему нанес Миняйлов Н., который был в жесткой обуви.

Оценивая показания Миняйлова Ю., суд, в частности, пришел к выводу, что он в данном случае не мог лишить жизни потерпевшего: "Показания Миняйлова Юрия о том, что он нанес потерпевшему Афанасьеву смертельный удар кулаком в область шеи и он скончался, не соответствуют обстоятельствам

дела. Из заключения судебно-медицинской экспертизы следует, что смерть потерпевшего наступила от воздействия носком жесткой обуви в область шеи. Поэтому не могли быть нанесены смертельные удары Миняйловым потерпевшему и ногами, так как согласно показаниям его брата и Дорошенко он был в мягких шлепанцах-босоножках, которые во время нападения на Афанасьева потерял”.

Таким образом, с одной стороны, суд указал, что потерпевшего лишил жизни Миняйлов Н., а с другой — что в этом повинен и Миняйлов Ю. Однако для такого вывода в отношении последнего у суда не было достаточных оснований, ибо сам факт участия Миняйлова Ю. в избиении потерпевшего еще не свидетельствует о наличии у него умысла на убийство Афанасьева.

Также необоснованно суд признал виновным в убийстве и Дорошенко, сославшись на показания Миняйлова Ю., свидетелей Сентюшкина и Хропачевой, которые якобы изобличают его. Однако показания этих лиц не подтверждают не только вины Дорошенко в убийстве, но и самого факта участия его в избиении потерпевшего.

При новом рассмотрении дела суду следует тщательно проверить показания осужденных, свидетелей Сентюшкина, Хропачевой и других лиц, оценить их в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами, в том числе заключением судебно-медицинской экспертизы, и в зависимости от этого решить вопрос об ответственности каждого из обвиняемых.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Киргизской ССР в отношении Миняйлова Н. В., Дорошенко Г. Н. и Миняйлова Ю. В. отменила и дело передала на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе⁶⁷.

В данном случае не было достаточных оснований для привлечения к уголовной ответственности за убийство всех лиц, принимавших участие в избиении потерпевшего. Результат насилия, которое было применено каждым из них по отношению к потерпевшему, оказался различным. Можно предположить, что не все лица, участвовавшие в избиении потерпевшего, имели умысел на его убийство. Поэтому за убийство должно отвечать только то лицо, которое непосредственно нанесло смертельный удар потерпевшему в голову твердым предметом.

Общий вывод относительно убийства, совершенного в драке, заключается в следующем:

если при избиении потерпевшего виновные действовали с умыслом на причинение смерти, то независимо от того, каким образом произошло убийство — в результате совместных или последовательных действий виновных лиц, действий одного или

⁶⁷ *Бюллетень* Верховного суда СССР. 1983. № 5.

нескольких участников избиения, все они должны признаваться соисполнителями совершенного преступления;

если в избиении потерпевшего принимали участие лица, не имевшие умысла на убийство и не причинившие смертельных ранений потерпевшему, то они независимо от того, что совершили действия, образующие объективную сторону убийства, должны нести ответственность за фактически причиненные ими последствия в соответствии с характером и направленностью их умысла.

3. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Убийство, совершенное организованной группой, с одной стороны, имеет общие признаки, характерные для всех групповых убийств, с другой — обладает особенностями, позволяющими отличить его от преступления, совершенного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Поэтому следует обратиться к анализу общего и особенного — характерного для организованной группы.

3.1. Признаки убийства, совершенного организованной группой

В п. 3 ст. 35 УК РФ определено, что преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. № 1 разъясняется следующее: “Организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ”.

На наш взгляд, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ проводится определение убийства, совершенного организо-

ванной группой, отличное по своей сути от законодательного толкования данного понятия. В законе акцентируется *устойчивость* группы, а в Постановлении Пленума этот признак даже не упоминается. По мнению Пленума Верховного суда РФ, суть организованной группы заключается в том, что она нацелена на совершение одного или нескольких убийств, тщательно готовит совершение преступления. Кроме того, и в Постановлении Пленума Верховного суда, и в п. 3 ст. 35 УК РФ не указано достаточно четких критериев, позволяющих правильно квалифицировать содеянное виновными по признаку совершения убийства организованной группой.

Представим себе, что два лица совершили убийство. Они основательно его подготовили: узнали распорядок дня жертвы, маршруты передвижения, приобрели оружие — пистолет, распределили роли (один должен производить выстрелы в жертву в подъезде дома потерпевшего, а другой — ждать в машине с заведенным двигателем), а затем, выполнив задуманное, скрылись с места происшествия. Имеются ли в этом случае основания для квалификации содеянного как убийства, совершенного организованной группой? Что требуется установить и доказать для подобной квалификации помимо того, что к преступлению имеют отношение два или более лица?

Исходя из положений Постановления Пленума Верховного суда РФ основания для привлечения виновных лиц к ответственности за убийство, совершенное организованной группой, имеются, поскольку виновные тщательно готовились к совершению преступления. В то же время закон требует установить и доказать, что преступление совершено устойчивой группой, которая заранее, т. е. до убийства, была создана для совершения одного или нескольких преступлений. Что означает признак устойчивости в этом и в других случаях? Что требуется учитывать при квалификации содеянного виновными?

Нельзя не обратить внимания и на следующее обстоятельство. В Постановлении отмечается, что для квалификации содеянного по признаку организованной группы необходимо установить, что группа была создана *с целью* совершения одного или нескольких убийств. Если буквально следовать рекомендациям Пленума Верховного суда РФ, то неизбежно возникнет проблема уголовно-правовой оценки содеянного виновными по целому ряду ситуаций. Например, возможна ли квалификация убийства по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство было совершено

организованной группой, но которая не была специально создана для совершения убийств? Убийство может быть совершено членами банды в процессе бандитского нападения. Банда в соответствии с диспозицией ст. 209 УК РФ создается с целью совершения нападений на граждан или организации, а не с целью совершения убийств. Не препятствует ли в этом случае разъяснение Пленума Верховного суда РФ квалификации содеянного по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ? Убийства в конкретных ситуациях могут быть совершены другими организованными группами, созданными с целью совершения, например, терроризма, вымогательств, незаконного оборота оружия, наркотиков и т. д. Имеются ли основания в подобных случаях квалифицировать содеянное по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное организованной группой?

Представляется, что и разъяснение Пленума Верховного суда РФ, и требование закона, сформулированное в п. 4 ст. 35 УК РФ, нуждаются в конкретизации, так как в доктрине и практике применения уголовного закона наблюдается рассогласованность трактовки организованной группы.

В складывающейся судебной практике обнаруживаются многочисленные случаи, когда суд по разным основаниям исключал из обвинения такой квалифицирующий признак убийства, как организованная группа. Причем мотивация решения во многих случаях не соотносится ни с требованиями закона, ни с руководящими разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного суда РФ.

Так, по делу Михайлова и Семенова суд, исключая квалифицирующий признак “организованная группа”, обосновал свое решение тем, что виновные заранее не договаривались объединиться в устойчивую организованную группу для совершения преступлений. Обстоятельства дела следующие.

Михайлов и Семенов, дезертировав из воинской части, с целью добывания средств на существование объединились в организованную устойчивую группу для совершения преступлений.

Реализуя свое намерение, они проникли в квартиру Иванова и похитили его имущество.

После этого Михайлов и Семенов договорились совершить нападение на Ичко с целью завладения его имуществом, в том числе ключами от квартиры, чтобы в дальнейшем проникнуть в нее для совершения хищения. Осуществляя задуманное, они несколько дней ожидали Ичко в подъезде дома, а когда дождались, жестоко избивли, причинив смертельные повреждения. Семенов,

обыскав одежду убитого, похитил деньги, паспорт, а также ключи от квартиры.

Ночью Михайлов и Семенов открыли похищенными ключами входную дверь, проникли в квартиру, где спала жена убитого Ичко, и, чтобы она не воспрепятствовала завладению имуществом, убили ее. Похитив имущество на большую сумму, паспорт убитой, Михайлов и Семенов скрылись.

Органы следствия и суд квалифицировали преступления Михайлова и Семенова как совершенные в составе организованной группы.

Военная коллегия Верховного суда РФ, рассмотрев дело в кассационном порядке, не согласилась с указанной квалификацией, поскольку сделала вывод о том, что каких-либо доказательств, подтверждающих предварительную договоренность Михайлова и Семенова объединиться в устойчивую организованную группу для совершения преступлений, в материалах дела не имеется. В связи с чем она исключила квалифицирующий признак — совершение соответствующих преступлений организованной группой⁶⁸.

Аргументация суда в данном случае не убедительна. Уголовный закон не предусматривает в качестве обязательного признака организованной группы умысла виновных на объединение в устойчивую организованную группу. Организованная группа может иметься и по так называемому факту ее существования, когда виновные занимаются совместной преступной деятельностью на протяжении какого-либо промежутка времени. Основным критерием организованной группы в соответствии с п. 3 ст. 35 УК РФ признается ее устойчивость, договоренность на совместное совершение преступления или преступлений, а не договоренность совершить преступление объединенной устойчивой группой.

В другом случае признак организованной группы был исключен на том основании, что виновные заранее не договаривались на убийство потерпевшего.

Челябинским областным судом Денисюк и Полизов были осуждены за убийство, совершенное организованной группой. Как было установлено судом, Денисюк, Полизов и другие осужденные с целью совершения кражи из квартиры Хохряковых приехали к их дому. Однако неожиданно для них в квартире оказалась Полякова. Денисюк и Полизов втолкнули Полякову в квартиру и там ее убили, похитив затем вещи и деньги. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ исключила квалифицирующий признак “организованная группа” на том основании, что присутствие Поляковой в квартире было для осужденных неожиданным, данных о том, что Полизов и Денисюк заранее договаривались о ее убийстве, не имеется⁶⁹.

⁶⁸ *Обзор* кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верховного суда РФ по уголовным делам за 1998 г. Дело № 1-017р/98 от 07.04. 98 г.

⁶⁹ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1999. № 11.

По нашему мнению, такой аргумент, как случайность жертвы преступления, для исключения признака организованной группы при убийстве вряд ли может быть признан состоятельным, поскольку он не основан на законе. Убийство может быть признано совершенным организованной группой и в том случае, когда потерпевший случайно оказался на месте происшествия, нечаянно помешав виновным в реализации задуманного. Главным является установление признаков организованной группы, в частности ее устойчивости, нацеленности на занятие преступной деятельностью на момент совершения убийства, а не обстоятельства выбора жертвы преступления. Например, группа наемных киллеров, отдыхая на природе, поссорилась со случайным потерпевшим и расправилась с ним. Имеются ли в данном случае основания для признания убийства совершенным организованной группой? На наш взгляд, имеются. Об этом свидетельствует вся предшествующая преступная деятельность виновных лиц. Случайность жертвы не меняет сути совершенного преступления. Если убийство было совершено организованной группой, то это обстоятельство и должно получить отражение при квалификации содеянного виновными.

В одном из обзоров судебной практики Верховного суда РФ приводится следующий казус.

Т., Г. и М. объединились с целью вымогательства денег у потерпевшего. Реализуя свое намерение, они принудили потерпевшего поехать с ними в поместье охраны управления механизации, где стали требовать у него деньги, угрожая в случае невыполнения их требований применить насилие.

После отказа осужденные избили потерпевшего, причинив его здоровью тяжкий вред. Кроме того Т. с целью убийства ударил потерпевшего ножом в живот. От полученных повреждений последовала смерть потерпевшего. Суд первой инстанции квалифицировал действия виновных по пп. “а”, “в” ч. 3 ст. 163 УК РФ и пп. “в”, “ж”, “з”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ из обвинения исключен п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, в остальном приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного суда РФ рассмотрел протест заместителя председателя Верховного суда РФ и исключил из приговора п. “а” ч. 3 ст. 163 УК РФ, а также указание суда на совершение убийства организованной группой.

Президиум согласился с доводами протеста о том, что осужденные, хотя и знали друг друга, были осведомлены о долгах потерпевшего и действовали по предварительному сговору, однако бесспорных оснований утверждать, что ими создана устойчивая группа для совершения преступления, не имеется⁷⁰.

⁷⁰ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1999. № 10.

Исходя из опубликованного, невозможно сделать вывод о том, как были окончательно квалифицированы действия виновных лиц в части совершенного убийства. Можно только предположить, что, поскольку признаков организованной группы нет, содеянное виновными должно квалифицироваться как убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц. Однако и для подобного вывода нет достаточных данных, так как не все обстоятельства дела ясны. Возникают следующие вопросы: 1) когда был нанесен удар ножом — в процессе избияния потерпевшего или после него? 2) не было ли эксцесса исполнителя? 3) доказан ли умысел на убийство у всех лиц, участвовавших в избиянии потерпевшего? Без ответов на эти и другие вопросы нельзя окончательно определить квалификацию действий виновных лиц в данном случае.

Многочисленные ошибки, встречающиеся в судебно-следственной практике, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что у работников правоприменительных органов нет достаточно четких критериев, позволяющих правильно разграничивать убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, и убийство, совершенное организованной группой.

В доктрине уголовного права данная проблема также еще далека от разрешения. В теории уголовного права существуют самые разнообразные подходы к трактовке понятия “преступление, совершенное организованной группой”, по-разному интерпретируются правила квалификации действий участников организованной группы.

Так, Л. А. Андреева сослалась на определение организованной группы, данное в УК, а затем следующим образом раскрыла признаки организованной группы: “Организованная группа представляет собой разновидность «сложного» соучастия, характеризующегося устойчивостью, единством целей, направленностью в большинстве случаев на совершение ряда преступлений. В такой группе, как правило, имеется руководитель (организатор), координирующий действия группы, подбирающий соучастников, распределяющий роли, планирующий совершение преступлений, обеспечивающий меры по сокрытию преступлений. В организованной группе существует определенная групповая дисциплина, стабильность состава. Организованная

группа может возникнуть и для совершения одного преступления, которое требует особенно тщательной подготовки»⁷¹.

Л. А. Андреева правильно передала суть организованной группы. Однако, к сожалению, данное определение не выходит за рамки законодательного, а признаки, с помощью которых оно раскрывается, являются скорее криминологическими, чем уголовно-правовыми.

Некоторые ученые в своих исследованиях ограничились только законодательным определением организованной группы, не высказав при этом своего отношения к нему⁷².

С. В. Бородин обратил внимание на то, что убийство, совершенное организованной группой, по своей юридической оценке существенно отличается от убийства, совершенного группой лиц. Он считает, что действия всех участников преступления, совершенного организованной группой, независимо от выполняемой ими роли должны квалифицироваться как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК. Исходя из ч. 3 ст. 35 УК РФ, он выделил следующие признаки организованной группы: 1) это устойчивая группа лиц; 2) которые заранее объединяются; 3) для совершения одного или нескольких преступлений⁷³.

Представляется, что указанные автором критерии не продвигают нас в познании сути изучаемого явления, поскольку они фактически повторяют законодательное определение понятия «организованная группа».

Т. В. Кондрашова полагает, что для организованной группы характерны такие признаки, как организованность и устойчивость. По ее мнению, о наличии устойчивости может свидетельствовать длительность существования группы, постоянство ее состава и преступных методов деятельности, готовность совершать неопределенное количество преступлений или одно преступление, но требующее длительной подготовки. Признак организованности, пишет Т. В. Кондрашова, характеризуется наличием руководителя(ей), координирующего деятельность группы, планированием предстоящих преступлений, распределением ролей и доходов внутри группы по иерархическому признаку, наличием групповой дисциплины и т. п.⁷⁴

⁷¹ Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 24.

⁷² Кругликов Л. Л. Преступления против личности. Ярославль, 1998. С. 25.

⁷³ Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 131.

⁷⁴ Кондрашова Т. В. Указ. соч.

На наш взгляд, определение организованной группы через такие признаки, как организованность и устойчивость, страдает тавтологичностью. Во-первых, организованная группа по определению является “организованной”, во-вторых, признак “устойчивость” дается в тексте закона. Хотя следует признать, что подход автора к раскрытию содержания признака “устойчивость” заслуживает поддержки.

Р. Р. Галиакбаров выделяет три показателя организованной группы: 1) для организованной группы характерны особенности выполнения преступления каждым отдельным участником; 2) непременным признаком организованной группы по действующему законодательству выступает предварительный сговор на осуществление ее деятельности, предполагающий техническое распределение функций и ролей в процессе осуществления одного или нескольких преступлений; 3) организованная группа характеризуется особенностями психического отношения соучастников к содеянному. Каждый участник организованной группы должен сознавать, что он входит в устойчивую группу, участвует в выполнении части или всех взаимно согласованных действий и осуществляет совместно с другими соучастниками единое преступление при распределении ролей по заранее обусловленному плану⁷⁵.

Показатели организованной группы, названные Р. Р. Галиакбаровым, по нашему мнению, являются излишне обобщенными, они сами требуют конкретизации и толкования. Автор фактически использует их лишь как отправную точку для своих дальнейших рассуждений. Поэтому вряд ли они могут быть восприняты практикой в качестве признаков, указывающих на совершение преступления организованной группой.

По мнению А. П. Козлова, при уголовно-правовой характеристике организованной группы нужно исключить из ее структуры устойчивость как таковую, направленность на совершение нескольких преступлений и признать, что организованная группа стремится к совершению одного, требующего серьезной подготовки и соответствующей высокой степени организованности преступления. Он подчеркивает, что именно в этом направлении следует искать признаки организованной группы, ибо в против-

⁷⁵ Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 72—83.

ном случае будет происходить постоянное смешение ее со смежными формами соучастия⁷⁶.

В силу данного подхода автор выделяет следующие признаки организованной группы: 1) нестихийное, запланированное создание преступной группы; 2) строго ограниченный круг лиц в преступной группе в пределах, необходимых для совершения преступления; 3) жесткое планирование совершения преступления, включающее в себя четкое установление места и времени совершения преступления, четкое определение объекта и предмета посягательства, точное установление путей отхода, мест сокрытия и т. д.; 4) предварительное жесткое распределение функций соучастников до, во время и после совершения преступления, каждый из соучастников по своей инициативе не имеет права выходить за пределы установленных соглашением функций; 5) жесткая дисциплина; 6) отсутствие единства места и времени действия соучастников; 7) умысел и сговор соучастников направлен на совершение единичного преступления⁷⁷.

Такое понимание организованной группы вызывает возражения, ибо оно изначально противоречит закону. Невозможно давать какие-либо рекомендации по применению закона, если основываться на отрицании его требований. В качестве основного признака организованной группы в п. 3 ст. 35 УК РФ называется ее устойчивость, а автор отбрасывает данный признак в самом начале своих рассуждений как заведомо непригодный. Кроме того, в плане доктринального подхода вряд ли можно согласиться с А. П. Козловым по существу решения проблемы. Исходя из чего автор пришел к выводу, что организованная группа создается с целью совершения только одного преступления? Представляется, данное утверждение не имеет под собой серьезных правовых оснований. Поэтому критерии, которыми автор наделяет организованную группу, не могут быть признаны состоятельными.

Н. П. Водько в противоположность А. П. Козлову в ходе анализа соотношения понятий “совершение преступления по предварительному сговору группой лиц” и “совершение преступления организованной группой” пришел к выводу, что единственным отличием данных понятий является признак “устойчивости”, присущий только организованной группе. По его

⁷⁶ Козлов А. П. Соучастие. СПб., 2001. С. 278.

⁷⁷ Там же. С. 280—281.

мнению, устойчивость как конструктивный признак организованной группы означает длительность и стойкость преступной связи между участниками, достигаемой, как правило, в ходе неоднократного совершения преступлений⁷⁸. Трактовка понятия устойчивости в данном случае не вызывает возражений, однако она не раскрывает сути организованной группы. Поэтому и эту попытку определения признаков организованной группы нельзя признать успешной.

Проведенный анализ изложенных и иных точек зрения, имеющих в науке уголовного права, позволяет сделать вывод, что единого подхода в решении проблемы определения признаков организованной группы в настоящее время нет.

По нашему мнению, суть организованной группы заключается в том, что она создается с целью занятия преступной деятельностью, т. е. с целью совершения ряда преступлений. Иначе каким образом группа может приобрести признак устойчивости, т. е. стабильности, ее состава на протяжении определенного промежутка времени? Признак устойчивости, характерный для организованной группы, в определенном смысле вторичен. Главный же признак организованной группы — это цель ее создания. Категория цели является конструктивным признаком организованной группы и прямо вытекает из содержания закона. В п. 4 ст. 35 УК РФ предусматривается, что организованная группа — это устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Слово сочетание “заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений” и означает не что иное, как специальную цель — совершение преступлений, т. е. совместное занятие преступной деятельностью. Отсюда становится понятным, как следует ограничивать преступление, совершенное организованной группой, от преступления, совершенного группой лиц, а также от преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору.

Если преступная группа создавалась для занятия преступной деятельностью, т. е. с целью совершения ряда преступлений или одного, но требующего длительной и тщательной подготовки, то имеются основания для квалификации содеянного преступления как совершенного организованной группой. Если же пре-

⁷⁸ Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. С. 19—21.

ступление было совершено группой, которая ранее не совершала совместных преступлений и в будущем не предполагала заниматься совместной преступной деятельностью, то содеянное в зависимости от наличия или отсутствия между участниками группы сговора на совершение преступления должно квалифицироваться соответственно как совершенное группой лиц по предварительному сговору или как совершенное группой лиц.

При квалификации убийства, совершенного организованной группой, необходимо конкретизировать ту преступную цель, ради которой группа была образована. Конечно, в контексте закона — это также цель совместного совершения преступлений. Однако вопрос заключается в характере этих преступлений: применительно к убийствам речь должна идти о создании организованной группы с целью совершения убийств, как это разъяснено в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», или же организованная группа может быть создана для совершения любых преступлений? Например, можно ли признать, что убийство совершено организованной группой, которая занималась угонами автомобилей, если в процессе совершения угона был убит один из автовладельцев?

Представляется, что в указанном Постановлении Пленума Верховного суда РФ дано излишне ограничительное толкование цели организованной группы. В то же время нельзя соглашаться и с тем, что организованная группа может быть создана с целью совершения любых преступлений. На наш взгляд, можно предложить следующее решение данной проблемы.

Убийство должно признаваться совершенным организованной группой в тех случаях, когда данная группа образовывалась с целью совершения тяжких преступлений, конструктивным элементом которых является применение насилия над личностью, таких как: убийство, изнасилование, вымогательство, разбой, похищение человека, захват заложника, терроризм и т. д.

О наличии специальной цели — совместного занятия преступной деятельностью, в определенных случаях может свидетельствовать факт совершения участниками группы ряда совместных преступлений. Иначе говоря, если лица, совершившие убийство, до этого совершали в этой же группе и другие тяжкие преступления, связанные с насилием над личностью, то имеют

ся все основания для вывода, что убийство было совершено организованной группой. О наличии цели — совместного занятия преступной деятельностью, может свидетельствовать и то, что преступная деятельность виновных служит основным источником их существования.

Обсуждения требует и вопрос о квалификации действий участников организованной группы.

3.2. Квалификация убийства, совершенного организованной группой

Не все ученые однозначно толкуют правила квалификации действий участников убийства, совершенного организованной группой.

По мнению Л. А. Андреевой, при убийстве, совершенном организованной группой, для квалификации не имеет значения та конкретная юридическая роль, которую играл участник убийства: все участники, независимо от роли — исполнитель или пособник, рассматриваются как соисполнители и согласно ч. 2 ст. 34 УК несут ответственность без ссылки на ст. 33 УК⁷⁹.

Л. Л. Кругликов сделал вывод, что убийство следует считать совершенным группой лиц (“простой”, по предварительному сговору, организованной), если в этом преступлении принимали участие два или более лица. “Принимали участие”, по его мнению, означает, что лица, сознавая характер совершаемого преступления, непосредственно участвовали в процессе лишения потерпевшего жизни. При этом ученый не делает никаких исключений для организованной группы лиц, т. е., по мнению

⁷⁹ Андреева Л. А. Указ. соч. С. 24.

Л. Л. Кругликова, для всех разновидностей групп характерна такая форма совместной деятельности, как соисполнительство⁸⁰.

Как мы видим, Л. Л. Кругликов уравнил все виды групп, названные в законе, с точки зрения правил их квалификации.

Т. В. Кондрашова возражает против рекомендации, содержащейся в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” о квалификации действий всех участников организованной группы как соисполнительства, поскольку находит данное положение противоречащим закону. По ее мнению, действия участников организованной группы, непосредственно не выполнявших объективной стороны совершенного убийства, должны квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, но обязательно со ссылкой на соответствующий пункт ст. 33 УК РФ⁸¹. При этом она рассуждает следующим образом: “В части 5 ст. 33 УК РФ сказано, что участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них (здесь они действительно являются соисполнителями) в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части (например, ст.ст. 208—210 УК РФ), а также за преступления, *в подготовке или совершении* которых они участвовали. То есть законодатель четко различает подготовку и совершение преступления. Лица, участвующие в совершении конкретного преступления (в том числе и убийства), признаются соисполнителями, и их действия квалифицируются без ссылки на ст. 33 УК РФ (ч. 2 ст. 34 УК РФ). Деяния лиц, способствовавших совершению преступления, должны в соответствии с ч. 3 ст. 34 УК РФ квалифицироваться со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Поэтому деятельность участника организованной группы, преступного сообщества, преступной организации, непосредственно не принимавшего участия в лишении жизни потерпевшего, должна квалифицироваться по ст. 33 и п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей статье, предусматривающей ответственность за участие в банде, незаконном вооруженном формировании либо преступном сообществе. При этом организатор должен понести ответственность за все убийства, совершенные такой группой, которые охватывались его сознанием, а рядовые члены организованной группы и преступного сообще-

⁸⁰ Кругликов Л. Л. Указ. соч. С. 25.

⁸¹ Кондрашова Т. В. Указ. соч. С. 97.

ства (которое, по существу, является более опасной разновидностью организованной группы) — лишь за убийство, в подготовке и совершении которых они принимали участие”⁸².

А. П. Козлов приходит к следующему выводу: “Хотя полностью исключить соисполнительство в организованной группе, думается, нельзя, однако преимущественно соисполнительство здесь соседствует с распределением ролей, т. е. имеется смешанный вид соучастия”⁸³. Из этого следует вывод, что автор стоит на позиции, в соответствии с которой по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо квалифицировать действия всех участников организованной группы независимо от характера выполняемой ими роли при совершении преступления, а не только действия соисполнителей преступления.

Таким образом, в доктрине уголовного права можно выделить следующие подходы к квалификации действий участников организованной группы:

1) все участники организованной группы, независимо от их роли при совершении преступления, должны признаваться соисполнителями убийства (Л. А. Андреева, С. В. Бородин);

2) участниками организованной группы могут признаваться только соисполнители убийства (Л. Л. Кругликов);

3) участниками организованной группы могут признаваться и соисполнители убийства, и иные лица, однако действия последних должны квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ (Т. В. Кондрашова).

На наш взгляд, именно первый подход наиболее адекватно отражает общественную опасность участников организованной группы.

Вряд ли можно разделить точку зрения, что только соисполнители образуют организованную группу. Для подобного ограничительного подхода нет законных оснований.

Мы не можем согласиться с предложением Т. В. Кондрашовой по следующим причинам. Во-первых, она не учитывает высокую общественную опасность преступления, совершенного организованной группой. Кроме того, при совершении преступления организованной группой юридическое распределение ролей на исполнителей и других лиц теряет свое правовое зна-

⁸² Там же. С. 97—98.

⁸³ Козлов А. П. Указ. соч. С. 280.

чение, поскольку организованная группа действует как одно целое, где роль каждого участника подчинена единой для всех преступной цели. Распределение ролей при совершении преступления организованной группой имеет чисто “техническое” значение. Юридически оно ничтожно, поскольку опасность проистекает от действия всей группы как нового качественного образования, а не отдельных ее членов, поэтому все они должны признаваться соисполнителями убийства. Во-вторых, законодательство не препятствует квалификации действий всех участников организованной группы как соисполнителей, независимо от характера выполняемой ими роли при совершении преступления, без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Более того, ст. 35 УК РФ обязывает привлекать участников организованной группы и преступного сообщества к уголовной ответственности за те преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Систематическое толкование понятия “участие в совершении преступления” позволяет утверждать, что оно по содержанию шире понятия “непосредственное совершение преступления”. Последнее относится только к действиям исполнителей, а первое — ко всем лицам, тем или иным образом имеющим отношение к совершению преступления. Поэтому следует сделать вывод, что все участники организованной группы должны привлекаться к уголовной ответственности за то преступление, в совершении которого они участвовали, как соисполнители данного преступления, поскольку в п. 5 ст. 35 УК РФ речь идет об участниках организованной группы. Действия же соисполнителей в соответствии с п. 2 ст. 34 УК РФ квалифицируются по соответствующей статье УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

На наш взгляд, можно утверждать, что действия всех членов организованной группы, участвовавших в совершении преступления в той или иной роли, должны квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенные в составе организованной группы, независимо от характера выполняемых ими действий. Ссылка на ст. 33 УК РФ при этом не требуется.

В отличие от квалификации действий участников организованной группы для квалификации содеянного по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку “совершение преступления группой лиц” или “совершение преступления группой лиц по предвари-

тельному сговору” наличие двух или более соисполнителей обязательно.

Убийство может быть непосредственно совершено и одним человеком, который действовал по заданию организованной группы. В этом случае содеянное им также должно быть квалифицировано как совершенное организованной группой, если исполнитель преступления является членом организованной группы, в преступных интересах которой он действовал.

4. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ БАНДОЙ КАК ОСОБЫМ ВИДОМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ

Убийство может быть совершено бандой. По данным П. Агапова, около 30 % случаев бандитизма сопряжено с убийствами, в том числе неоднократными, а также двух или более лиц. Известны и случаи совершения членами банд “заказных” убийств⁸⁴.

Поскольку в ст. 105 УК РФ имеются два квалифицирующих признака, одинаково касающихся ст. 209 УК РФ, — “организованная группа” и “сопряженное с бандитизмом”, то возникает вопрос: как квалифицировать убийство, если оно было, например, совершено в процессе бандитского нападения? С одной стороны, любая банда — это всегда организованная группа, следовательно, содеянное в этом случае должно квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ. С другой стороны, если убийство было совершено в процессе бандитского нападения, то оно должно квалифицироваться по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как сопряженное с бандитизмом. Подлежит ли содеянное в таких ситуациях всегда одновременной квалификации и по п. “ж” и по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ или при определенных условиях убийство, совершенное бандой, может быть квалифицировано только по одному из вышеназванных пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ? Каким образом соотносятся между собой понятия “организованная группа” и “банда”?

С целью ответа на эти и другие вопросы, возникающие при квалификации убийства, совершенного бандой, необходимо обратиться к понятию бандитизма, данного в ст. 209 УК РФ.

⁸⁴ Агапов П. Криминологическая характеристика бандитизма (по материалам Самарского областного суда) // Уголовное право. 2001. № 1. С. 63.

4.1. Признаки бандитизма

Статья 209 УК РФ, предусматривающая ответственность за бандитизм, имеет следующую редакцию:

“1. Создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой) —

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

2. Участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой”.

В п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” от 17 января 1997 г. указывается: “Под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения”⁸⁵.

Нельзя не обратить внимания на то, что в законе говорится об устойчивой вооруженной группе, созданной с целью совершения нападения на граждан или организации, а в Постановлении — об организованной устойчивой группе, заранее объединившейся для совершения нападений. Отличие заключается в том, что в Постановлении называется новый признак — организованность, а также термин “в целях нападения” заменяется словосочетанием “заранее объединившихся для совершения нападений”. Однако далее в Постановлении Пленума Верховного суда РФ признак организованности не раскрывается. Поэтому, учитывая диспозицию закона, можно сделать вывод, что признак “организованность” не относится к обязательным при-

⁸⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 3.

знакам банды. Сопоставление же понятий “в целях нападения” и “заранее объединившихся для совершения нападений” позволяет заключить, что данные понятия полностью идентичны, т. е. взаимозаменяемы.

Банду можно определить сообразно ее законодательным признакам следующим образом:

Банда — это 1) устойчивая; 2) вооруженная; 3) группа из двух или более лиц; 4) созданная в целях совершения нападения на граждан или организации.

Остановимся кратко на характеристике признаков бандитизма.

1. Устойчивость

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” об устойчивости банды могут свидетельствовать:

- стабильность ее состава;
- тесная взаимосвязь между ее членами;
- согласованность их действий;
- постоянство форм и методов преступной деятельности;
- длительность ее существования;
- количество совершенных преступлений.

На наш взгляд, признак устойчивости в интерпретации Постановления Пленума Верховного суда РФ приобретает несколько иной оттенок по сравнению с изложением в законе. Если исходить из рекомендаций Пленума Верховного суда РФ, то в каждом конкретном случае следует доказывать признак устойчивости, без которого вменение состава бандитизма невозможно, т. е. по сути — доказывать длительность существования банды. Ибо все называемые в Постановлении признаки устойчивости банды появляются, если банда существовала на протяжении определенного периода и совершила ряд преступлений. Между тем с точки зрения закона признак устойчивости имеет другое, если можно так выразиться, подчиненное значение. Банда создается со строго определенной целью — совершения нападений на граждан или организации. В соответствии с требованиями закона, как и разъяснениями указанного Постановления, создание вооруженной банды признается окончательным составом преступления с момента совершения действий, резуль-

татом которых стало образование вооруженной группы лиц с целью совершения нападений на граждан или организации. Причем независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления. Более того, в п. 7. Постановления отмечается: “В тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание устойчивой вооруженной группы, в силу их своевременного пресечения правоохрнительными органами либо по другим не зависящим от этого лица обстоятельствам не привели к возникновению банды, они должны быть квалифицированы как покушение на создание банды”.

Понятно, что если группа только создалась, то она не может иметь еще постоянства форм и методов преступной деятельности, длительности существования, количества совершенных преступлений и т. д., т. е. она не имеет признака устойчивости, однако это не является препятствием для привлечения виновных к уголовной ответственности за бандитизм. Признак “устойчивость группы”, другими словами, означает не постоянство форм и методов преступной деятельности группы, длительность ее существования и количество совершенных преступлений, а нацеленность на совместное совершение преступлений в течение определенного времени.

Смена акцентов в определении признаков бандитизма позволяет сосредоточить деятельность правоохрнительных органов и суда на установлении признаков, которые являются необходимыми и достаточными для доказывания действий, образующих состав бандитизма. Это повышает роль правоохрнительных органов в деле предупреждения бандитизма, дает возможность на законном основании привлекать виновных лиц к уголовной ответственности, не дожидаясь, когда банда совершит ряд тяжких преступлений. С другой стороны, если установлено и доказано, что преступления совершались вооруженной группой лиц, созданной с целью совершения нападений на граждан или организации, то имеются все законные основания для привлечения виновных лиц к ответственности и по ст. 209 УК РФ, наряду с ответственностью за иные преступления. Можно однозначно утверждать, что признак устойчивости банды во всех случаях не может иметь того главенствующего значения, которое ему пытаются придать в настоящее время многие исследователи, а также работники суда и прокуратуры. Данный вывод вытекает из диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ.

2. Вооруженность

Признак вооруженности раскрывается в п. 5 постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм”:

“Обязательным признаком банды, предусмотренным ст. 209 УК РФ, является ее вооруженность, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия.

Использование участниками нападения не пригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности.

При решении вопроса о признании оружием предметов, используемых членами банды при нападении, следует руководствоваться положениями Закона Российской Федерации «Об оружии», а в необходимых случаях и заключением экспертов.

Банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды”.

Данные положения Постановления нуждаются в пояснении. В частности, положение о том, какое оружие образует признак вооруженности в смысле ст. 209 УК РФ. С одной стороны, действие Федерального закона “Об оружии”⁸⁶ не распространяется на многие виды боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. С другой стороны, в соответствии с Федеральным законом “Об оружии” оружие должно обладать необходимыми качественно-техническими характеристиками для признания его таковым. Некоторые виды оружия могут быть сертифицированы в качестве предметов хозяйственно-бытового или иного назначения, в силу чего их использование исключает признак вооруженности.

⁸⁶ *Об оружии*: Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (с изм. и доп. от 21, 31 июля, 17 декабря 1998 г., 19 ноября 1999 г., 10 апреля 2000 г., 26 июля, 8 августа 2001 г., 27 ноября 2001 г., 25 июня, 25 июля 2002 г.).

Поэтому при решении вопроса о наличии признака вооруженности у участников банды нельзя ограничиваться только Федеральным законом “Об оружии”, а следует обращаться и к иным нормативным актам и документам, в которых разрешаются касающиеся оружия вопросы. Ряд таких вопросов получил разрешение в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств” от 12 марта 2002 г. № 5⁸⁷.

Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона “Об оружии” под оружием следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, *подачи сигналов* (выделено нами. — А. П.). В п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 разъясняется, что под оружием в смысле закона “Об оружии” следует понимать устройства и предметы как отечественного, так и иностранного производства, конструктивно предназначенные только для поражения живой или иной цели. Иначе говоря, оружие, предназначенное только для подачи сигналов, не образует признака вооруженности банды.

Непосредственно к оружию Федеральный закон “Об оружии” относит:

1) огнестрельное оружие (предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда);

2) основные части огнестрельного оружия (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка);

3) холодное оружие (предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения);

4) метательное оружие (предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека или механического устройства);

5) пневматическое оружие (предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное дви-

⁸⁷ Бюллетень Верховного суда РФ. 2002. № 5.

жение за счет энергии сжатого, сжиженного или отвержденного газа);

6) газовое оружие (предназначенное для временного поражения цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ);

7) боеприпасы (предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический и вышибной заряды либо их сочетание);

8) патроны (устройства, предназначенные для выстрела из оружия, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое оружие);

9) сигнальное оружие (конструктивно предназначенное только для подачи световых, дымовых или звуковых сигналов).

К оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием.

В названном выше Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 дается толкование указанных понятий. В частности, в нем приводятся следующие разъяснения:

“1) огнестрельное оружие — это все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним относятся винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра;

2) основные части огнестрельного оружия — ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка, *ударно-спусковой и запирающий механизмы* (выделено нами. — А. П.);

3) боеприпасы — предметы вооружения и метаемое снаряжение как отечественного, так и иностранного производства, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание. К категории боеприпасов относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и

т. п., независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

Сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные и иные патроны, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т. п.) и не предназначенные для поражения цели, не относятся к боеприпасам, взрывчатым веществам и взрывным устройствам;

4) взрывчатые вещества — химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода, воздуха. К ним относятся тротил, аммониты, пластины, эластиты, порох, твердое ракетное топливо и т. п.;

5) взрывные устройства — промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т. п.).

Имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к взрывчатым веществам и взрывным устройствам;

6) холодное оружие — изготовленные промышленным или самодельным способом:

предметы, предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, которые включают в себя холодное клинковое оружие (кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи, являющиеся оружием; штыки-ножи; сабли; шашки; мечи и т. п.), иное оружие режущего, колющего, рубящего или смешанного действия (штыки, копья, боевые топоры и т. п.), а также оружие ударно-дробящего действия (кастеты, нунчаки, кистени и т. п.);

предметы, предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека (метательные ножи и топоры, дротики и т. п.) либо механического устройства (луки, арбалеты и т. п.);

7) газовое оружие — основным признаком газового оружия является его предназначение для временного поражения цели, в качестве которой может выступать человек или животное, путем

применения токсических веществ, оказывающих слезоточивое, раздражающее либо иное воздействие”.

Необходимо иметь в виду, что не образует признака вооруженности использование при совершении преступлений предметов хозяйственно-бытового назначения, несмотря на их большие поражающие свойства. Например, даже если виновные при совершении преступлений использовали такие предметы, как топоры, вилы, ломы, кухонные ножи большого размера, косы и другие аналогичные предметы, то состава бандитизма в их действиях не будет. Данные предметы не относятся к оружию, следовательно, не образуют признака вооруженности при бандитизме.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что во многих случаях квалификация действий виновных лиц по ст. 209 УК РФ при отсутствии мотивированного заключения экспертов о признании оружием предметов, изъятых у членов группы, представляется проблематичной.

Так, по одному из дел ни органы следствия, ни суд не установили, какое оружие было на вооружении банды, соответствует ли оно требованиям, изложенным в Федеральном законе “Об оружии”. Президиум Верховного суда РФ сделал вывод суда об организации виновными банды при отсутствии доказательств использования ими пригодного для применения оружия не доказанным и отменил приговор в отношении осужденных по ст. 209 УК РФ, а дело производством в этой части прекратил за недоказанностью⁸⁸.

Поэтому вряд ли можно согласиться с Т. Шутековой, что в случаях, когда оружие, боеприпасы, взрывные устройства не были обнаружены, вооруженность банды может устанавливаться по материальным следам их применения во время нападения⁸⁹.

Во всяком случае не всегда таким образом можно добыть необходимые доказательства.

Понятие “применение оружия” при бандитизме имеет две особенности.

1. Не требуется, чтобы была вооружена банда в полном составе. Для привлечения к уголовной ответственности за банди-

⁸⁸ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1999. № 10.

⁸⁹ *Шутекова Т.* Особенности доказывания банды // *Законность*. 1999. № 9. С. 16.

тизм всех членов организованной группы достаточно установить, что оружие имелось хотя бы у одного из ее членов, при этом другие члены банды обязательно должны быть осведомлены о наличии оружия (п. 5 постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм”).

На практике встречались ситуации, когда оружие имелось у всех членов организованной группы, а состав бандитизма судом исключался из обвинения на том основании, что не была доказана осведомленность о его наличии других членов группы. Каждый из членов банды якобы имел оружие для самообороны, другим о нем сообщал.

Представляется, что если о наличии оружия знали не все члены преступной группы, то в этом случае состав бандитизма необходимо вменять в виду тем лицам, которые были осведомлены о его наличии и фактах использования при нападениях.

Вызывает недоумение позиция судов, которые исключают из обвинения состав бандитизма, мотивируя свое решение тем, что вооруженность банды для состава бандитизма была недостаточной. Иллюстрацией может служить дело Мельничуков, рассмотренное Московским городским судом. Обстоятельства дела следующие.

Братья Мельничуки О. и И. были признаны виновными, наряду с иными преступлениями, в разбойном нападении, совершенном организованной группой, с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия.

Хотя суд первой инстанции считал установленным применение осужденными при нападениях револьвера, пистолета и ножа, сославшись на то, что для признания группы бандой их вооруженность была недостаточной, принял решение об исключении из предъявленного им обвинения состава преступления — бандитизма за отсутствием в их действиях такового.

Государственный обвинитель в кассационном протесте поставил вопрос об отмене приговора в отношении братьев Мельничуков и направлении дела на новое судебное рассмотрение в связи с необоснованным исключением из предъявленного им обвинения состава преступления — бандитизма.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ протест удовлетворила, признав решение Московского городского суда необоснованным, поскольку суд не указал, на основании каких данных он пришел к такому выводу, а также почему перечисленные в обвинительном заключении револьвер, пистолет и нож, которые осужденные применяли при нападениях, по количеству недостаточны для признания организованной Мельничуками группы вооруженной.

При новом рассмотрении дела Московский городской суд осудил Мельничука О. и Мельничука И. по ч. 1 ст. 209 и по п. “а” ч. 3 ст. 162 УК РФ за бандитизм и разбой, совершенный организованной группой.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ этот приговор оставила без изменения⁹⁰.

Ответственность за бандитизм может наступать и в тех случаях, когда банда была вооружена только одним—двумя ножами, поскольку с точки зрения закона количество имеющегося у банды оружия и его вид не влияют на признание содеянного бандитизмом.

Так, за бандитизм были осуждены Тихонов, Денисов и Бочаров, которые были вооружены двумя ножами, признанными холодным оружием. Обстоятельства совершения ими преступлений следующие.

Тихонов создал банду, целью которой было быстрое и легкое получение материальных благ. С этой целью он выбрал наиболее близких ему людей, которых он знал с детства и в которых он был уверен — Денисова и Бочарова. Всех их объединяло одно — материальные затруднения. Тихонов предложил совершать нападения на центры магии. Объекты для нападения были выбраны не случайно. Практически все центры магии были расположены в отдельных квартирах жилых домов и не охранялись. Для того, чтобы пройти внутрь, нужно было записаться на прием. Все нападения совершались по одному сценарию. Предварительно виновные записывались накануне на прием в центр магии, а затем следовали по выбранному адресу. Причем все трое были заранее осведомлены, что Тихонов в момент нападения будет применять охотничий нож — холодное оружие, Денисов — другой нож, а Бочаров — наблюдать за окружающей обстановкой с целью предупреждения возможной опасности. Затем двое под обманном предлогом проникали в офис, применяя ножи, подавляли волю потерпевших к сопротивлению, после чего заходил третий. Потом они забирали деньги, а также имущество потерпевших. Для обеспечения полного устрашения и своей безопасности перед уходом преступники переписывали из паспортов потерпевших их адреса, после чего высказывали угрозы в целях предупреждения возможных обращений потерпевших в милицию. Похищенное делили между собой.

Суд пришел к выводу, что Тихонов, Денисов и Бочаров действовали в составе устойчивой вооруженной группы — банды, специально созданной для нападения на центры магии и ее сотрудников с целью завладения их имуществом. Все они, наряду с другими преступлениями, были признаны виновными в бандитизме.

Денисов был признан виновным в создании банды и руководстве ею, а Денисов и Бочаров — в участии в банде⁹¹.

2. Нападение вооруженной банды считается состоявшимся и в тех случаях, когда имевшееся у членов банды оружие не применялось (п. 6 Постановления Пленума Верховного суда РФ “О

⁹⁰ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 2001. № 4.

⁹¹ *Архив* Московского городского суда. Дело № 2-77/99.

практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм”).

Это означает, что для привлечения виновных к уголовной ответственности за бандитизм не требуется, чтобы члены банды применяли оружие в процессе совершения преступлений. Достаточно установить, что оружие в банде имелось и оно могло быть использовано ими в случае необходимости.

В связи с тем, что признак вооруженности является обязательным признаком состава бандитизма, возникает вопрос о соотношении преступлений, предусмотренных ст. 209 и ст. 222 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный оборот оружия. Не может быть состава бандитизма, если у членов банды не было оружия, а если у них было оружие, то они должны его приобретать, хранить, перевозить, носить и т. д., т. е. выполнять действия, подпадающие под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ. Означает ли это, что при квалификации содеянного по ст. 209 УК РФ по совокупности всегда необходимо вменять в вину и совершение преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ? Или в подобных случаях содеянное должно квалифицироваться только по ст. 209 УК РФ, поскольку действия, подпадающие под признаки ст. 222 УК РФ, ею охватываются? Кроме того, каким образом соотносится состав бандитизма с составами иных преступлений, например, такими как незаконное изготовление или хищение оружия?

Данная проблема не получила окончательного разрешения.

Заместитель председателя Верховного суда РФ А. Меркушев в статье, посвященной принятию постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” сделал следующий вывод: “Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение, а равно хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, если они совершены членами банды в целях обеспечения ее вооруженности, охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 209 УК и не требуют дополнительной квалификации⁹²”.

⁹² Меркушев А. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 3. С. 27.

В то же время среди практических работников весьма распространена точка зрения, что все действия, связанные с незаконным оборотом оружия, требуют дополнительной квалификации.

Обе позиции представляют собой крайности. На наш взгляд, за пределами состава бандитизма находятся действия, связанные с приобретением, передачей, сбытом, хищением и вымогательством оружия, а охватываются составом бандитизма только те действия, без совершения которых признака вооруженности банды в принципе быть не может. Это такие действия, как хранение, перевозка и ношение оружия. Данные действия образуют признак вооруженности состава бандитизма, поскольку признак наличия оружия у членов банды неразрывно связан с его хранением, ношением и перевозкой при совершении нападений. Действия же по приобретению оружия (в широком смысле слова) и его отчуждению не отражают признак вооруженности, т. е. наличие оружия у членов банды в момент совершения нападения. Они требуют дополнительной квалификации, потому что непосредственно не связаны с использованием оружия при совершении нападений.

3. Группа из двух или более лиц

Относительно группы лиц в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О применении судами законодательства об ответственности за бандитизм” разъясняется, что, во-первых, это должна быть группа, состоящая из двух или более лиц, а во-вторых, что субъектом данного преступления может быть только лицо, достигшее 16-летнего возраста. Кроме того, в Постановлении указывается, что лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие различные преступления в составе банды, подлежат ответственности лишь за те конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-летнего возраста в соответствии со ст. 20 УК РФ.

Вооруженная группа, созданная с целью совершения нападений, может состоять из лиц, среди которых только один достиг возраста субъекта преступления, а возраст других — от 14 до 16 лет. Имеются ли в подобных случаях основания для квалификации действий лица, возраст которого превышает 16 лет, по ст.

209 УК РФ? Можно ли признать, что в данном случае имеется банда?

В. Быков сделал вывод, что нельзя рассматривать как банду преступную группу, состоящую из одного взрослого и подростка в возрасте от 14 до 16 лет, сославшись на постановление Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм”⁹³.

В указанном Постановлении данный вопрос не разрешается, в нем говорится лишь, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, может быть только лицо, достигшее возраста 16 лет (это следует из ст. 20 УК РФ). По нашему мнению, если банда состоит из лица, достигшего 16-го возраста, а также лиц, достигших возраста 14 лет, то в подобных случаях имеются основания для квалификации содеянного по ст. 209 УК РФ, поскольку и юридически, и фактически налицо все признаки банды. Уголовной ответственности подлежат все лица, входившие в состав банды, только одни из них подлежат ответственности за конкретные преступления, совершенные бандой, а достигший возраста 16 лет — помимо конкретных преступлений и за бандитизм.

4. Цель создания банды — совершение нападений на граждан или организации

В п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” обращено внимание на то, что банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки, нападения.

Это указание вызвало возражения у некоторых исследователей. Например, В. М. Быков пишет: “На мой взгляд, такое разъяснение не вытекает из ст. 209 УК. Кроме того, высказанная позиция находится в явном противоречии с п. 4 Постановления, где говорится, что об устойчивости банды может свидетельствовать «длительность ее существования и количество совершенных преступлений». Вряд ли следует считать устойчивой банду, созданную для совершения одного преступления. Это может быть группа лиц, совершившая преступление по предва-

⁹³ Быков В. Банда — особый вид организованной вооруженной группы // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 49.

рительномуговору, предусмотренное п. 2 ст. 35 УК, но признавать бандой группу, совершившую только одно преступление и затем прекратившую свою преступную деятельность, оснований не имеется⁹⁴.

Другие ученые, наоборот, попытались развить данное указание Пленума Верховного суда РФ. Например, Ф. Бражник и А. Толкаченко отметили, что банда может ставить своей задачей и совершение единичного нападения на особо важный, надежно охраняемый объект различной организационно-правовой формы и любой формы собственности (крупный банк, склад с оружием и т. д.), требующего тщательной подготовки, значительной по численности и хорошо вооруженной группы⁹⁵.

Заместитель председателя Верховного суда РФ А. Меркушев приведенное положение Постановления Пленума проиллюстрировал решением по конкретному уголовному делу:

“Трунев находился в командировке в Чечне в составе отряда милиции особого назначения. Там воспользовался отсутствием должного контроля за расходом и хранением боеприпасов и вывез в Иркутск небольшой арсенал. Три оборонительные ручные гранаты с ударно-дистанционным запалом, две наступательные гранаты с взрывателями, один 40 мм унитарный выстрел ВО—25 к подствольному гранатомету ГП—25, одну противотанковую ручную гранату РК—3 с запалом мгновенного действия, один бронебойно-зажигательно-трассирующий патрон 14,5 мм, 248 патронов калибра 7,62 мм с обыкновенной пулей, 240 патронов к самозарядному карабину, 58 патронов к автомату Калашникова. Кроме того, он вывез из Чечни кинжал, признанный впоследствии холодным оружием.

В Иркутске милиционер Трунев работал в здании международного отдела аэропорта. Он обратил внимание на слабую охрану пункта обмена валюты коммерческого банка “Ангарский”. Трунев решил завладеть имуществом банка в крупных размерах. Для этого он создал устойчивую преступную группу, куда вовлек братьев Зыковых, Владимира и Александра. Пытаясь увеличить численность банды, они пригласили своего знакомого Усова, но тот отказался.

Все трое стали активно готовиться к разбойному нападению. Его план разработал Трунев, он же распределил роли между участниками. Обсуждались различные варианты применения насилия к кассиру пункта в зависимости от его поведения. Тренировались, выезжая к кассе и изучая обстановку. Из колготок черного цвета изготовили маски, приготовили перчатки и сумку для денег.

Трунев наметил день нападения, но, находясь ночью на дежурстве, узнал, что касса пустая. Аксию перенесли на несколько дней. Наконец, однажды вечером, около 19 часов, Трунев и братья Зыковы подъехали на машине к

⁹⁴ Там же. С. 50.

⁹⁵ Бражник Ф., Толкаченко А. Бандитизм и его отграничение от смежных составов // Уголовное право. 2000. № 2. С. 10.

зданию международного отдела аэропорта. Александр остался ждать их в автомобиле. Трунев вооружился гранатами и кинжалом и вместе с Владимиром зашел в помещение. По дороге еще раз оговорили все детали операции. Трунев спрятался под лестницей. Владимир Зыков должен был по сигналу прийти ему на помощь. Кассир Шарина вышла из пункта за водой и увидела Трунева в маске. Испугавшись, она закричала и бросила в его сторону ведро, крик услышали люди и поспешили на помощь. Нападавшие растерялись и попытались скрыться. Преследователям удалось задержать одного Владимира. Трунева и Александра Зыкова взяли позже.

На тот момент в обменном пункте находилось 166 миллионов 902 тысячи 180 рублей и 98 тысяч 31 доллар США. Завладеть этой суммой нападавшие не смогли по не зависящим от них причинам.

Приговором суда Трунев признан виновным по ст. 77 “Бандитизм”, 15, 146 часть 3 “Покушение на разбой”, 218 часть 1 “Незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ” и 218¹ часть 2 “Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ” старого УК РСФСР, и ему было назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима с конфискацией имущества. Александр и Владимир Зыковы были признаны виновными по статьям 77 и 15, 146 часть 3. Им было назначено наказание в виде 3 лет и 6 месяцев лишения свободы в ИТК общего режима”⁹⁶.

На наш взгляд, данный пример, призванный показать, что банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения, не убедителен. Представляется, что суть бандитизма заключается в создании банды для совместного занятия преступной деятельностью. Преступники рассчитывают на длительное существование созданной банды, на совершение ряда нападений в ее составе. Современная судебная практика вообще не склонна признавать наличие состава бандитизма в действиях виновных лиц, если они не совершили несколько совместных вооруженных преступлений. Хотя следует сказать, что и подобный подход не верен, потому что в ст. 209 УК РФ уголовная ответственность предусматривается не за совершение преступлений в составе банды, а за действия, имеющие отношение к бандитизму, т. е. за создание банды, руководство бандой, участие в банде, участие в нападениях, совершаемых бандой. Но все эти действия никак не связаны непосредственно с количеством совершаемых бандой преступлений. Уголовно наказуемы создание вооруженной группы в целях совершения нападения, “членство” в вооруженной группе, которая создана в целях совершения нападения, а также принятие участия в преступлении, которое совершает вооруженная

⁹⁶ Меркушев А. Указ. соч. С. 23—24.

группа, созданная в целях совершения нападения. Ключевым во всех этих случаях является понятие “*в целях нападения*”. В законе употребляется понятие “цель” во множественном числе, т. е. можно сделать вывод, что тем самым подразумевается неоднократность совершения нападения вооруженной группы людей.

Таким образом, приведенное разъяснение Постановления Пленума Верховного суда РФ нельзя признать соответствующим закону.

Особенностью бандитизма является то, что он в качестве обязательного признака состава преступления предусматривает наличие строго определенной цели. Поэтому, если будет установлено, что вооруженная группа не преследовала целей нападения на граждан или организации, то квалификация содеянного по ст. 209 УК РФ невозможна.

В связи с вышесказанным заслуживает внимания следующий пример, приведенный А. Меркушевым:

“Бульгин, Шиманов и Семенов в составе группы занимались кражей автомобилей, которые они за деньги возвращали их владельцам. В дальнейшем против них стала действовать преступная группировка и убила трех их соучастников. В целях самообороны и мести ее членам обвиняемые вооружились пистолетом, двумя револьверами, двумя карабинами и патронам к ним, двумя гранатами и взрывчатым устройством.

Хотя подсудимые были организованы в устойчивую преступную группу и имели целый арсенал, Нижегородский областной суд оправдал их по обвинению в бандитизме на том основании, что вооружались они в целях самообороны”⁹⁷.

На наш взгляд, если бы по делу было установлено, что виновные приобрели оружие только для самообороны, то никаких сомнений в правильности решения суда не было бы. Однако, поскольку материалами дела было доказано, что обвиняемые приобретали оружие не только для самообороны, но и с целью мести членам противной группировки, то согласиться с решением суда нельзя. С момента, когда виновными было приобретено оружие с целью нападения на других лиц, содеянное ими, на наш взгляд, уже образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. С точки зрения закона безразлично, является цель совершения нападений основной или побочной в деятельности виновных лиц. Если она имеется, то со-

⁹⁷ Меркушев А. Указ. соч. С. 25.

деянное, при наличии других необходимых признаков, должно квалифицироваться как бандитизм.

Понятие нападения разъясняется в п. 6 постановления Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” следующим образом:

“Под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения”.

Следовательно, нападение — это не что иное, как применение физического или психического насилия.

В п. 12 данного Постановления указывается, что ст. 209 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществляемых вооруженной бандой нападений. Это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение либо повреждение чужого имущества и т. д.

Это разъяснение Пленума Верховного суда РФ привело некоторых ученых к выводу о том, что цель бандитизма можно определить как совершение одного или нескольких преступлений с применением насилия, уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой этих действий⁹⁸.

Другие же сделали вывод, что Пленум не ответил, можно ли рассматривать как нападение случаи, когда банда уничтожает какое-то ценное имущество: взрывает или поджигает офис, квартиру, автомашину, а граждане при этом не пострадали. Так, В. М. Быков считает, что в указанных случаях все действия банды такого рода, повлекшие ущерб, хотя люди и не пострадали, также следует рассматривать как нападение, совершенное бандой, и квалифицировать такие действия при наличии других необходимых признаков как бандитизм⁹⁹.

Представляется, что перечень преступлений, ради которых создается банда, ограничен только способом преступления, который обязательно должен быть сопряжен с насилием над лич-

⁹⁸ См. напр.: *Шарапов Р. Д.* Для чего создается банда? // Российский следователь. 2001. № 3. С. 22.

⁹⁹ *Быков В. М.* Банда — особый вид вооруженной группы. С. 50.

ностью. В силу этого признание целью создания банды уничтожение либо повреждение чужого имущества представляется неправильным, оно противоречит существу понятия “нападение”.

В ст. 209 УК РФ указывается, что цель создания банды — это совершение нападений на граждан или организации. Однако совершить насилие над организацией невозможно, но можно совершить, например, преступление против собственности юридического лица, сопряженное с применением физического или психического насилия над представителями организации. Поэтому указание в законе на такую цель создания банды, как “совершение нападений на организации” является излишней.

Таким образом, нападение предполагает совершение любого преступления, сопряженного с применением физического или психического насилия над личностью, а понятие “в целях нападения” должно пониматься как “в целях совершения преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью”.

Учитывая анализ всех признаков бандитизма, можно сделать вывод, что банда— это 1) вооруженная; 2) группа из двух или более лиц; 3) созданная в целях совершения преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью.

4.2. Формы бандитизма

Понятие форм бандитизма

Уголовный закон называет четыре формы бандитизма: 1) создание банды; 2) руководство бандой; 3) участие в банде; 4) участие в нападении, совершаемом бандой.

Понятия указанных форм бандитизма раскрываются в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм”.

“П. 7. *Под созданием банды* следует понимать любые действия, результатом которых стало образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации. Они могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п.

П. 8. *Под руководством бандой* понимается принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности банды, так и с совершением ею конкретных нападений.

П. 9. *Под участием в банде* следует понимать не только непосредственное участие в совершаемых ею нападениях, но и выполнение членами банды иных активных действий, направленных на ее финансирование, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения и т. п.

П. 10. В соответствии с ч. 2 ст. 209 УК РФ как бандитизм должно квалифицироваться *участие в совершаемом нападении* и таких лиц, которые, не являясь членами банды, сознают, что принимают участие в преступлении, совершаемом бандой”.

Первая форма бандитизма нами анализировалась выше, в результате мы пришли к выводу, что *создание банды* — это создание вооруженной группы лиц с целью совершения преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью. Данное преступление признается оконченным с момента создания банды, независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления.

Обратимся к анализу иных форм бандитизма.

Руководство бандой — это принятие решений, связанных с управлением бандой и ее деятельностью. В указанном Постановлении понятие руководства связывается с планированием, материальным обеспечением, организацией преступной деятельности. Представляется, что ключевым моментом, определяющим статус руководителя банды, является принятие окончательного решения по вопросам организации преступной жизнедеятельности банды. Однако необходимо иметь в виду, что если банда состоит из нескольких человек, то выделить среди них руководителя группы бывает затруднительно, поскольку решения о совершении преступлений, а также иных действий, связанных с существованием банды, могут членами банды приниматься сообща, особенно в тех случаях, когда группа состоит из родственников. Это не должно служить препятствием для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за другие формы бандитизма, например за создание банды или за участие в банде. Данное обстоятельство специально было подчеркнуто в Постановлении Президиума Верховного суда РФ по делу Талдыкина и других: “Диспозиция ст. 209 УК РФ не связывает ответственность за организацию и участие в банде со сроками ее создания и действия, а также наличием лидера”¹⁰⁰.

¹⁰⁰ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 2000. № 1.

Таким образом, наличие руководителя в банде не является обязательным признаком бандитизма. Банда может существовать и без ярко выраженного лидера.

Участие в банде понимается не только как совершение преступлений в составе банды, но и как выполнение членами банды иных активных действий, направленных на обеспечение ее существования. Весьма важно обратить внимание на то, что ответственность за организацию и участие в банде не связывается со сроками ее создания и действия. Поэтому наличие состава бандитизма может быть признано и в деянии лиц, которые еще не совершили ни одного преступления. Есть все основания утверждать, что, если кто-то вступил в банду, т. е. дал свое согласие на совершение совместных вооруженных преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью, и при этом выполнил какие-то действия, подтверждающие такое решение, то это уже позволяет привлечь его к уголовной ответственности за участие в банде.

Представим себе такую ситуацию. В., отличаясь явно лидерскими качествами, создал вооруженную группу из трех человек, включая себя, с целью совершения нападений на квартиры граждан. Они приобрели оружие, добыли адреса богатых сограждан, разработали план действий. Имеются ли в этом случае признаки, свидетельствующие о создании банды? На наш взгляд, да, как с точки зрения закона, так и согласно рекомендациям Пленума Верховного суда “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм”. В. подлежит уголовной ответственности за создание банды, поскольку создание банды в соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ признается оконченным преступлением независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления.

Подлежат ли уголовной ответственности лица, которые были привлечены в банду В.? Конечно, за участие в банде.

Если имеются законные основания для привлечения виновного к уголовной ответственности за создание банды, значит, возможно правовое решение о привлечении к ответственности лиц, вступивших в банду. Такие лица не являются создателями банды, поскольку не предпринимали активных действий по ее созданию, но они — участники банды, поскольку и юридически и фактически банда уже создана. Признается же банда созданной с того момента, когда появилась вооруженная группа лю-

дей, нацеленных на совершение преступлений, сопряженных с насилием над личностью.

Создатель ее в этом случае должен нести ответственность по ч. 1 ст. 209 УК РФ, т.е. за создание банды, а иные участники банды — по ч. 2 ст. 209 УК РФ, т.е. за участие в банде. Данное решение вопроса полностью соответствует действующему законодательству, поскольку суть состава бандитизма — организационная деятельность, связанная с созданием банды, и участие в ней. Статья 209 УК РФ имеет ярко предупредительный характер, поскольку позволяет привлекать виновных лиц к уголовной ответственности за бандитизм, не дожидаясь, когда банда реально начнет совершать преступления. Наказуем уже сам факт создания вооруженной группы с целью совершения преступлений, сопряженных с насилием над личностью, а также вступление в такую группу в силу высочайшей общественной опасности банды.

Поэтому, как нам представляется, необходимо ориентировать судебно-следственную практику именно на такое понимание закона. Если же установлено, что вооруженная группа уже совершила ряд преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью, то содеянное тем более должно квалифицироваться, наряду с иными преступлениями, совершенными данной группой, по ст. 209 УК РФ. В подобных случаях имеются все законные основания для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за бандитизм.

Участие в нападении, совершаемом бандой, предполагает участие в нем нечленов банды. В соответствии с указанным Постановлением Пленума Верховного суда РФ речь идет о таких лицах, которые, не являясь членами банды, сознают, что принимают участие в преступлении, совершаемом бандой. Каким образом нечлены банды могут участвовать в преступлении, совершаемом бандой? Иначе говоря, какую роль они могут выполнять? Представляется, что в таких ситуациях речь может идти только о соисполнительстве в преступлении, совершаемом членами банды, участие в нападении необходимо толковать только как соисполнительство. Широкое понимание участия в данном случае неприемлемо, поскольку действия иных лиц, оказавших какое-либо содействие банде при совершении преступления, должно квалифицироваться как соучастие в бандитизме. Об этом говорится и в п. 10 названного Постановления: “Действия лиц, не состоявших членами банды и не принимав-

ших участия в совершенных ею нападениях, но оказавших содействие банде в ее преступной деятельности, следует квалифицировать по ст. 33 и соответствующей части ст. 209 УК РФ”.

Из изложенного следует вывод, что участие в нападении, совершаемом бандой, означает выполнение объективной стороны состава преступления, которое совершает банда. Ответственности за бандитизм подлежит то лицо, которое осознавало, что оно участвует в преступлении, совершаемом бандой. При этом по смыслу закона для уголовной ответственности за бандитизм в форме участия в нападении, совершаемом бандой, достаточно установить, что виновный принял участие хотя бы в одном преступлении совместно с бандой.

Поэтому мы не можем согласиться с решением суда, который оправдал Соловьева по ч. 2 ст. 209 УК РФ за недоказанностью его участия в совершении бандитизма на том основании, что имеющиеся по делу доказательства подтверждают лишь совершение им единственного для него разбойного нападения, участвовать в котором ему предложил один из членов банды. Знакомство же его с членами банды и согласие на участие в совершении преступления, по убеждению суда, недостаточно для бесспорного вывода о том, что Соловьев вступил в банду и участвовал в разбойном нападении, будучи членом банды¹⁰¹.

Соотношение форм бандитизма

Вопрос о соотношении форм бандитизма вызывает сложности при квалификации содеянного по ст. 209 УК РФ. Наиболее остро стоит проблема соотношения *участия в банде, с одной стороны, и создания банды и руководства бандой, с другой.*

Создание банды и руководство бандой предусмотрены в ч. 1 ст. 209 УК РФ. Ответственность за участие в банде установлена в ч. 2 ст. 209 УК РФ. Часть 1 ст. 209 УК РФ имеет более суровую санкцию. Следовательно, исходя из конструкции ст. 209 УК РФ можно сделать вывод, что обе части данной статьи предусматривают ответственность за самостоятельные составы преступлений.

Однако на практике возникает вопрос о квалификации действий лиц, создавших банду или руководивших бандой. Необходимо ли их действия квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. и по ч. 1 ст. 209 УК РФ и по ч. 2 ст. 209 УК РФ, или же для полной квалификации их действий достаточно вменения только ч. 1 ст. 209 УК РФ?

¹⁰¹ *Архив* Московского городского суда. Дело № 2—147—99.

Судебная практика в настоящее время склонилась к тому, что в подобных случаях достаточно квалификации содеянного только по ч. 1 ст. 209 УК РФ.

Так, по приговору Санкт-Петербургского городского суда от 27 декабря 1996 г. Рустамов был осужден к лишению свободы по ст. 77 УК РСФСР, пп. "а", "б", "в", "д", "е" ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, ст. 191² УК РСФСР. По делу также осуждены Биганашвили, Петров, Окрочмедлишвили.

Рустамов признан виновным в организации вооруженной банды в целях нападения на предприятия, учреждения, организации и на отдельных граждан для завладения их имуществом, в разбойных нападениях, а также в посягательстве на жизнь работников милиции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ 10 апреля 1997 г. приговор изменила: действия Рустамова переквалифицировала со ст. 77 УК РСФСР на ч. 1 и ч. 2 ст. 209 УК РФ, в остальном приговор оставила без изменения.

Заместитель председателя Верховного суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из кассационного определения осуждения Рустамова по ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Президиум Верховного суда РФ 18 марта 1998 г. протест удовлетворил, указав следующее.

Кассационная инстанция обосновала свое решение о квалификации действий Рустамова по ч. 2 ст. 209 УК РФ тем, что Рустамов должен нести ответственность не только по ч. 1 ст. 209 УК РФ как создатель банды, но и по ч. 2 ст. 209 УК РФ как участник нападений в составе банды.

Однако этот вывод кассационной инстанции противоречит требованиям закона.

Статья 209 УК РФ предусматривает ответственность за бандитизм. При этом в части первой данной правовой нормы говорится о повышенной ответственности за создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой). В ч. 2 этой статьи установлена ответственность за участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях.

Таким образом, по смыслу закона субъектами уголовной ответственности за бандитизм являются как создатели и руководители банды, так и ее участники. Причем единственное разграничение состоит в том, что для создателей и руководителей банды предусмотрена более строгая мера наказания.

Поэтому действия создателей и руководителей банды подлежат квалификации только по ч. 1 ст. 209 УК РФ и дополнительной правовой оценки тех же действий по ч. 2 ст. 209 УК РФ не требуется¹⁰².

Таким образом, Президиум Верховного суда РФ пришел к выводу, что ст. 209 УК РФ содержит признаки только одного состава преступления в различных его формах, поэтому совокупности преступлений в рассматриваемых случаях быть не может.

Участие в банде необходимо отличать от участия в нападении, совершаемом бандой. Отличие этих форм бандитизма

¹⁰² *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1998. № 11.

заключается в том, что в первом случае ответственность устанавливается для лиц, которые тем или иным образом участвуют в преступной деятельности банды, являясь ее членами. Во втором же случае ответственность предусматривается для лиц, которые, не являясь членами банды, приняли участие в преступлении, совершаемом бандой.

Участие в нападении, совершаемом бандой, необходимо отличать от соучастия в бандитизме. И в первом, и во втором случае речь идет о квалификации действий лиц, которые не являются членами банды. Различие заключается в том, что в первом случае виновные выполняют объективную сторону того преступления, которое совершается бандой. Иначе говоря, они выступают его соисполнителями. Во втором же случае виновные не выполняют объективной стороны совершаемых бандой преступлений, т.е. не выступают в качестве соисполнителей, однако они иным образом оказывают содействие банде в ее преступной деятельности. Причем это содействие должно носить случайный, непостоянный характер, ибо в противном случае виновные должны подлежать уголовной ответственности за участие в банде.

Соучастие в бандитизме необходимо отличать от укрывательства бандитизма. Соучастие в бандитизме предполагает согласие виновного на оказание содействия членам банды до совершения ими конкретного преступления. Укрывательство же преступлений, предусмотренное ст. 316 УК РФ, исключает предварительное согласие виновного лица на оказание какого-либо содействия банде. Причем это содействие оказывается на разовой основе и не предполагает дальнейшего “сотрудничества” с бандой.

Так, Лукьянов приговором Курского областного суда был осужден за участие в бандитизме.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставила без изменения.

Заместитель прокурора РСФСР внес протест в Президиум Верховного суда РСФСР о переквалификации действий Лукьянова на укрывательство преступлений. Рассмотрев дело, Президиум нашел протест обоснованным. Обстоятельства дела следующие.

Лукьянов был признан виновным в том, что он, зная о преступной деятельности банды Морозова, Храмцова и других осужденных по этому делу, предоставлял им свою квартиру для выпивок и укрытия, получая за это часть похищенных товаров.

Установлено, что в ночь на 5 сентября Морозов, Храмцов и Заикин проникли в магазин и похитили товары. Похищенные товары участники бандитской группы поделили между собой. После этого главарь банды Морозов и Храмцов направились на квартиру Лукьянова, жена которого являлась сестрой Храмцова и родственницей Морозова. В доме Лукьянова они распили похищенное из магазина вино. За предоставление квартиры Морозов дал Лукьянову из похищенных вещей дамское пальто и карманные часы.

В ночь на 7 сентября Морозов и Храмцов похитили из магазина товары. С похищенным они пришли к Лукьянову, который предоставил им квартиру для пьянки. За это Морозов дал Лукьянову три бутылки ликера.

Лукьянов не отрицал, что к нему на квартиру дважды приходили указанные лица и устраивали выпивки. Он знал со слов Морозова о побеге последнего из места заключения и понимал, что принесенные им товары похищены.

Однако по делу не установлено, что Лукьянов заранее, до или во время совершения преступления, обещал участникам банды укрыть их и похищенное ими имущество. Предоставление квартиры участникам банды 6 и 7 сентября не может также рассматриваться как систематические действия, доказывающие наличие между участниками банды и Лукьяновым договоренности об укрывательстве на неопределенное время.

Следовательно, действия Лукьянова нельзя рассматривать как соучастие в бандитизме, так как они содержат признаки заранее не обещанного укрывательства бандитизма¹⁰³.

В данном случае не имелось оснований для привлечения Лукьянова к уголовной ответственности за соучастие в бандитизме, поскольку между Лукьяновым и членами банды не было предварительной договоренности о том, что Лукьянов будет укрывать их у себя на квартире. Предоставление квартиры для совместного распития спиртных напитков два раза не может рассматриваться как систематическое оказание помощи в бандитизме. Однако получение в качестве дара похищенных вещей, а также предоставление ночлега членам банды может быть квалифицировано как укрывательство бандитизма.

Т а б л и ц а

Действия виновного и субъекты ответственности

№	Действия виновного	Ответственность устанавливается
1	<i>Участие в банде</i>	Для членов банды, активно участвующих в преступной деятельности банды (в совершении нападений, финансировании банды, обеспечении ее оружием, транспортом, подыскании объектов для нападения и т. д.)
2	<i>Участие в нападении, совершаемом бандой</i>	Для нечленов банды, которые совместно с членами банды непосредственно своими действиями выполняли объективную сторону преступления, совершаемого бандой
3	<i>Соучастие в бандитизме</i>	Для нечленов банды, которые каким-либо образом способствовали совершению преступления бандой
4	<i>Укрывательство бандитизма</i>	Для нечленов банды, которые оказали заранее не обещанное содействие банде в сокрытии членов банды, орудий и средств нападения, следов преступления

¹⁰³ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1965. № 6.

4.3. Квалификация убийства, совершенного бандой

Правила квалификации совершенных бандой преступлений, в том числе убийств, в российском законодательстве неоднократно менялись. До 1992 г. такие деяния квалифицировались только по статье УК, предусматривающей ответственность за бандитизм. Так, в п. 19 постановления Пленума Верховного суда СССР “О судебной практике по делам об умышленном убийстве” от 27 июня 1975 г. № 4 отмечалось, что убийство, совершенное участниками банды при нападениях, подпадает под признаки бандитизма и не требует дополнительной квалификации по статье, предусматривающей ответственность за убийство¹⁰⁴.

Однако в постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об умышленных убийствах” от 22 декабря 1992 г. № 15 указывалось, что убийство, совершенное участниками банды при нападении, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как бандитизм и убийство¹⁰⁵.

В действующем постановлении Пленума Верховного суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” от 27 января 1999 г. № 1 разъясняется, что убийство, сопряженное с бандитизмом, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и по ст. 209 УК РФ.

При квалификации убийства, совершенного бандой, можно столкнуться со следующими типичными ситуациями:

1) убийство совершено членами банды в процессе нападения в соответствии с планом, разработанным до нападения;

2) убийство совершено членами банды в процессе нападения, однако при отсутствии прямой договоренности на совершение убийства;

3) убийство совершено членами банды в процессе нападения, однако вопреки общей договоренности не совершать во время данного нападения убийства;

4) убийство совершено при обстоятельствах, отмеченных выше, но только одним из членов банды;

¹⁰⁴ *Бюллетень* Верховного суда СССР. 1975. № 4.

¹⁰⁵ *Бюллетень* Верховного суда РФ. 1993. № 3.

5) в убийстве принимали участие наряду с членами банды иные лица.

Рассмотрим кратко данные ситуации.

1. Убийство совершено членами банды в процессе нападения в соответствии с планом, разработанным до нападения

Из указаний Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 следует, что убийство, совершенное бандой, не требует квалификации по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако это не правильно. Банда обладает всеми признаками организованной группы. Поэтому убийство, совершенное бандой, по нашему мнению, надлежит квалифицировать и по п. “ж” и по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по соответствующей части ст. 209 УК РФ.

Если убийство было совершено членами банды в процессе нападения, то по пп. “ж” и “з” ст. 105 УК РФ должны отвечать все члены банды, участвовавшие в нападении, независимо от характера выполняемых ими ролей при совершении преступления и непосредственно наступивших от их действий последствий.

Так, совершая преступления в составе банды и имея умысел на убийство по предварительному сговору группой лиц, Дюков совместно и одновременно с другими лицами стрелял по автомашине, в которой находились потерпевшие. Каждый из соисполнителей убийства имел огнестрельное оружие. Суд осудил Дюкова, в частности, за бандитизм и за убийство двух или более лиц, совершенное по предварительному сговору группой лиц. Отрицая вину в совершении убийства, Дюков показал, что его пистолет дал осечку.

Кассационная инстанция признала приговор обоснованным и указала, что данное обстоятельство при участии в выполнении объективной стороны преступления по лишению потерпевших жизни не влияет на правовую оценку действий соучастников в форме соисполнительства¹⁰⁶.

В данном случае, несмотря на то, что Дюков не причинил вреда потерпевшему (его пистолет дал осечку) суд признал Дюкова соисполнителем убийства, совершенного в составе банды.

2. Убийство совершено членами банды в процессе нападения, однако при отсутствии прямой договоренности на совершение убийства

Представляется, что независимо от того, была или нет прямая договоренность между членами банды на совершение убийства

¹⁰⁶ *Определение № 71-096-5 по делу Дюкова, Бурмистрова и других.*

в процессе нападения, содеянное убийство необходимо вменять в вину всем членам банды, участвовавшим в нападении. Участие членов банды в вооруженном нападении предполагает, что в любой момент в процессе нападения может быть применено оружие в интересах всей банды. Банда создается для совершения вооруженных нападений. Члены банды, участвуя в вооруженных нападениях, самим фактом участия в банде дают свое согласие на применение оружия, которое может привести к любым последствиям, в том числе и к смерти потерпевших. Поэтому все члены банды, участвовавшие в нападении, должны признаваться соисполнителями убийства, совершенного бандой.

3. Убийство совершено членами банды во время нападения, однако вопреки общей договоренности во время данного нападения не совершать убийства

Если до совершения нападения между членами банды была достигнута договоренность о непричинении смерти кому-либо в процессе нападения, то ответственности за данное убийство должны подлежать только лица, его совершившие. В этом случае мы имеем дело с эксцессом исполнителей. Действия исполнителей убийства должны квалифицироваться по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по соответствующей части ст. 209 УК РФ.

4. Убийство совершено при обстоятельствах, отмеченных выше, но одним из членов банды

В процессе нападения убийство может совершить непосредственно только один член банды. В этом случае возникает вопрос о квалификации действий как лица, совершившего убийство, так и иных участников нападения.

По нашему мнению, проблема квалификации содеянного в случаях совершения убийства в процессе нападения одним членом банды должна разрешаться следующим образом.

Убийство надлежит вменять в вину всем лицам, участвовавшим в нападении, если данное убийство было совершено в интересах всей банды и не было эксцессом исполнителя. Все участники нападения являются членами вооруженной организованной группы (банды). Убийство происходит в процессе нападения, совершаемого бандой, и в интересах всей банды, т. е. организованной группой. В соответствии с рекомендациями

Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 января 1999 г. № 1 при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Поэтому все члены банды, участвовавшие в нападении, должны признаваться соисполнителями убийства, совершенного в процессе нападения. Действия всех участников нападения должны быть квалифицированы по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по соответствующей части ст. 209 УК РФ.

В случае эксцесса исполнителя за убийство подлежит ответственности только лицо, непосредственно его совершившее. Его действия в этом случае должны быть квалифицированы по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, сопряженное с бандитизмом, а также по соответствующей части ст. 209 УК РФ.

5. В убийстве принимали участие наряду с членами банды иные лица

Для членов банды, как мы уже неоднократно отмечали, содеянное убийство должно быть квалифицировано по совокупности преступлений, т.е. по пп. “ж” и “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по соответствующей части ст. 209 УК РФ.

Действия иных лиц, которые принимали участие в убийстве, совершаемом бандой, следует квалифицировать в зависимости от осознания ими факта совершения преступления совместно с бандой.

При доказанности данного осознания содеянное ими, по нашему мнению, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. по пп. “ж” и “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по ч. 2 ст. 209 УК РФ (убийство, совершенное организованной группой, сопряженное с бандитизмом, и участие в нападении, совершаемом бандой).

В случае отсутствия осознания виновными совершения преступления совместно с бандой их действия должны быть квалифицированы в зависимости от обстоятельств совершенного преступления. Например, если они совершили данное преступление по предварительному сговору и при этом выполняли объективную сторону убийства, то содеянное квалифицируется как убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц.

5. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ УЧАСТНИКАМИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА КАК ОБЪЕДИНЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП

Современная российская действительность, к сожалению, знает такое уголовно-правовое и социальное явление, как преступное сообщество. По данным некоторых исследователей¹⁰⁷ в России насчитывается около трехсот преступных сообществ, действующих в целом ряде городов страны, таких как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Красноярск, Кемерово и др.

Преступные сообщества, функционирующие на территории России, занимаются незаконным оборотом наркотиков, оружия, угоном автомобилей, контрабандой, совершением вымогательств, разбоев, убийств и других тяжких преступлений. Они проникли практически во все наиболее доходные сферы экономики государства, захватив во многих регионах рынок нефтепродуктов, лесопереработки, добычи и продажи драгоценных камней, оборот алкогольной продукции, изготовления и сбыта ценных бумаг и других платежных документов. При разрешении своих проблем они не останавливаются ни перед чем. Убийство в связи коммерческой деятельностью потерпевшего, переделом сфер влияния, борьбой за лидерство стало повседневной трагической реальностью России. В составе большинства преступных сообществ имеются группы лиц, специально предназначенные для решения “деликатных” проблем. Убийство, совершенное лицами, принадлежащими к преступному сообществу, должно квалифицироваться как совершенное организованной группой, поэтому необходимо уделить пристальное внимание признакам преступного сообщества. Важно иметь также в виду, что создатели и руководители преступных сообществ и их подразделений в соответствии с действующим законодательством подлежат ответственности за все преступления, совершенные участниками таких объединений, если данные преступления охватывались умыслом создателей и руководителей. Это означает, что круг лиц, которые должны быть привлечены к ответственности по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, не ограничивается непосредственными исполнителями преступления. К

¹⁰⁷ См., напр.: Жук О. Борьба с организованной преступностью в Российской Федерации: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 11.

ответственности за убийство, совершенное организованной группой, должны быть привлечены все, кто имел к данному преступлению какое-либо отношение, являясь создателем, руководителем или участником преступного сообщества. Преступные сообщества, обладая большими материальными, организационными и людскими ресурсами, имеют значительные возможности для тщательной подготовки и совершения любых преступлений, в том числе и убийств. Нередко они оказывают серьезное противодействие органам следствия по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных членами преступного сообщества, вплоть до физического устранения несговорчивых работников правоохранительных органов, если их не удастся подкупить.

Поэтому столь высока значимость наличия в законодательстве Российской Федерации состава преступления, влекущего ответственность за действия, связанные с функционированием преступного сообщества, и важность законодательного и теоретического определения признаков данного состава преступления.

Однако анализ следственной практики показывает, что очень редко преступная деятельность виновных лиц при направлении уголовного дела в суд квалифицируется по ст. 210 УК РФ, еще реже такая квалификация встречается в приговорах суда.

Так, А. Мордовец приводит следующую статистику. Количество возбужденных уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, в 1997 г. составляло 48, в 1998 г. — 84, в 1999 — 162, в 2000 г. — 170. В суд было направлено соответственно 23, 49, 126 и 100 дел. При этом обвинительных приговоров за указанный период было вынесено всего 7¹⁰⁸.

Одной из причин редкого применения ст. 210 УК РФ, по нашему мнению, является несовершенство законодательной конструкции состава данного преступления.

Так, название статьи 210 УК РФ не соответствует ее содержанию. Исходя из названия, можно сделать вывод, что статья 210 УК РФ предусматривает уголовную ответственность только за организацию преступного сообщества. Однако из ее диспозиции видно, что ответственность предусмотрена еще и за дей-

¹⁰⁸ Мордовец А. Проблемы применения ст. 210 УК // Законность. 2001. № 7. С. 50.

ствия, которые не охватываются понятием “организация преступного сообщества”. Кроме того, почему-то в законе наряду с понятием “преступное сообщество” в скобках употребляется и термин “преступная организация”. Что этим хотел сказать законодатель? О равнозначности данных категорий или о том, что ст. 210 УК РФ предусматривает ответственность за действия, связанные как с преступным сообществом, так и с преступной организацией?

Неудачность законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, отмечают почти все праведы, изучавшие его. Нет смысла приводить многочисленные высказывания на этот счет, целесообразнее обратиться к анализу данного состава преступления в контексте темы нашего исследования.

Итак, приведем полностью текст рассматриваемой статьи.

“Статья 210. Организация преступного сообщества (преступной организации)

1. Создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений —

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

2. Участие в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп —

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой”.

Как мы видим, конструкция данного состава преступления сложная. Объективная сторона преступления характеризуется следующими действиями:

1) создание преступного сообщества (ч. 1);

- 2) руководство преступным сообществом (ч. 1);
- 3) руководство входящими в преступное сообщество структурными подразделениями (ч. 1);
- 4) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп (ч. 1);
- 5) участие в преступном сообществе (ч. 2);
- 6) участие в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп (ч. 2).

Субъективная сторона создания преступного сообщества имеет специальную цель — совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

Специальная цель должна устанавливаться и в случае создания объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп — разработка планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Поскольку содержание таких признаков, как “создание”, “руководство”, “участие” нами уже рассмотрены выше, имеет смысл сосредоточить внимание на отличии преступного сообщества от организованной группы, а также на соотношении таких составов преступлений, как организация преступного сообщества и бандитизм, поскольку данные проблемы представляются наиболее актуальными в правоприменительной деятельности.

5.1. Отличие преступного сообщества от организованной группы

Для выяснения отличия преступного сообщества от организованной группы необходимо обратиться непосредственно к закону. Данные понятия раскрываются в ст. 35 УК РФ:

“3. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

4. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях”.

Исходя из текста закона, отличие преступленного сообщества от организованной группы заключается в следующем:

1) организованная группа — это устойчивая группа лиц, а преступное сообщество — это сплоченная организованная группа (организация);

2) организованная группа создается с целью совершения любых преступлений, а сплоченная организованная группа (преступное сообщество) с целью совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

Представляется, что при таком законодательном подходе понятие “преступное сообщество” абсолютно ничем не отличается от понятия “организованная группа”. Так, организованная группа — это устойчивая группа лиц, устойчивая группа лиц — это организованная группа, а устойчивая организованная группа лиц — это и есть преступное сообщество. Круг замкнулся. Поскольку организованная группа не может не быть сплоченной, то получается, что преступное сообщество — это и есть организованная группа.

Иначе говоря, если группа является организованной, т. е. если она создана с целью совершения преступлений (совместного занятия преступной деятельностью), то она может быть определена как сплоченная, исходя из этимологии слова “сплоченный” — дружный, единомышленный, организованный¹⁰⁹. Слово “сплоченный” совпадает по значению с понятием “организованный”.

Словочетание “сплоченная организованная группа” — это тавтология. Искать какой-то скрытый смысл в понятии “сплоченный” нецелесообразно, поскольку оно не играет роли в разграничении понятий “преступное сообщество” и “организованная группа”.

Не спасает положения и различие целей создания преступного сообщества и организованной группы. Цель совершения преступлений включает в себя и цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений, поэтому данный критерий не имеет никакого практического значения для разграничения рассматриваемых понятий в случае, если группа образовывалась для совершения подобных преступлений.

Таким образом, понятия «преступное сообщество» и «организованная группа» по своему содержанию, исходя из букваль-

¹⁰⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 754.

ного толкования закона, полностью совпадают. Законодатель должен дать ограничительное толкование понятия “преступное сообщество”, чтобы отличать его от понятия “организованная группа”, что можно сделать, например, в одном из постановлений Пленума Верховного суда РФ.

Найти же различия преступного сообщества и организованной группы в рамках буквального толкования закона, как пытаются некоторые исследователи, невозможно.

Так, одними из первых к анализу состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, обратились Л. Гаухман и С. Максимов. Они резюмировали, что в основе понятия преступного сообщества лежит понятие организованной группы. Однако, по их мнению, преступному сообществу свойственны и иные признаки: 1) сплоченность организованной группы; 2) момент окончания, перенесенный на раннюю стадию; 3) цель создания; 4) уголовно-правовое значение конститутивного признака состава¹¹⁰.

Согласиться с выводом указанных авторов было бы неправильно.

Сплоченность как признак преступного сообщества, по мнению Л. Гаухмана и С. Максимова, включает в себя все признаки устойчивости, а также иные, в частности, такие как: “круговая порука”, конспирация, общая касса (“общак”), наличие специальных технических средств и т. д. На наш взгляд, данные признаки не являются характерными для преступного сообщества, поскольку они в равной степени относятся и к организованной группе.

Момент окончания преступления, с нашей позиции, также не может выступать разграничительным признаком преступного сообщества и организованной группы. Так, создание вооруженной организованной группы (банды) признается окончательным составом преступления с момента ее создания. Каким образом можно разграничить по моменту окончания преступления организованную группу и преступное сообщество, если и то и другое преступление имеют один момент окончания? Не разрешается проблема и в том случае, если речь идет о невооруженной группе, созданной с целью совершения преступлений, поскольку

¹¹⁰ Гаухман Л., Максимов С. Ответственность за организацию преступного сообщества // Законность. 1997. № 2. С. 12—18.

ку момент окончания преступления не раскрывает существенные признаки его состава.

Провести различие между организованной группой и преступным сообществом по цели создания вообще невозможно. И организованная группа, и преступное сообщество могут создаваться для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Нам могут возразить, что преступное сообщество создается только для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а организованная группа — для любых, но это не аргумент, поскольку разграничение приходится проводить как раз в тех случаях, когда речь идет о совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Представляется, что по данному критерию провести разграничение невозможно ни теоретически, ни практически.

Л. Гаухман и С. Максимов предлагают при разграничении рассматриваемых понятий исходить из уголовно-правового значения, придаваемого преступному сообществу и организованной группе в уголовном праве. А разве данное обстоятельство имеет какое-либо отношение к проблеме разграничения преступного сообщества и организованной группы? На наш взгляд, нет, поскольку уголовно-правовое значение состава преступления не заменяет собой образующих его признаков.

По нашему мнению, необходимо признать, что попытка Л. Гаухмана и С. Максимова показать отличительные признаки преступного сообщества и организованной группы, основываясь на действующем уголовном законе, не увенчалась успехом в силу того, что в УК РФ, к сожалению, не проведена разграничительная линия этих категорий. Требуется изменение законодательства.

Не удастся и другим исследователям “оправдать” действующее законодательство.

Так, В. М. Быков считает, что преступное сообщество (преступная организация) содержит в себе все признаки организованной преступной группы и ряд дополнительных признаков. Эти признаки, по его мнению, указаны в самом законе. Первый признак — сплоченность организованной группы, а второй — это цель создания преступного сообщества, которой является совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

В. М. Быков определяет сплоченность как психологическую характеристику преступного сообщества. Кроме того, он согла-

шается с высказанной в литературе точкой зрения о том, что целью создания преступного сообщества следует признать цель совершения умышленных преступлений. Таким образом, В. М. Быков фактически признает, что законодательные критерии отличия преступного сообщества и организованной группы оказываются не состоятельными.

В результате В. М. Быков приходит к выводу, что таких признаков, как сплоченность и цель (совершение тяжких или особо тяжких преступлений) оказывается недостаточно для разграничения преступного сообщества и организованной группы. Поэтому помимо признаков преступного сообщества (преступной организации), указанных в законе, В. М. Быков считает необходимым выделить следующие:

преступная организация или преступное сообщество имеет, как правило, сложную структуру, она может состоять из отдельных блоков и звеньев;

преступное сообщество (преступную организацию) возглавляет сильный лидер, который использует авторитарные методы управления сообществом;

в сообществе (организации) поддерживается жесткая дисциплина, нередко жестокими способами, функции поддержания дисциплины и осуществления расправ по приказу лидера могут осуществлять специальные лица;

в сообществе (организации) могут создаваться специальные блоки, осуществляющие функции разведки и контрразведки, имеющие на вооружении спецтехнику;

преступное сообщество (преступная организация) формирует специальные блоки защиты из числа коррумпированных должностных лиц государственных органов и правоохранительных учреждений, которые обеспечивают длительность существования преступных формирований;

в преступных сообществах разрабатываются специальные меры защиты и конспирации;

целью создания и функционирования преступных сообществ и организаций является получение возрастающих и постоянных преступных доходов¹¹¹.

¹¹¹ *Быков В. М.* Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) // *Российский следователь*. 2000. № 6. С. 19—21.

Называемые В. М. Быковым признаки могут сыграть определенную положительную роль при разграничении преступления, совершенного преступным сообществом и организованной группой, но для законодательного разрешения проблемы они неприемлемы.

В. Ларичев и Н. Ситковец сделали вывод, что различие между организованной группой и преступным сообществом с точки зрения закона заключается только в одном термине. Они пишут: “Если для преступного сообщества характерна “сплоченность”, то для организованной группы — “устойчивость”. Провести между ними грань на практике чрезвычайно сложно, так как каждая “сплоченная” группа не может быть “неустойчивой”, и наоборот — “устойчивость” предполагает “сплоченность”. Поскольку эти признаки — оценочные, они влекут неоднозначное толкование и в теории уголовного права, и в следственной и судебной практике”¹¹².

Представляется, что и искать различие между понятиями “устойчивость” и “сплоченность” с точки зрения разграничения преступного сообщества и организованной группы нет необходимости, поскольку данные понятия представляют собой две грани одного явления — организованной группы.

Мы должны сделать вывод, что закон не содержит необходимых критериев для разграничения преступного сообщества и организованной группы. В рамках действующего законодательства выход видится в ограничительном толковании закона. Определение преступного сообщества может быть следующим: *преступное сообщество — это объединение организованных преступных групп, созданное с целью координации преступной деятельности.*

Данное понимание не противоречит действующему законодательству, оно несколько иначе расставляет акценты. Так, в ч. 3 ст. 35 УК РФ сказано, что преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно: 1) совершено сплоченной организованной группой (*организацией*); 2) либо объединением организованных групп.

На наш взгляд, только несовершенство законодательной техники не позволило законодателю должным образом раскрыть суть преступного сообщества, которое представляет собой

¹¹² Ларичев В., Ситковец Н. Применение ст. 210 УК // Законность. 1999. № 10. С. 46.

сложно структурированное преступное образование, некую преступную организацию. Слово “организация” в данном контексте и означает сложность внутреннего устройства преступного сообщества, которое никак не может совпадать с простой организованной группой, состоящей из людей, совместно совершающих преступления.

При определении преступного сообщества достаточно было бы ограничиться указанием на то, что оно представляет собой объединение организованных групп. Любая совместная деятельность людей нуждается в организации, в упорядоченности совместных действий, распределении обязанностей и ответственности, координации усилий. Чем разнообразнее и масштабнее данная деятельность, тем более она структурирована, специализирована. Не является исключением в этом смысле и преступная деятельность. На наш взгляд, уместно употребить следующее сравнение. Преступное сообщество — это преступное предприятие или объединение преступных предприятий, действующее с целью получения преступной прибыли, а организованная группа — это артель, занимающаяся преступным промыслом.

Создание преступного сообщества может происходить, и чаще всего происходит, на уровне объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп. Хотя не исключаются и случаи, когда какое-либо лицо (или группа лиц) создавало преступное сообщество с нуля, постепенно вовлекая в него все новых и новых членов. Преступное сообщество может создаваться и путем слияния организованных групп. С того момента, когда в объединении можно выделить две организованные преступные группы, действующие в рамках договоренности между собой, необходимо констатировать, что произошло создание преступного сообщества.

Отличие преступного сообщества от организованной группы заключается в том, что преступное сообщество объединяет минимум две организованные преступные группы. Члены преступного сообщества оказываются разделенными на группы, которые функционально предназначены для выполнения различных задач в одном преступном сообществе. Организованная же группа состоит из группы людей, совместно совершающих преступления. И если в рамках организованной группы происходит распределение ролей во время совершаемых группой преступлений, то в рамках преступного сообщества происходит

структурирование преступной деятельности, распределение совершаемых преступлений, т. е. распределение направлений, видов и форм преступной деятельности между различными группами, объединяемыми данным преступным сообществом.

Целью создания и существования преступного сообщества является координация преступной деятельности между организованными группами, т. е. объединение усилий людей, распределенных по специализированным группам, для достижения максимально эффективного результата преступной деятельности.

Признаками преступного сообщества являются: 1) наличие объединения двух или более организованных преступных групп, специализирующихся в различных направлениях или формах преступной деятельности; 2) специальная цель — координация преступной деятельности составляющих преступное сообщество организованных групп (при совершении тяжких или особо тяжких преступлений).

Для организованной группы характерно совместное совершение преступлений, т. е. совместное занятие преступной деятельностью. При этом между членами организованной группы может происходить распределение ролей, но оно не выходит за рамки совместно совершаемого организованной группой преступления (преступлений).

Таким образом, если толковать преступное сообщество ограничительно, т. е. только как объединение организованных преступных групп, то эффективность действующего уголовного закона неизмеримо возрастет, поскольку грань между преступным сообществом и организованной группой, а также ее разновидностью — бандой, становится понятной.

5.2. Соотношение составов «организация преступного сообщества» и «бандитизм»

Вопрос о соотношении преступного сообщества и банды в доктрине уголовного права представляется недостаточно исследованным. Между тем на практике он возникает достаточно часто, поэтому нельзя не уделить ему внимания.

Л. Гаухман и С. Максимов считают, что от бандитизма организацию преступного сообщества отличают два признака.

Первым — объективным — является оружие, наличествующее всегда в составе бандитизма и отсутствующее в организа-

ции преступного сообщества. Второй — субъективный — содержание цели. Бандитизму присуща цель нападения на граждан или организации, которое может повлечь как тяжкие или особо тяжкие, так и иные последствия, а организации преступного сообщества — цель совершения только тяжких или особо тяжких преступлений, причем выражающихся не только в нападениях, но и в других действиях. В случаях, когда преступным сообществом (преступной организацией) совершены конкретные виды тяжких или особо тяжких преступлений, содеянное представляет собой совокупность преступлений и квалифицируется по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за данный вид преступления, и ст. 210 УК РФ¹¹³.

Представляется, что данные признаки не являются определяющими при разграничении бандитизма и организации преступного сообщества, поскольку и оружие, и цель совершения тяжких или особо тяжких преступлений могут иметься при совершении обоих видов преступлений.

Ф. Бражник и А. Толкаченко следующим образом рассматривают проблему соотношения банды и преступного сообщества:

“От банды преступное сообщество отличается целями и объективной стороной: тем, что создается для занятия иной (не бандитской) запрещенной законом деятельности — производством, распространением, перевозкой наркотиков, фальшивомонетничеством, подпольным производством суррогата алкогольных напитков, лекарств, ядов, оружия, торговлей женщинами и т. п. Преступная организация часто бывает вооружена, но использование оружия не связано с нападением, что свойственно бандитизму. Оно, как правило, предназначено для охраны, защиты от нападений других преступных группировок, но не для агрессивных действий.

Возникает естественный вопрос о возможной совокупности ст. 209 и 210 УК, ответ на который представляется следующим.

Если организация преступного сообщества выразилась исключительно в признаках бандитизма (и только), содеянное полностью охватывается последним составом. Идеальная совокупность исключается исходя из общих правил квалификации и с учетом принципа прямого действия — принципа справедливо-

¹¹³ Гаухман Л., Максимов С. Указ. соч. С. 18.

сти: никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Если же преступная группировка занимается не только бандитизмом, но и, например, торговлей наркотиками, то налицо возможная совокупность двух преступлений, предусмотренных ст. 209 и 210 (классифицируемая как реальная)¹¹⁴.

С данным утверждением можно согласиться лишь частично. На наш взгляд, сущностное отличие преступного сообщества от банды заключается в том, что оно всегда состоит из нескольких организованных групп, в то время как банда состоит из одной вооруженной организованной группы. Преступное сообщество — это объединение организованных групп, а банда — это объединение нескольких лиц в составе одной вооруженной группы.

По нашему мнению, в “чистом” виде преступное сообщество никогда не встречается, потому что оно практически всегда имеет в своем составе вооруженные группы лиц, которые совершают тяжкие и особо тяжкие преступления. Но дело не в этом. Сложность разграничения организации преступного сообщества и бандитизма касается именно тех ситуаций, когда в деянии виновных лиц имеются признаки и организации преступного сообщества, и бандитизма. Конструкция данных составов преступлений такова, что они имеют целый ряд общих признаков, а называемые разграничительные признаки не выступают отличительными критериями анализируемых составов преступлений, поскольку в равной степени оказываются присутствующими и организации преступного сообщества, и бандитизму.

Уголовный закон признает, что бандитизм является более общественно опасным преступлением, чем организация преступного сообщества. Так, санкция за создание банды, а также руководство бандой предусмотрена в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, в то время как санкция за создание преступного сообщества и руководство им предусмотрена в виде лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет. Нижняя граница санкции, предусмотренной в ч. 1 ст. 209 УК РФ, оказывается выше, чем нижняя граница санкции, указанной в ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Аналогично подходит закон к установлению ответственности за участие в банде и преступном сообществе. За участие в банде

¹¹⁴ Бражник Ф., Толкаченко А. Указ. соч. С. 11.

определено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а за участие в преступном сообществе — от трех до десяти лет. Также соотносятся и санкции, предусмотренные в ч. 3 ст. 209 и ч. 3 ст. 210 УК РФ.

Следовательно, можно сделать вывод, что создание, руководство бандой, а также участие в банде признаются более общественно опасными преступлениями, чем те же действия применительно к преступному сообществу.

В связи с чем возникает следующий вопрос: как должны квалифицироваться действия лиц, в деянии которых содержатся признаки и бандитизма, и преступного сообщества, — только по ст. 209 УК РФ или по совокупности преступлений, т. е. и по ст. 209, и по ст. 210 УК РФ?

На первый взгляд, содеянное должно квалифицироваться только по ст. 209 УК РФ, поскольку она устанавливает ответственность за более общественно опасное преступление. Однако, как нам представляется, этот вывод будет неправильным, потому что ст.ст. 209 и 210 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за разные преступления. Действия, связанные с преступным сообществом, не могут охватываться действиями, образующими состав бандитизма. Парадокс закона заключается в том, что практически все преступные сообщества имеют в своем составе банды, но невозможно представить, чтобы банда включала в себя преступное сообщество. Общественная опасность преступного сообщества гораздо выше, чем банды, поскольку преступное сообщество может объединять самые различные организованные группы, в том числе и вооруженные, созданные для совершения нападений. Однако законодатель почему-то счел состав бандитизма более общественно опасным, чем состав организации преступного сообщества. Поэтому на основании действующего законодательства в случаях, когда в деянии виновных лиц имеются признаки, образующие составы организации преступного сообщества и бандитизма, содеянное виновными необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, т. е. и по ст. 210, и по ст. 209 УК РФ с обязательным учетом принципа субъективного вменения. Сознанием виновных должно охватываться, что они действуют в составе вооруженной группы, созданной с целью совершения нападений, входящей в преступное сообщество.

Нельзя согласиться с утверждением некоторых работников правоохранительных органов, что бандитизм представляет со-

бой специальную норму по отношению к организации преступного сообщества, поэтому в случае наличия в деянии виновных лиц признаков и организации преступного сообщества, и бандитизма всегда необходимо вменять в вину только бандитизм. Это неправильно.

Во-первых, банда представляет собой частный случай организованной группы, но не преступного сообщества. Во-вторых, и бандитизм, и организация преступного сообщества предусмотрены в Особенной части УК РФ в качестве самостоятельных составов преступлений. Если виновный последовательно совершил сначала одно преступление, а затем другое, то вменять ему в вину только одно преступление законных оснований нет. Например, виновный мог стать членом банды, а затем вместе с бандой вступить в преступное сообщество или, наоборот, сначала войти в преступное сообщество, а затем в составе этого преступного сообщества мог стать активным участником вооруженной группы, совершающей нападения. В обоих случаях имеется реальная совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 209 и 210 УК РФ, что должно найти отражение при квалификации содеянного виновным лицом наряду с иными совершенными им преступлениями.

Таким образом, содеянное виновным в случаях последовательного совершения действий, образующих составы преступлений, предусмотренных статьями 209 и 210 УК РФ (в любом порядке), необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

5.3. Квалификация убийства, совершенного преступным сообществом

Правила квалификации убийства, совершенного преступным сообществом, такие же, как и в случае убийства, совершенного организованной группой. Специфика квалификации данного преступления заключается в том, чтобы правильно установить и доказать признаки совершения убийства преступным сообществом.

В случае совершения убийства членами преступного сообщества содеянное, на наш взгляд, всегда должно квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенное организованной группой, а также по ст. 210 УК РФ, предусматривающей ответственность за действия, связанные с руководством преступным

сообществом или участием в нем. Если в деянии виновных лиц имеются также признаки иного состава преступления, например бандитизма, то содеянное требует дополнительной квалификации. В приведенном примере — по соответствующей части ст. 209 УК РФ и п. “з” ч. 2 ст. 209 УК РФ как убийство, сопряженное с бандитизмом.

Убийство должно квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ независимо от того, совершено оно одним или несколькими членами преступного сообщества, как для непосредственного исполнителя, так и для всех иных лиц, так или иначе участвовавших в подготовке и совершении убийства. Создатели и руководители преступного сообщества в соответствии с законом должны отвечать за совершенное убийство также по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.е. как за совершенное организованной группой, если данное убийство охватывалось их умыслом.

Представляется неправильным вывод А. Мордовца по данному вопросу: “Исходя из норм, содержащихся в ст. 210, организация преступного сообщества всегда представляет собой совокупность преступлений: предусмотренного ст. 210 и запланированных преступлений. Причем если такие преступления не совершены, то налицо совокупность преступного сообщества и неоконченного запланированного преступления, а если совершены — совокупность такого сообщества и оконченного запланированного преступления. Сам факт организации преступного сообщества (преступной организации) представляет собой одновременно и приготовление к совершению запланированных преступлений. Поскольку они всегда тяжкие или особо тяжкие, постольку приготовление к ним на основании ч. 2 ст. 30 УК признается преступным и наказуемым”¹¹⁵.

Такая рекомендация вызывает возражения по следующим основаниям.

Во-первых, в ч. 6 ст. 35 УК РФ сказано, что создание организованной группы *в случаях, не предусмотренных статьями Особой части настоящего Кодекса*, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана. Следовательно, создание преступного сообщества не может рассматриваться во всех случаях автоматически как приготовление к тем преступлениям, ради которых преступное сообщество создавалось, поскольку ответ-

¹¹⁵ Мордовец А. Указ. соч. С. 51.

ственность за его создание предусмотрена в Особенной части УК. Во-вторых, необходимо иметь в виду, что ст. 210 УК РФ не требует установления конкретных преступлений, ради которых создавалось преступное сообщество, ибо реализовать данное требование закона практически было бы невозможно. С точки зрения конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, необходимо установить, что преступное сообщество в принципе создавалось для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. В-третьих, вообще трудно представить ситуацию, когда преступное сообщество создавалось бы с целью совершения конкретных преступлений. Оно создается для занятия преступной деятельностью, в ходе которой совершаются различные преступления.

Поэтому следует признать, что данная рекомендация не может быть воспринята практикой.

6. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ

Институт уголовной ответственности за групповое убийство нуждается в совершенствовании, на наш взгляд, в трех направлениях. Первое — улучшение формулировок статей Общей части, второе — ликвидация законодательных пробелов, отражение в законе правил квалификации преступлений, совершенных в группе, третье — дифференциация ответственности непосредственно в ст. 105 УК РФ.

Многие исследователи в настоящее время предлагают различные пути совершенствования уголовной ответственности за групповое преступление. Остановимся на некоторых из них.

По мнению В. Иванова, в законе необходимо закрепить две разновидности группы: группу без предварительного сговора и группу, образованную по предварительному сговору. Он считает, что все без исключения мыслимые групповые разновидности могут быть образованы либо с предварительным сговором либо без такового. Следовательно, момент достижения соглашения может выступить универсальным критерием, благодаря которому групповые разновидности могут быть легко различимы. Исключением, пишет В. Иванов, учитывая традицию российского

уголовного законодательства, должна быть такая разновидность группы, как банда, обладающая неперенным признаком, отличающим ее от других разновидностей группировок — вооруженностью¹¹⁶.

На наш взгляд, серьезным недостатком данного предложения является то, что автор не учитывает степени “включенности” в совершение преступлений. Одно дело, если речь идет об одном групповом преступлении, а другое — если лица совместно занимаются преступной деятельностью, которая является основным источником их существования. И если в первом случае у виновных имеется сговор на совершение преступления, то во втором — виновные, по сути, заключают соглашение на занятие преступной деятельностью, что, безусловно, не одно и то же.

Р. Р. Галиакбаров предлагает для снятия всех спорных вопросов дать толкование устойчивости группы (а именно данный критерий, по его мнению, является ключевым признаком организованной группы) не только через систематичность совершения преступления группой лиц, но наряду с ней и через показатель длительности деятельности группы. Например, он предлагает признавать группу устойчивой и в случаях, когда объединение создается для совершения даже одного преступления, но требующего для его осуществления длительной подготовки при тщательной специализации соучастников¹¹⁷.

По нашему мнению, направление совершенствования закона, предложенное Р. Р. Галиакбаровым, заслуживает внимания. Однако введение в УК РФ такого понятия, как систематичность совершения преступлений, не будет способствовать единообразию практики применения закона, поскольку неизбежно возникнут вопросы, касающиеся толкования данного понятия. Кроме того, такой показатель, как длительность существования группы, не является уголовно-правовым, в силу чего его употребление в тексте УК вряд ли может быть оправданно.

Н. П. Водько предлагает закрепить в законе следующее определение организованной группы:

“(3) Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой, сплоченной группой лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений”¹¹⁸.

¹¹⁶ Иванов В. Указ. соч. С. 47—48.

¹¹⁷ Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. С. 77.

¹¹⁸ Водько Н. П. Указ. соч. С. 24.

Иначе говоря, автор считает необходимым дополнить текст закона словами “сплоченной группой лиц”, что, на наш взгляд, не повлияет на улучшение качества закона, а главное, не будет способствовать совершенствованию правоприменения, поскольку признаки, предлагаемые автором, не имеют четко очерченного уголовно-правового значения, а являются по своей сути криминологическими.

Е. А. Мохов сформулировал определения организованной преступной группы, преступной организации и преступного сообщества. По нашему мнению, данные им определения не могут быть использованы в качестве законодательных, поскольку они носят излишнеописательный характер. Так, автор в качестве базового выдвигает следующее понятие: “Организованная группа — группа лиц, заранее объединившихся для совершения нескольких преступлений, которая характеризуется наличием организатора и (или) руководителя, распределением ролей (функций) между участниками группы или структурными подразделениями этой группы, предварительной подготовкой совершения преступлений”¹¹⁹.

Если данное понятие признать как законодательное, то применить его на практике будет затруднительно, поскольку установить в каждом конкретном случае все указанные в определении признаки просто невозможно. Например, в организованной группе, если она малочисленна и состоит из родственников, может отсутствовать руководитель и (или) организатор. Значит, исходя из редакции закона, предложенной Е. А. Моховым, нельзя содеянное такой группой преступление квалифицировать как совершенное организованной группой, потому что не все необходимые критерии установлены в данном конкретном случае.

Представляется, что использовать криминологические (описательные) понятия в качестве законодательных определений недопустимо, поскольку правоприменение в этом случае столкнется с непреодолимыми трудностями. Практически будет невозможно применить уголовный закон, если он будет указывать следующие признаки преступной организации: “Преступная организация — устойчивое, высокоорганизованное, законспирированное и защищенное от социального контроля объедине-

¹¹⁹ Мохов Е. А. Проблемы совершенствования правового обеспечения борьбы правоохранительных органов с организованной преступностью // Следователь. 2001. № 2. С. 39.

ние организованных преступных групп, созданное на криминально-профессиональной основе для получения постоянного преступного дохода, действующее самостоятельно или в составе преступных формирований на региональном, межрегиональном или международном уровне”¹²⁰.

Само по себе данное определение, на наш взгляд, правильно передает суть преступной организации (преступного сообщества) как объединения организованных групп, однако излишняя детализация сводит на нет весь его законодательный потенциал.

Имеются и другие подходы при трактовке понятий “организованная преступная группа” и “преступное сообщество”. Однако мы не ставили цель проанализировать все имеющиеся в литературе позиции по данному вопросу, ограничимся уже приведенными. Они наглядно показывают главное: определения форм соучастия в действующем законодательстве требуют совершенствования. Мы предлагаем следующее толкование рассматриваемых терминов:

“1. Преступление признается совершенным группой лиц (скопом), если оно совершено двумя или более соисполнителями, действовавшими без предварительного сговора.

2. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору (по сговору), если оно совершено двумя или более соисполнителями, действовавшими по предварительному сговору.

3. Преступление признается совершенным организованной группой (шайкой), если оно совершено лицами, входящими в группу, созданную с целью занятия преступной деятельностью, т. е. с целью совершения преступлений, независимо от характера и ролей, которые они выполняли при совершении данного преступления. Преступление признается совершенным организованной группой и в тех случаях, когда оно было совершено лицами, входящими в банду или в преступное сообщество в интересах данных преступных формирований.

4. Банда — это вооруженная группа лиц, созданная с целью совершения преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью.

¹²⁰ Там же.

5. Преступное сообщество — это объединение двух или более организованных преступных групп, созданное с целью координации преступной деятельности.

По нашему мнению, основанием выделения форм соучастия должна служить степень “включенности” виновных лиц в занятие преступной деятельностью. При совершении преступления группой лиц без предварительного сговора, т.е. при совершении преступления скопом, она минимальная. При совершении преступления группой лиц по предварительному сговору (по сговору) она выше, поскольку виновные заранее готовятся к совершению преступления, разрабатывают план, добывают оружие и т. д. При совершении преступления в составе организованной группы (шайки), она максимальная, потому что занятие преступной деятельностью требует значительных интеллектуальных, физических, материальных, временных и иных усилий со стороны ее участников. Занятие данной деятельностью, как правило, является основным источником существования членов шайки. На наш взгляд, можно утверждать, что организованная группа, когда два или более лица в какой-либо форме заключают соглашение на совместное занятие преступной деятельностью, всегда создается со специальной целью — совместного совершения ряда преступлений.

Банда и преступное сообщество имеют в своей основе признаки организованной группы. Только в одном случае это группа вооруженная, а в другом — это несколько организованных групп, объединенных для координации преступной деятельности. Преступное сообщество может включать в свой состав и банды, т. е. вооруженные группы, созданные с целью совершения преступлений, сопряженных с применением насилия. По нашему мнению, исходя из того, что степень общественной опасности банды чрезвычайно высока, действия соответствующих лиц должны квалифицироваться по обеим статьям УК, предусматривающим ответственность за действия, образующие и бандитизм, и организацию преступного сообщества, т. е. и по ст. 209 УК РФ и по ст. 210 УК РФ.

Введение в законотворческий словооборот таких кратких понятий, как “скоп”, “сговор”, “шайка”, наряду с имеющимися в УК РФ “банда” и “сообщество”, не будет излишним. Они правильно передают суть форм соучастия, их употребление отвечает правилам законодательной техники, соответствует традициям

русского уголовного права, основывается на словарном богатстве русского языка. Данные понятия позволяют избежать в необходимых случаях сложных словообразований, упрощают передачу сути требований закона.

Организованность в шайке, на наш взгляд, должна пониматься не в плане иерархичности построения, хотя это и не исключается, а в смысле нацеленности на совместное занятие преступной деятельностью двух или более лиц. Чем многочисленнее шайка, тем более организованной она может быть. Преступная деятельность предполагает совместное совершение ряда преступлений на протяжении определенного промежутка времени.

В Уголовном кодексе важно предусмотреть правила квалификации преступлений, совершенных в составе группы, имеющей особенности субъектного состава.

Например, Д. Савельев считает необходимым включить в УК РФ следующую норму:

*“Ст. 32¹. Совершение преступления группой
вне соучастия*

1. Преступление признается совершенным группой лиц вне соучастия в форме умышленного или неосторожного сопричинения.

2. Умышленным сопричинением признается умышленное совершение преступления вменяемым физическим лицом, достигшим установленного настоящим Кодексом возраста, с использованием физических усилий лиц, не отвечающих общим или специальным условиям уголовной ответственности.

3. Неосторожным сопричинением признается совместное совершение преступления по неосторожности несколькими лицами”¹²¹.

Поскольку подобный подход будет противоречить, как считает Д. Савельев, действующему законодательству, то УК необходимо привести в соответствие с предлагаемыми изменениями. В частности, ч. 6 ст. 34 УК РФ Д. Савельев предлагает дополнить следующим текстом: “Лицо при умышленном сопричинении подлежит уголовной ответственности как исполнитель преступления, совершенного группой лиц”¹²².

Как мы уже отмечали выше, не может быть умышленного группового преступления вне соучастия. Противопоставлять

¹²¹ Савельев Д. Указ. соч. С. 48.

¹²² Там же. С. 50.

соучастие в широком смысле слова и групповое преступление неправильно. Второе является частью первого. Поэтому соглашаться с данным подходом нельзя.

На наш взгляд, в законе необходимо следующим образом отразить правила квалификации содеянного в случаях, когда субъект уголовного права совершает преступление совместно с лицами, не попадающими под уголовную ответственность в силу каких-либо оснований, предусмотренных уголовным законом:

“Исполнитель подлежит ответственности за преступление, совершенное скопом, по сговору или шайкой и в тех случаях, когда иные лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности в силу оснований, предусмотренных настоящим Кодексом”.

Ответственность за различные формы соучастия в статьях Особенной части УК РФ, по нашему мнению, не должна претерпеть кардинальных изменений. Скоп, сговор, шайка должны учитываться как квалифицированные виды соответствующих составов преступлений. Создание, руководство, участие в банде и в преступном сообществе как наиболее опасные формы преступной деятельности необходимо рассматривать в качестве самостоятельных составов преступлений (соответственно ст.ст. 209 и 210 УК РФ) в следующей редакции:

Статья 209. Бандитизм

1. Участие в банде, а также в нападении, совершаемом бандой,

наказывается <...>

2. Создание банды или руководство бандой —

наказывается <...>

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются <...>

Представляется целесообразным вернуться к традиционной структуре статей Особенной части УК. Имеющаяся в настоящее время редакция ст. 209 УК РФ неоправданно отступает от правила построения статей Особенной части и формулирует в части первой более суровый состав, чем в предусмотренный в части второй. Аналогичное предложение касается ст. 210 УК РФ, которую предлагается изложить в следующей редакции:

Статья 210. Преступное сообщество

1. Участие в преступном сообществе —

наказывается <...>

2. Создание преступного сообщества или руководство преступным сообществом (его структурными подразделениями)

наказывается <...>

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения,—

наказываются <...>

Поскольку в Общей части УК раскрывается понятие преступного сообщества, то, по нашему мнению, нет необходимости повторять его в статье Особенной части, которая должна предусматривать ответственность за конкретные действия, связанные с преступным сообществом.

В целях совершенствования уголовного законодательства, более справедливой дифференциации ответственности за групповое убийство считаем важным произвести следующие изменения закона: *ответственность за убийство, совершенное организованной группой, следует предусмотреть в ч. 3 ст. 105 УК РФ, так как действительная опасность данного преступления в настоящее время не в полной мере отражается в уголовном законодательстве.*

Квалифицировать убийства, совершенные в интересах банды или преступного сообщества, нужно по ч. 3 ст. 105 УК РФ как для лиц, организовавших и совершивших убийство, так и для лиц, отдавших приказ о его совершении.

Возможна квалификация содеянного как соучастия в убийстве, совершенном организованной группой, для лиц, не входящих в состав организованной группы, в случае, если они выполняли роли организаторов, подстрекателей, пособников преступления, совершенного организованной группой. Однако, если данные роли выполняли члены организованной группы, то их действия, независимо от выполняемой ими роли при совершении преступления, должны квалифицироваться как соисполнительство в убийстве, совершенном организованной группой.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

1. Какова история развития законодательства об уголовной ответственности за убийство, совершенное преступной группой?

В уголовном законодательстве России впервые ответственность за убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, была установлена в 1993 году. До этого времени законодательство не содержало нормы, предусматривающей повышенную ответственность за убийство, совершенное группой лиц. И лишь УК РФ 1996 г. предусмотрел уголовную ответственность за убийство, совершенное группой лиц, убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, и убийство, совершенное организованной группой.

2. В чем отличительные признаки убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц?

Признаками данного вида убийства являются следующие: 1) преступление совершается двумя или более лицами; 2) по предварительному сговору; 3) все лица, участвующие в совершении преступления, выступают в качестве соисполнителей.

3. Может ли содеянное убийство квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенное по предварительному сговору группой лиц, если оно совершено группой, в которой только одно лицо может быть признано субъектом данного преступления, а остальные лица в силу различных оснований не являются субъектами уголовного права?

Данный вопрос в доктрине уголовного права решается противоречиво. По нашему мнению, действия субъекта могут квалифицироваться как совершенные группой лиц по предварительному сговору, поскольку он и субъективно, и объективно объединял свои усилия с иными лицами при совершении убийства.

4. Имеет ли значение время заключения сговора на убийство для признания преступления совершенным по предварительному сговору группой лиц?

Да, имеет. Убийство только в тех случаях признается совершенным по предварительному сговору группой лиц, когда сговор на совершение преступления состоялся до начала выполнения действий, непосредственно направленных на лишение потерпевшего жизни.

5. Имеет ли значение форма, в которой состоялся сговор на убийство?

Закон не связывает заключение сговора на убийство с какой-либо формой соглашения. Оно может состояться в любой форме: словесной, письменной, конклюдентных действий и т. д.

6. Должно ли содеянное квалифицироваться как убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц, если сговор на убийство состоялся в процессе совершения иного преступления, например во время избивания потерпевшего?

По нашему мнению, сговор на убийство может состояться и в процессе совершения иного преступления. Так, если, виновные избивали потерпевшего, а затем решили его убить, то содеянное при доказанности перерастания умысла на убийство может быть квалифицировано как совершенное по предварительному сговору группой лиц.

7. В каких случаях действия виновных лиц признаются соисполнительством в убийстве?

В тех случаях, когда виновные принимали непосредственно участие в процессе лишения потерпевшего жизни с умыслом, направленным на его убийство, т. е. когда они полностью или частично выполняли действия, образующие объективную сторону состава убийства.

8. Каковы наиболее типичные ошибки, связанные с неправильной квалификацией содеянного как убийства, совершаемого по предварительному сговору группой лиц?

На наш взгляд, самыми распространенными ошибками являются следующие: 1) ошибочное признание соучастников соисполнителями убийства; 2) ошибочное признание соисполнителей соучастниками убийства; 3) ошибочное признание одних и тех же лиц одновременно и соучастниками и соисполнителями убийства; 4) ошибочное непризнание соисполнителями лиц, умысел которых был направлен на убийство потерпевшего, когда в основу квалификации содеянного виновными берутся только фактически причиненные ими последствия, без учета их действий в составе группы.

9. Как следует квалифицировать убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное совместно с иным лицом?

Соучастия в убийстве, предусмотренном ст. 106 УК РФ, быть не может. Поэтому действия матери ребенка должны квалифицироваться по ст. 106 УК РФ, а действия иного лица — по п. “в”

ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

10. Как следует квалифицировать действия виновных лиц, если они по предварительному сговору совершили убийство двух или более потерпевших, но не все из них принимали непосредственное участие в убийстве всех потерпевших?

Поскольку лишение жизни всех потерпевших образует в целом одно преступление, предусмотренное п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ, действия виновных лиц в этом случае должны квалифицироваться по пп. “а”, “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

11. В чем отличие убийства, совершенного группой лиц, от убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц?

Главное отличие данных преступлений заключается во времени достижения сговора на убийство потерпевшего. При совершении убийства по предварительному сговору группой лиц сговор на убийство всегда достигается до начала действий, направленных непосредственно на лишение потерпевшего жизни всеми исполнителями. При совершении убийства без предварительного сговора — после.

12. В чем особенности убийства, совершаемого в драке группой лиц?

Особенность данного преступления заключается в том, что возможны различные варианты квалификации действий виновных лиц, принимавших участие в избитии потерпевшего, закончившимся его смертью. Правильность квалификации содеянного виновными зависит от установления характера и направленности умысла и действий виновных лиц, принимавших участие в избитии потерпевшего. Для вменения в вину преступления, предусмотренного п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо установить и доказать, что лица, участвовавшие в драке, действовали с прямым или косвенным умыслом по отношению к смерти потерпевшего.

13. В каких случаях убийство должно квалифицироваться как совершенное организованной группой?

В литературе существует целый спектр мнений по данному вопросу. По нашему мнению, убийство должно признаваться совершенным организованной группой в тех случаях, когда данная группа образовалась с целью совершения тяжких преступлений, конструктивным элементом которых является приращение насилия над личностью, таких как: убийство, изнасило-

вание, вымогательство, разбой, похищение человека, захват заложника, терроризм и т.д.

14. Имеет ли значение та конкретная роль, которую играл виновный в составе организованной группы, для квалификации его действий по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ?

В литературе по данному вопросу высказываются противоположные суждения. На наш взгляд, действия всех участников организованной группы, участвовавших в совершении преступления, должны квалифицироваться по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенные в составе организованной группы, независимо от характера выполняемой ими роли при совершении убийства, без ссылки на ст. 33 УК РФ.

15. Может ли убийство квалифицироваться как совершенное организованной группой, если его совершил один человек по заданию организованной группы?

Представляется, что и в этом случае содеянное должно быть квалифицировано как совершенное организованной группой, если исполнитель является членом организованной группы, в преступных интересах которой он действовал.

16. Может ли банда быть признана особым видом организованной группы?

Да, может, поскольку банда кроме ее специальных признаков включает в себя все признаки организованной группы.

17. Каким образом можно определить банду?

Банда — это вооруженная группа, состоящая из двух или более лиц, созданная с целью совершения преступлений, сопряженных с применением насилия над личностью.

18. Какое оружие образует признак вооруженности при бандитизме?

Для ответа на данный вопрос необходимо обращаться к Федеральному закону “Об оружии”, а также к постановлениям Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” и “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств”.

19. Может ли содеянное квалифицироваться как бандитизм, если из всех лиц, образующих вооруженную группу, только одно достигло 16-летнего возраста?

Большинство исследователей на данный вопрос отвечают отрицательно. По нашему мнению, действия данного лица при

наличии всех иных необходимых признаков могут быть квалифицированы как бандитизм.

20. Какова цель создания банды?

Как сказано в законе, банда создается в целях нападений.

21. Какие действия образуют нападение?

В постановлении Пленума Верховного суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” указывается, что под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения.

22. Каким образом квалифицировать убийство, совершенное бандой в процессе нападения?

Содеянное должно квалифицироваться по пп. “ж” и “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное организованной группой и сопряженное с бандитизмом.

23. Каким образом квалифицировать убийство, совершенное членами преступного сообщества в его интересах?

Убийство, совершенное членами преступного сообщества, необходимо квалифицировать по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство, совершенное организованной группой, потому что в основе понятия преступного сообщества лежит понятие организованной группы.

24. В чем отличие преступного сообщества от организованной группы?

Представляется, что для ответа на данный вопрос необходимо дать ограничительное толкование закона, поскольку при буквальном понимании закона произвести грань между преступным сообществом и организованной группой не представляется возможным. По нашему мнению, преступное сообщество — это объединение организованных групп, созданное с целью координации преступной деятельности, а организованная группа — это группа из двух или более лиц, созданная с целью совершения ряда преступлений.

25. Каким образом квалифицировать действия лиц, если в их деянии содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст.ст. 210 и 209 УК РФ?

Содеянное виновными в случаях совершения действий, образующих состав преступлений, предусмотренных статьями 209 и 210 УК РФ в любой последовательности, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ.....	6
1.1. Совершение убийства двумя или более лица- ми.....	7
1.2. Предварительный сговор на совершение убийства	22
1.3. Соисполнительство как признак убийства, со- вершенного группой лиц по предварительному сговору..	27
1.4. Иные проблемы, возникающие при квалификации убийства, совершенного по предварительному сговору группой лиц	46
Убийство, совершенное группой лиц, в преступлении со специ- альным субъектом.....	—
Убийство двух или более потерпевших, совершенное группой лиц по предварительному сговору.....	49
Укрывательство убийства, совершенного группой лиц по предва- рительному сговору.....	51
Экссесс исполнителя и убийство, совершенное по предварительно- му сговору группой лиц.....	53
2. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ГРУППОЙ ЛИЦ.....	55
2.1. Отличительные признаки убийства, совершенного группой лиц.....	56
2.2. Квалификация убийства, совершенного в группо- вой драке.....	59
3. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ.....	74
3.1. Признаки убийства, совершенного организованной группой.....	—

3..2. <i>Квалификация убийства, совершенного организованной группой</i>	84
4. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ БАНДОЙ КАК ОСОБЫМ ВИДОМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ.....	88
4.1. <i>Признаки бандитизма</i>	—
1. <i>Устойчивость</i>	90
2. <i>Вооруженность</i>	91
3. <i>Группа из двух и более лиц</i>	100
4. <i>Цель создания банды — совершение нападения на граждан или организации</i>	101
4.2. <i>Формы бандитизма</i>	106
<i>Понятие форм бандитизма</i>	—
<i>Соотношение форм бандитизма</i>	110
4.3. <i>Квалификация убийства, совершенного бандой</i>	113
5. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ УЧАСТНИКАМИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА КАК ОБЪЕДИНЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП.....	117
5.1. <i>Отличие преступного сообщества от организованной группы</i>	121
5.2. <i>Соотношение составов «организация преступного сообщества» и «бандитизм»</i>	128
5.3. <i>Квалификация убийства, совершенного преступным сообществом</i>	132
6. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ..	134
ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ.....	142

Александр Николаевич ПОПОВ,
кандидат юридических наук, доцент

УБИЙСТВО,
СОВЕРШЕННОЕ
ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ
(п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ)

ИД № 01501 от 10 апреля 2000 г.

Редакторы *Н. В. Бибикова, Н. Я. Ёлкина*
Компьютерная правка и верстка
Т. И. Сьюлгиной
Корректор *Ю. А. Веселова*

Подписано к печати 30.12.2002 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура “Times New Roman Cyr”. Ризография. Печ. л. 9,25.
Уч.-изд. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ 1593.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44
Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ